

WARHAMMER
40,000

SPACE MARINE BATTLES™

МАГИСТР КУЗНИЦЫ

ДЭВИД АННАНДЕЙЛ

WARHAMMER
40,000

SPACE MARINE BATTLES™

МАГИСТР КУЗНИЦЫ

ДЭВИД АННАНДЕЙЛ

A WARHAMMER 40,000 NOVELLA

МАГИСТР КУЗНИЦЫ

ДЭВИД АННАНДЕЙЛ

Перевод: *Shalliar*

Источнику: <https://wiki.warpfrog.wtf/>

Вёрстка и оформление: *Urbasian*

WARHAMMER 40,000

Сорок первое тысячелетие. Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — повелитель человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий.

Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему.

Даже находясь на грани жизни и смерти, Император продолжает свое неусыпное бдение. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его в бесчисленных мирах. Величайшие среди Его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины. У них много товарищей по оружию: Астра Милитарум и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов и многих более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить. Забудьте о могуществе технологии и науки — слишком многое было забыто и утрачено навсегда. Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, и о согласии, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

ПРОЛОГ

Вопль... Беззвучный, без намеков на голос и дыхание, он все же вонзился в него когтями, сотканными из чистой горечи. Вопль нарастал, пока этот незвук не разорвал его душу на части.

По пробуждении же Элисата встретила агония. Так происходило каждый раз на протяжении дней, даже недель; достаточно времени прошло, чтобы время размылось, чтобы прошлое и будущее затерялись за беспросветным настоящим, состоящим из избиений и изнурительной работы. Материальная реальность не давала забыть о себе ни на секунду, перегружая чувства не стихающей болью, нарушая концентрацию пленника и отрезая его от всего, что не было частью испытываемым им телесных мук.

Орки мучали его до тех пор, пока он не стал полной развалиной. Его тело и без того уже было старым, слабее, чем у остальных пленников-эльдар. Взгляд Элисата упал на собственные руки, на длинные пальцы, уже ставшие полупрозрачными в ходе начавшейся кристаллизации. Ксенос уже давно шел по Пути провидца и забрался так далеко, что конец его телесного существования успел стать самой сутью его реальности. Каждое новое явление неизменно пропускалось через призму его скорого слияния с Кругом Бесконечности — по крайней мере, так обстояло дело до того, как Элисата поймали.

Орки превратили эльдара из одухотворенного существа не более чем в тварь, обладающую нервными окончаниями. И даже когда он больше уже не мог трудиться, орки не убили его. Они отняли все, что у него было — даже бесценный путевой камень стал жертвой то ли их жадности, то ли инстинктивной злобы. И все же, он оставался жив. Возможно, они знали и другие способы использовать эльдарского провидца. Пускай зеленокожие и были грубыми существами, они обладали хитростью, которую смертельно опасно было упускать из виду — и самым хитрым был их вожак.

Итак, Элисат вернулся из забвения напрямиком в объятия агонии — но это не было для него чем-то новым. Нет, новостью для него стало то, что в

сознание его вернул не пинок по ребрам и не удар хлыста. Его разбудила еще большая мука — психический вопль его умирающего брата. Этот вопль отозвался в его душе и разуме так, как будто был его собственным — но так как крик все-таки принадлежал не ему, то он принес с собой еще и всепоглощающую скорбь. За болью, за скорбью, было еще и понимание того, что означала смерть его брата. На Элисата только что обрушилось бремя долга — долга, который он не мог исполнить. Последствие этого знания нельзя было назвать ничем иным, как отчаянием в самой чистейшей его форме — и не нужно было быть провидцем, чтобы понять, почему.

Осколок Каэла Менша Кхаина теперь стал его бременем — и Видящий никак не мог защитить его, ведь он не мог помочь даже самому себе. Измученный и на пределе отчаяния, он не мог сделать ничего, кроме как начать молиться давно убитым богам — а также богу расколотому, — о том, чтобы осколок все-таки не был бы найден. Элисат попытался было предвидеть, исполнится ли его желание, но как только он попробовал отправить свое сознание в странствие по пряже будущего, он врезался в стену из хаотичной, яростной энергии орков. Нити зреющих вероятностей изменялись и рвались так быстро и так непредсказуемо, что Элисат не мог выявить никакой закономерности, а психическая аура орков, самое воплощение бьющей через край злобы, угрожала захлестнуть и удушить его. Видящий не мог увидеть ничего за этим беспорядочным хаосом — и кроме того, у эльдара не было его рун. Орки отобрали их, как и все остальное его имущество — а ведь без них Элисат не мог ориентироваться на кружеве времени.

Что-то приближалось. Элисат услышал, как изменилась какофония ругательств его охранников. Дикарский смех и шум драк стихли — им на смену пришли трепет, предвкушение и страх.

Элисат поднял голову. Его каморка немногим отличалась от простой подсобки, куда убирали хлам, а не содержали живых существ. В ней едва можно было сесть, а лечь эльдар мог, только свернувшись в позу эмбриона. Пол был скрыт за нечистотами, являвшими собой культурный слой, не способный поведать ни о чем, кроме горя. Дверь же в камеру, как и все остальное на этом корабле, была грубо сработанной, но все же исполняющей свое предназначение — лоскутное одеяло из обрезков металла, сваренных в одно целое, она была такой же прочной, как ее края — острыми. По крайней мере, пусть у нее и не было решетки, ксенос мог выглядывать наружу через дыры и разрывы в металле, недостаточно широкие, чтобы просунуть через них руки, не вскрыв при этом себе запястья, но достаточно широкие, чтобы видеть коридор корабля — и Элисат смотрел, пока существо приближалось к нему.

Присутствие чужака было практически осязаемым. Орки взвыли в приступе фанатичного преклонения. Пленники захныкали, всей душой надеясь на быструю смерть. Элисат же, присев, внимательно наблюдал за новоприбывшим. Он боялся судьбы куда хуже гибели.

Элисат слышал, как приближался зверь, как гремели, подобно барабанам войны, его шаги по металлическому настилу. Этот грохот отдавался даже в хребте Элисата, и становился все громче, по мере приближения чужака. Пыль и ржавая крошка с каждым шагом взмывали в воздух — и тут, прямо перед камерой эльдара, чудовище остановилось. Теперь единственным звуком, нарушавшим тишину, было дыхание орка — глубокое, больше подходящее на рычание, оно безошибочно указывало на невероятную силу и едва сдерживаемую ярость, рокочущую в широкой груди зеленокожего.

Орк закрыл своей спиной тусклое освещение коридора — так, что Элисат мог разглядеть лишь силуэт ксеноса, который был шире собственного роста. Орк был самым воплощением насилия — и правителем целой империи.

Элисат не видел глаз орка, но судя по наклону его головы он догадался, что зверь смотрит на него. Он мешкал, думал — и размышляющий орк, по опыту Элисата, мог быть лишь одной из двух вещей — либо до комического идиотским зрелищем, либо чем-то смертельно опасным. Ничего смешного Видящий в новоприбывшем не усматривал — лишь надвигающийся рок.

Орк повернулся и громогласно проревел какой-то приказ — а затем пошагал дальше. Пока он уходил, Элисат осел на заднюю стенку своей камеры. Клубок возможных будущих внезапно распутался — и пусть эльдар видел не дальше, чем до этого, ему не было никакой нужды знать больше. Корабль изменил курс. Элисат знал, куда тот направился.

Нет... — подумал он. — Только не туда. Только не этот орк...

В конце концов, это знание было бесполезным. Элисату оставалось только молиться.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Что ты такое?

Вопрос никак не желал покидать его голову, как бы он не старался его прогнать.

Хищник скрывался где-то во внешних пределах системы Лепид, медленно плывя сквозь пустоту в ожидании своей добычи. Он не был изящным охотником, но зато мог похвастаться размером — более четырех тысяч метров в длину, он сильно раздавался и вширь, а бронированный нос устремлялся вперед подобно сжатому кулаку. В его дизайне не было ничего утонченного — каждая бронепластина и заклепка корабля были посвящены лишь одной цели — жестокой расправе над противником. И в данный момент корабль преследовал одну конкретную цель, которую нужно было заманить в подходящее для расправы место.

Этим хищником был «Вердикт наковальни» — ударный крейсер Пятой резервной роты ордена Саламандр. Стоя в стратегиуме, возвышавшемся над остальной частью напоминающего собор мостика, капитан Мульцебар инструктировал своих офицеров. Его широкое, с низко посаженными бровями, лицо редко посещала улыбка — нет, он был похож на стойкого, бесстрастного бога войны, вырезанного из цельного куска оникса, а его горящие красным глаза выдавали жар домны, пылающей глубоко внутри капитана. И все же, пока капитан говорил, сержанту Ба'бирину казалось, что он мог уловить нотки глубокого удовлетворения в голосе командира.

— Миссии, предпринятые нашими братьями из Гвардии Ворона и Белых Шрамов, увенчались успехом. Оркам на планете и ее луне были нанесены сокрушительные удары. Но что более важно именно для нас — эти удары возымели нужный эффект. Наш сенсориум засек приближение через варп одного крупного объекта, окруженного бесчисленными объектами поменьше.

— Он идет, — подытожил сержант Нелей.

Мульцебар кивнул.

— Похоже на то.

Офицеры оживились, ожидание грядущего боя в них граничило с предвкушением. Для некоторых из них — включая Ба'бирину, вынужденное бездействие было настоящей пыткой. Саламандр и так уже отвлекли от выполнения их изначальной миссии. Они должны были отправиться на Антагонис, чтобы помочь Черным Драконам в борьбе с чумой не-смерти, когда в этой системе объявилась более неотложная угроза Империи, и орден незамедлительно ответил — только чтобы бесцельно потратить свое время. Пока Гвардия Ворона и Белые Шрамы с честью исполняли свой долг, Саламандры застряли здесь, в сотнях миллионов километров от поля боя, ожидая шанса, который они могли никогда и не получить. Их целью был сам лидер орков — Верховный Изверг. Вторжение в эту систему было делом именно его рук, но до сих пор ответить на эту дерзость не представлялось возможным. Согласно докладам имперской разведки, Изверг путешествовал в составе громадной флотилии, которую невозможно было разгромить имевшимися на данный момент силами. Но пускай они и не могли сами прийти к орку, они были в силах заставить ксеноса прийти к ним. Убийство лейтенантов зеленокожего как раз и несло в себе цель выманить чудище. И наконец-то оно явилось.

Ожидание окончилось, кузница войны позвала их...

Что ты такое?

Слова раз за разом раздавались в голове Ха'гарена назойливым биением, пока он шел в машинариум. Ему не казалось, что на этот вопрос стоило отвечать. Он сам вообще не размышлял над этим вопросом. Он был самим собой, как и всегда. Конечно, за последние годы с ним произошли определенные изменения — и Ха'гарен знал о них, пусть даже бремя эмоций и не сопровождало это осознание, — но важнейшая истина оставалась неизменной. Он был Ха'гареном, технодесантником Пятой роты Саламандр. Какие вообще вопросы могли быть на этот счет?

И все же, вопрос был задан. И словами его были не «*Кто ты такой?*», какими бы обличительными и намекающими на сомнения, терзающие вопрошающего, они не казались. Нет, «*Что ты такое?*» было куда более принципиальным вопросом, затрагивающим самую основу его естества. И озвучил его не просто какой-то боевой брат, но именно Ба'бирин.

Разум Ха'гарена, пытаясь отыскать первопричину беспокойства, вернулся более чем на столетие назад, в Гелиосу — город-маяк Ноктюрна, родного мира Саламандр. Именно тогда два аспиранта пережили испытания и заслужили право стать разведчиками ордена. То, что они знали друг друга еще до первого настоящего испытания наковальной, было необычно — но

тот факт, что они были, по сути, из одного дома, был совершенно неслышанным. Ба'бирин был сыном торговца шкурами са'рков. Ха'гарена же приняли в семью, после того как он осиротел — его родители распрощались с жизнью во время Поры Испытаний. Мальчики крепко сдружились. Оба стали учениками отца Ба'бирина, пусть Ха'гарен и не имел никакого таланта к выделке шкур, в отличие от брата. Вместе же их и забрали в рекруты. Вместе они одержали верх над всеми невзгодами и стали разведчиками.

Вместе они стали полноценными Саламандрами. Огнерожденными.

Целых семьдесят лет они сражались бок о бок, обрушивая гнев Вулкана на врагов Императора. Они знали об умениях друг друга так же много, как и о своих собственных. Их война была синхронным вращением смертельных шестерней, никогда не отступающих, всегда безостановочно перемалывающих своих врагов. Их боевые стили были разными, но отлично дополняли друг друга. Ба'бирин был настолько переменчивым, насколько вообще мог быть Саламандр, и имел настоящий талант к импровизации. Его финты и контрудары всегда заставляли врасплох врагов — но только не его брата, который предоставлял незыблемый фундамент для их совместных атак. Ха'гарен был неизменным, непоколебимым — настоящий метроном бесконечной войны, с помощью которого Ба'бирин исполнял свои смертельные мелодии. Ха'гарен был наковальней, о которую молот Ба'бирина энергично сокрушал ксеносов, еретиков и предателей.

Целых семьдесят лет они вместе выковывали цепь товарищества. Но, как оказалось, Ха'гарен был одарен пониманием механизмов. Мальчик Ха'гарен был безнадежен при работе с органическим хаосом животных шкур, однако Ха'гарен-космодесантник понимал машины, и когда он говорил с миром машин, тот отвечал ему. Возможно, это было попросту неизбежно, что чуть больше тридцати лет назад, капитан Мульцебар решил отправить боевого брата на Марс.

Ха'гарен вернулся домой технодесантником. Но не успел он даже узнать о том, что изменилось за время его отсутствия, как Ноктюрн был атакован. Мульцебар и вся Пятая рота были отряжены на защиту Гелиосы. Ба'бирин и Ха'гарен сражались на передовой, защищая город-убежище, свою родину.

Увы, их воссоединение нельзя было назвать счастливым. Ха'гарен видел по лицу Ба'бирина, что его что-то волновало, но сам не чувствовал той же напряженности. На самом деле, теперь он вообще мало что чувствовал — посвящение в Культ Омниссии помогло усмирить его эмоции. Некогда горевшая в нем страстность утихла, превратившись в ровную, размеренную смесь логики и поклонения. Его разум и душа наполнились тайнами машин и литаниями, посвященными всему неорганическому.

Когда он стал космическим десантником, он превратился в нечто, что его

прошлое, человеческое «Я» едва бы узнало, и уж точно не смогло бы понять. Он ощущал, как и полагалось воину Адептус Астартес, как неизбежно отдаляется от мира смертных.

Орден Саламандр всегда старался сократить этот разрыв, оставаясь частью людского сообщества на Ноктюрне — и все же, в случае с Ха'гареном, простая отдаленность стала зияющей бездной, когда тот вернулся с Марса. Технодесантник так и не озаботился тем, чтобы пересечь ее. Плоть лишь отвлекала, она была несовершенной, была всего лишь препятствием, которое приходилось преодолевать.

Конечно же, Ха'гарен понимал, как ему казалось, насколько же он изменился. Он осознавал, что его изменения были далеко не только лишь физическими. Но он не считал перемены настолько кардинальными, что они уничтожили то ядро его личности, которое пережило вознесение в ряды космического десанта, и которое продолжало жить в нем, как в технодесантнике.

Во всяком случае, он верил в это.

Что ты такое?

Этот вопрос впервые прозвучал во время битвы за Гелиосу. Самые ожесточенные сражения на Ноктюрне в то время бушевали у врат Гесиода. Силы предателя Нигилана, брошенные им на Гелиосу, служили не более чем диверсией, призванной отвлечь внимание от другой уловки чародея, но круты и другие наемники все равно сражались с той же дикостью, что и их товарищи в других участках планеты. Мульцебар побуждал своих воинов сражаться так, будто бы потеря Гелиосы означала уничтожение самого Ноктюрна — но их честь, верность и любовь к дому и так не допускали никакого другого подхода. Вот так, впервые за последние три десятилетия, Ха'гарен и Ба'бирин встретились друг с другом в бою.

Некогда их слаженность была такой, что они сражались, как две части одного механизма. Теперь же, когда большая часть Ха'гарена *стала* машиной, их единство исчезло. Ха'гарен перестал воспринимать финты Ба'биринина как что-то кроме ненужных излишеств. Они были бесцельной тратой сил, проявление мастерства на деле оказалось самоцелью. Технодесантник не видел нужды подстраиваться под брата, и не понимал, почему делал так в прошлом. Они обрушили на своих врагов ужасную кару и оставили за собой не один холм из трупов противников, но музыка их дуэта лишилась своей былой гармоничности. Теперь они славно сражались лишь потому, что были Саламандрами. Не потому, что они были вместе.

Когда ужасное оружие Нигилана вонзилось прямо в ядро Ноктюрна, сама земля вздыбилась и пустилась в пляс, а стены обрушились до основания. Перегруженные пустотные щиты не смогли удержать врагов — и те с

готовностью бросились внутрь города. Ксеносы и дикари, не тратя времени, обрушились на мирное население, как будто бы зная, что их поражение неизбежно, и решили по крайней мере насладиться разграблением Гелиосы вместо того, чтобы столкнуться с неумолимой силой Саламандр. У них не было никакой стратегии — лишь импульсивный, варварский порыв нанести как можно больше ущерба перед смертью.

Десятиметровая брешь разверзлась в стене именно на том участке, который удерживал Ха'гарен и отделение Ба'бирин. Сержант и трое его боевых братьев рухнули вниз, вместе с камнем и скалобетоном, но под ногами Ха'гарена стена устояла. Специалист взглянул вниз, и увидел, как его товарищи выбираются из завала. Испачканные пылью, они стали живыми статуями, восстающими из руин, чтобы противостоять судьбе. Их нельзя было остановить.

Но остановить нельзя было и рой врагов Саламандр, которые компенсировали отсутствие сверхчеловеческой силы своей численностью. Круты и люди ворвались в гражданское сооружение, расположенное в полусотне метров за стеной. Люди Гелиосы были ровно такими же стойкими и сильными, как и все жители Ноктюрна, и они были вооружены, но все же им никак было не сравниться с обрушившимися на них дикарями. Ха'гарен увидел, как Ба'бирин повел своих воинов на защиту соотечественников, и прикинул расстояние между гражданскими, Астартес и нападающими врагами. Исход был очевиден. Саламандры, без сомнения, истребят противников, но слишком поздно для того, чтобы предотвратить неминуемую резню.

В нескольких шагах от Ха'гарена стояла турель с тяжелым болтером. Ее оператор погиб, но оружие все еще оставалось в рабочем состоянии, так что технодесантник немедленно занял место стрелка — и услышал голос Ба'бирин в своей вокс-бусинке.

— Брат, нам бы не помешала твоя помощь, — сказал сержант.

Перед специалистом возник выбор. Он мог оставить свой пост и присоединиться к сражению внизу, или же удерживать позицию — вот только на самом деле никакого выбора тут не было. Было бы крайне нерационально лишаться тактического преимущества, но оставался еще один вопрос: куда же направить турель? Развернуть ли ее внутрь города и поддержать братьев огнем, или же нацелиться на куда большее скопление врагов, что уже неслись к бреши в стене.

И вновь Ха'гарен не мог сказать, что на самом деле у него был выбор. Технодесантник открыл огонь. Грохот тяжелого болтера был подобен ритмичному бою молота самого Вулкана, оружие с идеальной машинной размеренностью превращало ксеносов и еретиков в кровавую кашу.

— Ха'гарен?! — снова вызвал технодесантника Ба'бирин.

— Я делаю то, что должен, брат, — ответил ему тот. Специалист даже не имел в виду эту конкретную стычку внутри городских стен, исход которой был предрешен без его участия. Нет, Ха'гарен нацелился на военный потенциал противника в целом, сокращая число предателей и замедляя их продвижение. Оставались еще сотни и сотни наемников — куда больше, чем Ха'гарен мог бы надеяться убить, — но они были далеко не бесконечны. С каждым выпущенным масс-реактивным снарядом, что разрывал на мелкие ошметки плоть и кость, вздымая в небо грязь и кровь, вражеский натиск терял свою силу и скорость. Усилия Ха'гарена приносили свои плоды.

Однако эти плоды оказались не тем, на что надеялся Ба'бирин. Это был самый первый раз, когда его брат сознательно поступил наперекор желаниям сержанта. Они не просто лишились своего единства — нет, в тот раз они имели совершенно противоположные цели. Как оказалось, самым тяжким грехом Ха'гарена были неправильно расставленные приоритеты. Он узнал об этом уже после боя, после окончания войны. Гелиоса была спасена, и Ноктюрн начал медленно исцелять свои раны. Именно тогда, пока Ха'гарен был занят поисками все еще рабочего оружия на поле боя, Ба'бирин и решил встретиться с братом.

— Ты бросил нас! — заявил Ба'бирин безо всяких предисловий.

— Я лишь принял решение, диктуемое тактической необходимостью.

— Жители Ноктюрна — наши подопечные!

Ха'гарен понял, что его брат доверился чувствам, а не рассудку.

— Нашим долгом было успешное завершение войны. И я выполнил этот долг.

Именно тогда прозвучал тот самый вопрос.

— Что ты такое? — спросил его сержант, лишь покачав головой, а затем ушел восвояси.

Озадаченный, Ха'гарен просто проследил за тем, как другой Саламандра постепенно исчез из виду за дымящимися обломками металла и грудями опаленного камня, а затем вернулся к работе. Прозвучавший вопрос, без сомнения, был странным, но тогда технодесантник еще не осознал, какой глубиной тот обладал.

Что было важнее для него на тот момент, так это разрыв братских уз, связывавших его с сержантом. Ха'гарена, насколько это еще было возможно в его состоянии, снедала потеря верного товарища в лице Ба'бирина, и так продолжалось на протяжении не просто считанных дней, но целых месяцев, прошедших с этого момента.

Однако тем, что по-настоящему превратило заданный вопрос в

назойливый рефрен, были новости о судьбе Аргоса. Разум Аргоса был заражен в ходе вражеской атаки, сбив того с истинного пути и заставив обратиться против собственных братьев. Магистр кузни осознал, что с ним произошло, и сумел изгнать из себя заразу, но не ранее, чем нанес ордену серьезный удар. Это событие выбило Ха'гарена из колеи. То, что Аргос — один из самых могучих технодесантников ордена, мог быть атакован на таком фундаментальном уровне, являлось чем-то куда большим, чем предостережение об опасности беспечности. Нет, Ха'гарен давно встал на путь, который требовал от него метаморфоз тела и разума — и если даже величайший из ему подобных был уязвим, то и сам Ха'гарен сильно рисковал. Но как он мог следить за ходом своего странствия? Как он узнает, если вдруг свернет на скользкую дорожку?

Что ты такое?

Вопрос был так прост — и все же к нему не находилось подходящего ответа.

Ха'гарен наконец-то добрался до машинариума. В грядущей войне именно здесь будет его личное поле боя. Он станет стражем «Вердикта наковальни», оберегая его дух и поддерживая тело, пока корабль будет обрушивать ярость Вулкана на давно подстерегаемого ими врага. Окруженный машинами, громадными зверьми с металлическими шкурами и плазменными сердцами, он чувствовал, что находится среди родни. Литании битвы, освящения и успокоения стали сами собой срываться с его губ. Технодесантник начал общаться со своим необъятным подопечным, готовя корабль к бою. Техники и сервиторы незамедлительно бросились исполнять порученные им задачи, и просторное помещение наполнилось стуком и гулом коллективного труда, потрясающе выверенного и идеально скоординированного. Надоедливый рефрен наконец-то отступил в глубины подсознания Ха'гарена, когда он стал единым целым с «Вердиктом».

Механистический танец войны начался.

На главном экране тактикариума, Мульцебар следил за тем, как из варпа выходят корабли противника. Военачальник орков не разменивался по мелочам — убойный круизер сопровождала целая свора брандеров и ударных кораблей. Капитан наблюдал перед собой настоящий шторм из грубой агрессии — обычное выражение природы зеленокожих. Их корабли были сварены из натурального мусора — и все же, грубые как по виду, так и по сути, они оставались смертельно опасными. Даже один факт того, что они, вопреки здравому смыслу, не взрывались сами по себе, указывал на то, что недооценивать орков равноценно самоубийству.

Нападающие серьезно превосходили «Вердикт наковальни» числом. Он

был один. И все же он был более чем готов к такому повороту событий. Этот хищник притих, выжидая, пока орки не войдут в зону действия главного орудия.

— Нова-орудие заряжается, — отметил Фейнс.

— Благодарю, рулевой, — ответил тому Мульцебар. Капитан собирался нанести крузеру смертельный удар, а затем приблизиться, чтобы добить выжившую мелочь. Брать суда на абордаж Астартес не планировал — любой командир, который спешил схлестнуться с зеленокожими лицом к лицу, был не более чем глупцом, спешащим сыграть на руку диким ксеносам. Не было ничего героического в том, чтобы впустую растратить жизни своих воинов и команды корабля — тем более, что этот зеленокожий, манипулируя своими приспешниками, уже доказал, что является самым опасным орком, о котором Мульцебару доводилось слышать, — разумеется, после Зверя Армагеддона.

Но вскоре он обратится в пепел.

Мульцебар уставился на экраны, ожидая захвата цели и полной готовности нова-орудия. До сих пор, флотилия противника ничем не выказала, что знает о присутствии «Вердикта наковальни».

— Цель в пределах действия орудия! — отозвался артиллерийский офицер.

И орудие было готово... Мульцебар уже открыл рот, чтобы произнести приказ...

Как тут запел астропатический хор, и все изменилось.

Музыка шестерней была прервана. Гимны машин остались не спеты. Капитан вызвал технодесантника на мостик. Когда Ха'гарен добрался туда, он увидел Ба'бирину и всех остальных командиров отделений. Второй брифинг всего личного состава, так скоро после первого, да еще и прервавший важную работу — специалисту это показалось дурным предзнаменованием.

Выражение лица Мульцебара тоже не внушало излишнего оптимизма, на нем явно проглядывались раздражение и отвращение.

— Братья. Я получил сообщение, важность которого сопоставима лишь с его *своевременностью*. — Капитан скривился, произнося последнее слово. Ха'гарен никогда не видел своего капитана в ярости — и похоже, сейчас капитан ощущал именно ее.

Мульцебар на секунду замолк, перед тем как продолжить — и когда он заговорил снова, его тон был чуть более спокойным, как будто бы офицер понимал, что, несмотря на омерзение, ему нельзя молчать.

— Полученное нами сообщение было отправлено грозовым пророком Белых Шрамов. Нам нельзя уничтожать корабль врага — мы должны взять его на бордаж.

Капитан вновь скривился, как будто то, что он еще даже не успел сказать, уже успело оставить во рту неприятный привкус.

— Нам нужно взять корабль на бордаж и спасти эльдарского пленника.

На мостике воцарилась тишина. Ха'гарен увидел, как в глазах Ба'бирин вспыхнули знакомые огоньки — и не только у него одного. Не один боевой брат мечтал сейчас лишь о том, чтобы встретиться с орками поближе. Но суть задания, которое им сейчас поручил капитан, была просто отвратительной.

— Спасти? — переспросил Нелей.

— Он должен остаться в живых, — уточнил Мульцебар.

— Именем Вулкана... Почему, капитан? — тихо спросил Ба'бирин.

— Наши братья из ордена Гвардии Ворона встретились с зеленокожими, которые оказались до неестественного большими и агрессивными — если хоть что-то насчет орков можно считать естественным. Так или иначе, проявленная ими сила вызывает серьезную озабоченность.

— Но как это относится к тому, что мы должны спасти эльдара? — сказал Нелей.

— Он — Видящий, и знает, в чем дело. Какой бы неприятной ни была эта миссия, все же это наш долг. Мы должны атаковать орков, найти ксеноса и вывести его с корабля. А уже затем мы выведем у него все, что должны. — Эти последние слова Мульцебар произнес с угрожающими нотками в голосе.

Уже очень давно Ха'гарен не ощущал, как эмоции берут верх над рассудком — и наконец это чувство посетило его. Генетическая память его предков, страдавших от тысячелетий налетов эльдарских рабовладельцев, заставила его кровь вскипеть. Она требовала отмщения. Тот факт, что Ноктюрен был охотничьими угожьями темных эльдар, а не их менее извращенных сородичей, не имел никакого значения. Доставшаяся Саламандрам миссия была до жестокого ироничной.

— Бордажная группа будет состоять из двух тактических отделений под командованием Ба'бирин и Нелей, — сказал Мульцебар, а затем повернулся к Ха'гарену.

— Брат, твои навыки станут для нас большим подспорьем. Мы ничего не знаем о внутренней планировке корабля, не говоря уж о том, где ксеносы могут держать пленных. Узнай все, что сможешь. Стань поводырем для своих братьев.

— Во имя Вулкана. С его помощью я выполню ваш приказ, — опустив голову, произнес Ха'гарен.

Когда технодесантник поднял взгляд, то не смог не обратить внимание на выражение лица Ба'бирин — а точнее, на полное отсутствие на нем хоть каких-то эмоций, что само по себе было выразительней тысячи слов.

Все это время хищник готовился к войне. И он не оставил это занятие, пускай даже природа этой войны и изменилась до неузнаваемости.

Ожили двигатели, стены из камня и стали задрожали от их пробуждающейся мощи. «Вердикт наковальни» собирался погрузиться в зеленый вихрь — и его добыча не сдается без боя.

В солиториуме Ба'бирин тоже по-своему подготавливался к грядущему сражению — он проводил свое личное причастие с примархом, перед тем как присоединиться к братьям для совместной молитвы. Все его оружие уже было очищено, заряжено и освящено — и ожидало воина в соседней комнате, вместе со жрецом, который облачит сержанта в стоящий там же силовой доспех. Кроме Ба'бирин в солиториуме находился лишь его личный жрец-клеймитель, Акакий.

Облаченный лишь в набедренную повязку, Ба'бирин склонился над огнем. Жар раскаленных углей немилосердно омывал кожу, но сержант приветствовал это ощущение, раскрыв тело и душу очищающему пламени кузни и сопровождающей его боли, которая лишь делала воина сильнее.

Ба'бирин задумался о предстоящей ему миссии и заставил себя вспомнить обо всем, что его в ней раздражало — в особенности, о важности спасения эльдара. Отвращение и ненависть к расе чужаков из самой глубины его души поднялись на поверхность, и сержант дал им волю во вспышке чистой ярости. Саламандра излил всю свою злобу в огонь, чтобы кузня испепелила все ненужные эмоции, и на пепелище остался только долг. Когда же воин ощутил, что его гнев сменился такими же чистыми спокойствием и целеустремленностью, он поднялся на ноги и развернулся к Акакию.

— Я готов, — сказал он своему жрецу.

Акакий шагнул вперед. Узкое, аскетичное лицо слуги несло на себе печать прожитых лет и неизменного благочестия. Жрец опустил наконечник клейма в огонь, раскаляя его докрасна, а затем поднес инструмент к груди Ба'бирин, добавляя к карте из одержанных побед и принесенных обетов напоминание о еще одной священной клятве. Этот символ отныне связывал саму жизнь Ба'бирин с успешным выполнением задания — и спокойствие, которое даровала воину такая определенность, оправдало и заглушило собой испытанную им боль.

Очищенный, закаленный и полный решимости, Ба'бирин твердыми шагами вышел из помещения, чтобы облачиться в свой доспех.

Когда же подготовка к грядущему бою наконец-то окончилась и Саламандр покинул солиториум, он столкнулся лицом к лицу с Нелеем, держащим шлем под мышкой.

— Брат-сержант, — сказал Нелей, кивком поприветствовав своего товарища.

— Идем, брат-сержант? — ответил Ба'бирин и зашагал дальше по коридору.

— Ты, случаем, не против удовлетворить мое любопытство? — внезапно спросил Нелей, пока они шли к спуску, ведущему к торпедной палубе.

Ба'бирин замешкался, его драгоценное спокойствие едва заметно, но пошатнулось.

— Разумеется, — ответил сержант, хотя интуиция подсказывала, что вопрос Нелея ему не понравится.

— У тебя есть сомнения касательно роли технодесантника Ха'гарена в грядущей миссии, не так ли?

С уст Ба'бирина сорвался мягкий, но невеселый смешок. Во время своей очистительной медитации он так усердно сосредотачивался на эльдаре, что совсем забыл про другие источники беспокойства — и сейчас Нелей, словно движимый невидимой рукой судьбы, сам того не ведая, наказывал Ба'бирина за то, что тот не был честен с самим собой.

Сержанту ничего не оставалось, кроме как принять заслуженное порицание.

— Это настолько очевидно? — спросил он.

— Я бы так не сказал. Ты вообще никак не отреагировал на слова капитана, — сказал Нелей с нотками как веселья, так и озабоченности, в голосе.

— Это и было моей реакцией.

— Учитывая, как вы двое были слажены в прошлом — да.

— Ты думаешь, что я больше не доверяю брату Ха'гарену.

— Да, со стороны так и кажется.

— И это правда. У меня больше нет к нему доверия, — признал Ба'бирин.

— Ты винишь в этом то, что он стал технодесантником?

— Да, — отрезал Ба'бирин и продолжил медленно идти вперед.

— Я считаю, что его верность больше не принадлежит лишь ордену. И я считаю, что он испытывает трудности с тем, чтобы увязать учения Культа Механикус и Прометейского кредо, отчего страдает его суждение.

Нелей нахмурился.

— Извини за замечание, брат, но ты так говоришь, как будто в нашем ордене до него никогда не было технодесантников.

— Я не говорю обо всех них, и всей душой...

— ...доверяю? — подсказал Нелей.

— Уважаю... Я уважаю трех наших магистров кузни. Но я не могу отрицать того, насколько нынешний Ха'гарен отличается от себя прошлого, и некоторые его решения вызывают определенные вопросы.

— Если ты намекаешь на то, что произошло в Гелиосе, то с тактической точки зрения его действия были полностью оправданы.

— То, что его поступки можно оправдать, не делает их правильными.

Нелей ничего не сказал и лишь пожал плечами. Дальше товарищи шли молча.

Ба'бирин так и не понял, согласен с ним его собеседник или нет.

Нелей был одним из самых уравновешенных людей из всех, кого знал сержант. Пусть даже его свирепость в бою и не знала равных, и Нелей не признавал даже само существование слова «отступление», он обладал совсем другим взглядом на вещи, нежели Ба'бирин.

Сержант считал, что ключевое различие заключалось в том, что тогда как он видел в войне лишь уничтожение врагов, Нелей считал ее первоочередной целью защиту Империиума, Ноктюрна и невинных.

Ба'бирин наслаждался жаром от пекла войны — и не собирался за это извиняться, — но он уважал и более умеренную точку зрения Нелея. Она часто держала его собственный пыл в узде, когда энтузиазм Ба'бирина грозил одержать верх над здравым смыслом. Кроме того, ему были понятны приоритеты товарища — он и сам, в конце концов, сражался лишь ради того, чтобы защищать, пусть даже и горел от предвкушения перед боем. Именно поэтому его удивило то, что Нелей отнесся с Ха'гарену с пониманием, говоря о его действиях в Гелиосе.

Брат-сержант не заговорил снова, пока космодесантники уже почти не дошли до торпедной палубы.

— Ба'бирин, ты и правда сомневаешься в его верности? Потому что если это так, то по-хорошему ты обязан предупредить капитана и капеллана.

Воинственный сержант вздохнул.

— У меня все же нет сомнений в его верности. Точнее, хотя бы в том, что он сам считает, что верен.

— Что это значит?

— Оставляя плоть позади, он забывает, что все равно не является

машиной по своей природе, и что он не должен думать, как машина. Если мой брат забудет о том, что мы — все мы, неважно, насколько мы изменились, — все-таки люди, то будет принимать решения без оглядки на свою человечность, а в бою это может иметь самые роковые последствия.

— Я тебя понял, — ответил Нелей нейтральным тоном, не говорящем ничего о его собственном мнении, и Ба'бирин опять же не понял, поддерживает его сержант или нет. По крайней мере, Нелей не отметал его рассуждения, не выслушав их. — И, значит, сейчас нам предстоит отправиться на задание, которое потребует от Ха'гарена замарать себя работой с машинерией ксеносов. Если человеческое начало в нем проиграет, то вероятно, что он будет действовать в интересах машин.

— И мы все останемся на его милости, — закончил Ба'бирин.

Перед братьями раскинулась торпедная палуба. Расположенная в нижней части корабля, она была огромным святилищем, посвященным уничтожению врагов Императора. Стены высотой в десятки метров были затянуты не одним слоем труб. С помощью подъемных кранов и проходов бесчисленные сервиторы и амуниция добирались в положенные им места.

И надо всем этим возвышалась статуя Вулкана, расположенная в передней части палубы. Примарх ударял своим молотом по массивной наковальне — но вместо искр из-под его инструмента вылетали торпеды, несущие врагам Саламандр справедливое наказание.

Отделения были готовы к бою. Пергаментные свитки новых клятв момента свисали с доспехов космических десантников, едва заметно колыхаясь от легкого ветерка, вызванного работой системы вентиляции. Саламандры собрались, чтобы вместе поклясться сохранять единство и исполнить свой долг. Облаченные в броню цвета шкур рептилий и с ощерившимися мордами своих тезок на наплечниках, они являли собой парадокс благочестия. Они были одновременно драконами и рыцарями. Они превозносили дух братства и самостоятельность — и во время каждого такого собрания, сердца Ба'бирина неизменно учащали свое биение как от гордости, так и от смирения.

Ха'гарен стоял в тени решетчатой дорожки, через которую просвечивала люмополоса. Десантник не двигался, его серворуки были сложены за спиной — со стороны могло даже показаться, что в комплекте брони вообще никого не было, если бы из-за линз его шлема не пробивалось красное сияние.

Ба'бирин разглядывал своего старого друга, ждущего у входа в абордажную торпеду, и не испытывал ничего, кроме чувства тревоги — пока к ней не присоединился стыд. Стыд был вызван не его подозрениями, но тем, что они делали из Ба'бирина лицемера, который сомневался в своем брате прямо во время ритуалов, которые были призваны усилить связь

Саламандр друг с другом и укрепить их верность общему делу.

Сержант едва не почувствовал облегчение, когда война настигла Саламандра раньше, чем ожидалось, дав о себе знать воем сирен.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Война несла с собой как славу, так и проклятье — и величайшим проклятием из всех, по мнению Мульцебара, было то безумие, которое сопровождало войну. Безумием была не сама суматоха боя, о нет, но различные непредвиденные ситуации и извращенные причуды судьбы, которые заставляли командира отдавать абсурдные приказы.

Так дело обстояло и сейчас. Мульцебар собирался идти на сближение с орками. Он полностью отдавал себя делу, которое в любых других обстоятельствах было бы сочтено верхом идиотизма. Более того, он отправлял свою роту на самоубийство ради спасения одной эльдарской жизни. Некоторые из его более духовно просвещенных товарищей узрели бы в этих ироничных обстоятельствах знак самой судьбы — и, возможно, они были бы даже правы. У капитана не было никакого интереса к изучению философской стороны его войны. Тем не менее, когда он приказал атаковать, что не имело ничего общего с прагматизмом, — лишь с идеалистической чепухой в духе клича «Слава или смерть!», — он успокаивал себя фактом, что его вела не наивность, а лишь зов долга. Он не станет скорбеть ни по кому, чья смерть будет положена во имя его исполнения. Мульцебар почитит их смерти, и примет свою собственную, но такие вещи, как сожаление и горечь, были уделом слабых и обделенных верой. Это сражение, начавшееся здесь и сейчас, со всем сопровождающим его безумием, станет очередной наковальней, на которой будет испытана Пятая рота, и раз сам Вулкан начертал для нее такой путь, то Мульцебар примет этот вызов.

Кроме того, капитан припомнил добрым словом усилия Белых Шрамов и Гвардии Ворона, благодаря которым Верховный Изверг выбрался из своего укрытия и это испытание стало реальностью. Задание Саламандр будет трудным — но без ударов, что нанесли другие ордены, оно было бы невозможно в принципе.

Пускай Саламандры и получат не один удар, лежа на наковальне войны,

они и сами будут молотом.

— Полный вперед. Сосредоточьте огонь на кораблях сопровождения. — приказал Мульцебар.

«Вердикт наковальни» вырвался из беспросветной тьмы космоса на пылающих плазменных двигателях, чье ослепительное сияние было словно вызывающий рев для орочьих кораблей. Зеленокожие не замедлили ответить тем же, и бросились наперерез ударному крейсеру.

«Вердикт» заходил к атакующему эскадрону справа. Мульцебар в последний раз бросил взгляд на экраны тактикариума, где отображался бок крузера — огромная цель, прямо-таки умоляющая о праведном огне новоявленного орудия, и перенес свое внимание на эскорты. Шестерка меньших кораблей покинула своего подопечного, сопровождаемая вспышками их орудий — даже несмотря на то, что Саламандры еще не находились в зоне досягаемости.

— Приближаемся к орочьим кораблям сопровождения. Три пары. Обозначения: «Натиск», «Губитель», «Свирепый». — произнес сервитор, ответственный за авгуры дальнего обнаружения.

На экранах появились технические спецификации кораблей, но Мульцебару не было нужды обращать на них внимание — все, что ему требовалось, он понял уже по одним лишь их названиям, и с легкостью прикинул в уме соотношение сил между зеленокожими и «Вердиктом».

«Вердикт» быстрее всех вражеских судов, кроме «Свирепых». Его щиты тоже мощнее. Он настолько ловчее главного орочьего корабля, что легко может выписывать вокруг крузера круг за кругом. Увы, к эскортам это не относилось — «Натиски» и «Губители» были грубо сработанными кораблями, но все же оставались маневренней «Вердикта». Что же до «Свирепых»... Эти суда были быстрыми, верткими и часто шли на таран.

И все же именно крузер являлся самым главным козырем орков — даже не потому, что по прочности он уподоблялся черепу зеленокожего, но потому что Мульцебару нельзя было атаковать и уничтожить его.

— Десять секунд до попадания в зону действия орудий. — отрапортовал орудийный офицер.

У Мульцебара оставалось всего десять секунд, чтобы определиться со стратегией — но и это время ему было без надобности. У Саламандр имелся лишь один выбор — взять корабль на абордаж. Сейчас. Их атака будет настолько же рискованной, насколько же и по-дикарски незамысловатой — пробиться через корабли сопровождения, запустить абордажные торпеды, а затем отступить обратно в тень.

Все просто. Правда, капитан сомневался, что орки пойдут ему навстречу.

— Сохраняйте максимальную скорость. — приказал Мульцебар. — Носовые орудия — открыть огонь по «Губителям». Расчетам орудий по правому и левому бортам — приготовиться к атакам по флангам!

Корабли вошли в зону поражения. Теперь вспышки орудий сигнализируют о настоящей угрозе «Вердикту», поэтому он не замедлил продемонстрировать ксеносам свою собственную ярость. Носовые бомбардировочные орудия открыли огонь — и пускай таранные суда уже совершали длинный поворот, готовясь атаковать, другие корабли залетели прямо в клыки Саламандр. Неизвестно, полагались ли они на силу своих щитов или же просто были слишком тупы, чтобы попытаться увернуться от устрашающего залпа — но ведущий «Губитель», не успев даже завершить пуск всех своих торпед, стал первой жертвой на алтаре войны. Цепочка взрывов, охвативших орудийный корабль, была воистину впечатляющей — и благодаря сохраняющейся скорости судно какое-то время выглядело, как охваченная пламенем комета, а не гибнущая груда хлама. Впрочем, несколько мгновений спустя, еще более мощные взрывы — вероятно, сдетонировал боекомплект самого корабля, — разорвали его на части, и заставили сгрудившихся вокруг него товарищей сойти со своего курса.

Один из «Натисков», забывший про всякую осторожность, теперь поплатился за то, что дышал в спину разрушенному «Губителю». Штурмовой корабль был неуклюжим зверем: неуправляемый во время лобовых атак, обладающий сильными фронтальными щитами и орудиями, «Натиск» по своей маневренности мог сравниться с завротуром в грязи — и сейчас ему ничего не оставалось, кроме как взмыть ввысь, над облаком кипящих газов, одновременно подставив уязвимое брюхо орудиям «Вердикта».

Ударный крейсер Саламандр вскрыл «Натиск» как яйцо, с легкостью пробив бесполезные щиты и усеяв пустоту обломками металла и замерзающими трупами.

Второй «Губитель» ненадолго отклонился от курса, а затем осыпал «Вердикт» хаотично роящимися торпедами. Мульцебар увидел, как некоторые из них взрывались преждевременно, непредсказуемо меняли траекторию, даже сталкивались друг с другом — и все равно их оставалось много, слишком много... Орки были гениями, когда разговор заходил о количестве. Забрасывая цель достаточным числом копий, они были просто обречены рано или поздно в нее попасть.

Орудийные батареи на бортах «Вердикта» осветили пустоту космоса адским щитом непрекращающихся взрывов. Плотная сеть плазмы, лазерных разрядов и ракет была призвана стереть в пыль любой снаряд или судно, рискнувшие приблизиться. Но все-таки их было слишком много.

— Разворот налево, тридцать градусов. — указал капитан, и «Вердикт» повернулся носом к торпедному залпу, уменьшая свой силуэт. На протяжении всех четырех километров корабля зазвучали сирены, предупреждающие о немедленных попаданиях. Через миг, в нос врезались три орочьих торпеды. Первая не сработала, просто расплющившись о щиты, но две другие взорвались с разницей менее чем в секунду и на носу корабля расцвел огненный цветок. Пустотные щиты затрещали и ярко вспыхнули, а затем замерцали от перегрузки. Слабость охватила корабль очень ненадолго — но этого было достаточно. В левый борт вонзилась еще одна торпеда. Корабль задрожал. По экранам тактикариума водопадом посыпались сияющие красным руны. Капитан мгновенно прочел их, находя поводы как для облегчения, так и для беспокойства. Обшивку судна оркам пробить не удалось — но целая орудийная батарея, на которую пришлось прямое попадание, была полностью уничтожена. Теперь в обороне корабля появилось слепое пятно.

Уцелевшие турели поливали «Губитель» огнем, пока расчеты носовых орудий выцеливали оставшийся «Натиск». Мульцебар же взирал на «Свирепых», начавших свои таранные маневры по обоим бортам «Вердикта», и понимал, что ему не удастся уклониться или перегнать их. Возможно, у Саламандр еще был какой-то шанс избежать атаки с одной из сторон, но клещи, в которые угодило их судно, неумолимо сжимались, и единственной реальной надеждой космических десантников оставалось разбить эти клещи, пока они не вонзились в плоть корабля.

— Бортовые батареи, берите на прицел таранные корабли. Рулевой, уводи нас вниз. — сказал Мульцебар.

Ударный крейсер начал снижаться настолько резко, насколько это было возможно для зверя его размеров. Нос судна ушел с плоскости боя. «Свирепые» внесли поправки в свой курс и продолжили сближение, но «Натиск» оказался медленней. Он выдерживал огненную бурю орудий «Вердикта» с помощью комбинации скорости, контрмер и банального, жесткого упорства, а его собственная огневая мощь подвергла щиты крейсера Саламандр серьезному испытанию. Сейчас же ракеты и лазерразряды «Натиска» прошли над носом «Вердикта», едва лишь задев щиты корабля — и на краткий миг орудийным офицерам Мульцебара открылась уязвимая точка в броне орочьего корабля. Они не замедлили воспользоваться представившейся возможностью. Единственный выстрел выпотрошил «Натиск». Чудовищных размеров снаряд вонзился глубоко в брюхо судна зеленокожих, и взорвался, разорвав его пополам. Обломки корабля, безудержно вращаясь, понеслись в пустоту, оставляя за собой след из газов и металлолома.

«Губитель» обходил крейсер слева — и в последний момент, когда он уже практически покинул зону поражения оставшихся батарей, лэнс-разряд поразил двигатели орочьего судна. Левый борт торпедоносца озарила вспышка сверхновой, а затем корабль оказался объят пламенем и густым дымом. «Губитель» закружился, как пьяный, и спустя несколько секунд его двигатели погасли. Не развалившийся на части, но ушедший в дрейф, корабль стремительно поглощала тьма космоса — и лишь горящее топливо было угасающим свидетельством его существования.

Четыре корабля погибли, хотя ход боя до сих пор исчислялся секундами. Четыре убийства — но Мульцебар отказывал себе в удовольствии порадоваться этой победе. Сама природа войны — а в особенности войны пустотной, — заключалась в том, что безоговорочная победа по малейшей прихоти судьбы могла в мгновение ока обратиться неминуемым поражением. И «Свирепые» все еще неслись в сторону «Вердикта». Ударный крейсер был ранен, а ведь он еще даже не приблизился к убойному круизеру орков.

— Уничтожьте «Свирепых»! — проревел Мульцебар. Капитан всеми фибрами души ощущал, что судьба его миссии, а также миллионов жизней, решатся в течение нескольких следующих минут.

Батареи по правому борту заполонили небеса огнем турелей и ракетами. Лэнсы взрезали пустоту, стремясь вонзиться в ловкую и все более ускоряющуюся цель. Пусть «Свирепые» и были судами, созданными ради выполнения лишь одной задачи, задача эта настолько сильно резонировала с орочьей натурой, что в их дизайне явно проглядывалась грубая и уродливая, но все-таки гениальность. Нос таких кораблей составлял более трети их длины. «Свирепые» являлись ни чем иным, кроме как огромными, иззубренными клинками, каждый болт, заклепка и обрезок металла в которых были посвящены тому, чтобы пустить этот клинок в ход. Даже бронирование этих судов задумывалось не для того, чтобы те выдерживали огонь вражеских орудий, но ради того, чтобы протаранить противника с большей силой. Двигатели «Свирепых» также были лучше, чем у любых других орочьих эскортников, придавая им великолепную скорость и маневренность. В общем, все сильные стороны этих кораблей закладывались в них лишь для того, чтобы «Свирепые» смогли встретить свою незатейливую судьбу — на полной скорости врезаться в другой корабль и разорвать его на части. Пилотируемые торпеды в тысячу метров длиной, не более того.

Так или иначе, размер «Свирепых» означал, что они не могли вечно избегать огня — неважно, какими быстрыми и ловкими они были. Клещи сжались, таранные корабли вышли на финишную прямую, но лэнсы правого

борта нашли свою цель и вонзились в нее. Лучи концентрированной энергии, само воплощение разрушения, пробились в самое сердце «Свирепого». Двигатели корабля взорвались — и хотя со стороны могло показаться, что возле «Вердикта наковальни» карликовая звезда в мгновение ока стала сверхновой, волна перегретых газов, омывшая пустотные щиты крейсера, была нежной лаской по сравнению с тем, что обещала ему успешная атака орочьего эскорта. Ударная волна врезалась в крейсер, заставив тот покачнуться подобно бревну, плывущему по бурной реке, и корпус корабля недовольно заныл.

Так дело обстояло по правому борту. Что же до левого...

Уже в тот момент, пока лэнсы все еще обстреливали свою добычу, Мульцебар отдавал приказ о резком повороте налево. «Свирепый» с той стороны увидел брешь в обороне «Вердикта» и не замедлил ей воспользоваться, так что этот маневр был отчаянным гамбитом, призванным обратить как можно больше огневой силы на орочьего убийцу кораблей. Мульцебару уже доводилось видеть, как «Свирепые» ломали спины даже гранд-крейсерам. В этот раз корпус «Вердикта» не просто заныл, а взвыл от агонии, вызванной противоборствующими физическими силами. Маневр был слишком резким для ударного крейсера — и все же мучительно медленным.

— Приготовиться к столкновению. — приказал капитан. Вой сирен стал более частым и резким. Секунды проходили одна за другой — и вот, наконец, последний «Свирепый» оказался в прицеле одной из батарей левого борта. Ракеты вырвались из своих гнезд, чтобы перехватить таранное судно. Оно было таким большим и находилось так близко, что никакая скорость его бы не спасла. Ракеты никак не могли промахнуться.

И они успешно поразили цель. Снаряды в сотню метров длиной ударили «Свирепый» в лоб с силой, подкрепляемой всей спрятанной в них взрывчаткой. Обзорные иллюминаторы на мостике «Вердикта» вспыхнули красным огнем.

Экран тактикариума по правую руку Мульцебара выдал капитану целую поэму о разрушении. «Свирепый» вырвался из самого сердца чудовищного взрыва. Поврежденный, замедленный и сбитый с курса, он приближался к «Вердикту» под косым углом. Смотря на языки пламени, вырывающиеся из тарана, трудно было сказать, работали ли его двигатели — и управлялся ли он вообще.

В конце концов, Мульцебар понял, что его положение улучшилось лишь незначительно. Острый нос орочьего судна оставался цел. Корабль не был уничтожен — и столкновение было неизбежно.

«Свирепый» врезался в крейсер и протащил свою тушу по центральной

части левого бока «Вердикта», вскрыв его обшивку. Весь корабль тряхнуло с силой землетрясения. Мульцебару удалось устоять на ногах, но сервиторам и смертным членам экипажа повезло меньше. Капитан ощутил, как нанесенная зеленокожими рана достаёт прямо до сердца его корабля — а потом «Свирепый» раскрыл тот факт, что оказался умирающим зверем, и был разорван изнутри колоссальным взрывом. Кончина орочьего судна стала последним проклятием ксеносов в сторону Саламандр — яростное пламя не замедлило ворваться в пробой на боку «Вердикта», заражая крейсер своей испепеляющей хворью.

Огненная лихорадка прокатилась по коридорам, переливаясь через пробитые переборки. Свет мерцал и гас. Перегруженные пустотные щиты схлопнулись.

Руны на экранах тактикариума накладывались одна на другую, наперебой крича литанию разрушения. Каждый отчет повествовал о новой проблеме, но все вместе их можно было охарактеризовать одним словом — «погибель».

Мульцебар выругался, когда механизмы сдерживания отказали и огонь расправил свои крылья.

Торпедная палуба судила о ходе боя лишь по звукам и маневрам самого «Вердикта», подчеркнутым обрывками картин, предстающих глазам наблюдателей в иллюминаторах. Оратория машинной ярости и ужасный грохот взрывов перемежались вспышками энергетического оружия и визгом рвущегося металла. Когда «Свирепый» врезался в ударный крейсер, это было сравнимо с извержением горы Смертельного Огня в самом сердце корабля. Сейсмическая активность сотрясла стены и пол, а звук был таким, что миг заглушил все мысли.

«Вердикт» перенес основные последствия удара, но обшивку корабля продолжали сотрясать взрывы меньшей силы. Безостановочная вибрация раздавалась по стенам судна, и что-то загудело в системе вентиляции — далеко, но от того не менее ужасающе.

Ха'гарен распознал в этом голос огня. Под его ногами забился раненый корабль — и технодесантник рванулся к консоли техобслуживания, расположенной в дальнем конце торпедного отсека. Мехадриты вытянулись из его шеи и вонзились куда-то под экран консоли. Пускай она и была предназначена всего лишь для контроля состояния атмосферных условий конкретно этого помещения, консоль все еще оставалась проводником во всю нервную систему корабля. Сознание Ха'гарена слилось воедино с разумом «Вердикта наковальни». Десантнику уже доводилось чувствовать боль духа машины этого судна, но сейчас стенания, вызванные

болью и злобой, были просто ошеломляющими, и на какой-то миг Ха'гарен не чувствовал ничего, кроме них. Секундой спустя, впрочем, он отметил, что его тело произносит литанию успокоения, и направил силу ритуала на душу корабля — это никак не уменьшило страдания судна, но по крайней мере безумие, охватившее корабль, схлынуло, и к Ха'гарену вернулась ясность мыслей.

Технодесантник оценил нанесенный огнем урон и скорость его распространения, проследил путь, по которому следовала бушующая стихия, и взвесил остающиеся у него варианты действий — и все это за те же доли секунды, которых ему, после обучения, хватило бы на оценку хода сражения на поле боя.

Рана по левому борту корабля была длинной и глубокой, и последствия ее получения оказались куда более серьезными, нежели просто зияющая в обшивке дыра. Также была серьезно нарушена целостность систем электроснабжения и жизнеобеспечения. К счастью, корабль все еще можно было спасти. Энергоснабжение все еще возможно было стабилизировать и вернуть бесперебойную подачу энергии к щитам, двигателям и оружию. Большая часть «Вердикта» еще могла бы поддерживать человеческую жизнь. Корабль мог остаться мощью Императора и гневом Вулкана, и возможно, все еще мог бы быть способен завершить свою миссию. *Мог...* Но только при условии принятия безотложных и радикальных мер. Если «Вердикт» не спасти за следующие несколько секунд, то его вообще не удастся сохранить.

Ха'гарену оставался только один вариант — ампутация.

Огонь, ревя, пронесся по коридорам корабля, жадно пожирая все мало-мальски горючее. Сервиторы, прикованные к своим постам или же бредущие по своим делам, сгорели дотла. Некоторые из них при этом корчились в агонии — их нервные окончания все еще реагировали на ужасный жар, пускай мозг и оставался так же безразличен к наступлению смерти, как был безразличен к жизни. Разумные члены команды — сервы, бойцы, офицеры, техники, жрецы, — пытались убежать от пламени, но эти усилия неизменно оказывались тщетны, когда огонь догонял и перегонял их, лишая людей даже кислорода, необходимого, чтобы закричать от боли, пока их тела чернели и обращались в пепел. Саламандры, застигнутые пеклом врасплох, были спасены своими силовыми доспехами — и все же они ничего не могли сделать для своих смертных товарищей, некоторые из которых в последние мгновения простирали руки к своим богам, вдруг оказавшимся бессильными. Опустились автоматические двери, призванные отгородить пораженную зону от остального корабля, но этого оказалось

недостаточно. Слишком много проходов было повреждено, слишком много альтернативных путей мог найти всепожирающий огонь — и он нашел их все. Пламя было раковой опухолью, молниеносно распространяющейся по артериям и органам корабля.

В зонах, сохранивших структурную целостность после атаки «Свирепого», далеко вне зоны досягаемости огня, огромные двери закрылись и загерметизировались. Здесь переборки еще оставались в идеальном состоянии, и защита, которую они давали, была абсолютной. Многие члены экипажа стали свидетелями этого зрелища — и много кто из них уже догадался, что произойдет дальше.

Голос извне ворвался в мысли Ха'гарена, нарушая его концентрацию. Это оказался Ба'бирин.

— Брат, что ты творишь?! — спросил он. Рука Ба'бирина лежала на плече товарища. Информация о прилагаемом давлении и силе хватки сержанта в виде чистых данных достигла разума Ха'гарена, но он не чувствовал этого физически. Восприятие им своего собственного тела ограничивалось одной лишь информацией, и было таким же эфемерным, как электрические потоки, по которым витала его сущность и с помощью которых технодесантник действовал. Он перенаправил часть своей самости, достаточную для того, чтобы ответить Ба'бирину.

— Я действую, чтобы спасти корабль.

— Но в отрезанных тобой зонах еще полно активных сигналов от экипажа.

Ха'гарен догадался, что монитор торпедного отсека показывал информацию, к которой он обращался напрямую.

— Да, — признал он.

— Мы должны их спасти! — попытался настоять на своем сержант.

— Мы не можем, — ответил Ха'гарен, и завершил процедуру.

Сработали взрыватели, настезь растворяющие люки и двери. Открылось множество клапанов — и треть длины всего корабля оказалась открыта пустоте космоса. Дым, горючее, языки пламени — а с ними и атмосфера, наполненная кристалликами воды, — мигом унеслись в вакуум. Бушующий огонь мигом лишился дыхания, как, впрочем, и попавшие в ловушку люди.

Их смерти были быстрыми, но все же полными агонии. Рты людей широко раскрылись в попытке вдохнуть воздуха, которого больше не было. Некоторые члены экипажа успели задержать дыхание, отчего их легкие мгновенно разорвало изнутри. Возможно, в этом они были удачливее

остальных — ибо те дольше оставались в сознании. У несчастных было время, много времени — кажущиеся вечностью десять ударов хронометра, — чтобы осознать, что с ними происходит, как следует распробовать адские муки и понять, что спасения ждать было неоткуда. Их не просто бросили — их принесли в жертву. Тик, тик, тик... Груды смертных тщетно вздымались в попытке наполнить пустые легкие. Мускулы напряглись, а затем начали содрогаться. Вода в телах расширилась и они вздулись — но все же невезучие люди оставались в сознании. Когда же, наконец, наступило милостивое забытие, еще целую минуту смертные оставались в живых.

Некоторые тела при декомпрессии высосало в пустоту. Многие, впрочем, остались лежать там, где упали — Ха'гарен лишил пораженную часть судна атмосферы, но не гравитации. Тысячам тел придется ждать утилизации, а пока что они покрывали проходы корабля слоем мертвечины.

Так или иначе, пламя погасло так же быстро, как и огоньки людских жизней. Дух машины «Вердикта» успокоился.

Ха'гарен распрощался с душой корабля и втянул обратно свои мехадендриты — только для того, чтобы встретиться со взглядом Ба'бирин, чей ужас ясно просматривался на словно вырезанном из обсидиана лице.

— Именем Вулкана, что ты наделал?.. — только и мог прошептать сержант.

— Я спас наш корабль, — произнес Ха'гарен. То было не хвастовство, но простое признание очевидного факта.

— Ты только что убил тысячи наших ноктюрнских товарищей.

— Но спас куда больше.

Технодесантник не пытался как-то обелить себя — он просто раскрывал брату всю полноту картины.

— И что, у тебя не нашлось никакой альтернативы? Ты пошел на это без раздумий!

— Неправда. — Ха'гарен знал, что изучил все доступные ему варианты и выбрал наилучший из них. Когда он находился в единении с духом машины, его мысли были быстрее молнии — и он успел точно просчитать издержки своих действий, — до последнего погибшего в страданиях серва. Также он отлично понимал, что случилось бы, реши он бездействовать — или если бы он промедлил на какие-то несколько секунд.

Ба'бирин пожал плечами — немногословному товарищу не вышло его переубедить.

— Не забывай о своей человечности, брат, — произнес он напоследок, перед тем, как отвернуться. — Забудешь — и убьешь нас всех.

Мульцебар занимался подсчетом потерь и полученного кораблем ущерба. Картина складывалась достаточно мрачная, но слишком уж легко все могло оказаться куда хуже. Большой участок судна пришлось отрезать от основной части «Вердикта», что не изменится, пока Саламандры не вернут корабль на Прометей для ремонта — и все же он мог преследовать чужаков. Он все еще мог сражаться и вновь слушался приказов с мостика. Дух машины «Вердикта» приглушенно зарычал, охочий до возмездия.

И у Саламандр все еще оставалась миссия, которую предстояло выполнить.

— Верни нас на прежний курс. Добудь мне того орка, — приказал Мульцебар рулевому, на что тот с готовностью кивнул.

«Вердикт наковальни» был ранен, да, но он не охромел, не стал калекой. Хищник все еще был способен охотиться, и теперь долг Саламандр сплелся воедино с жадой мести самого корабля. Ярость от полученных ран и от гибели столь многих смертных словно пронизала стены всего корабля, и Мульцебар не был уверен, чувствует ли он злобу своих людей и себя, или же то был гнев «Вердикта». Впрочем, возможно было и такое, что никакой разницы между ними не было.

Двигатели вспыхнули ослепительно-белым светом, лучше любых слов подчеркивая эту самую ярость, и корабль понесся вперед, набирая скорость для приближения к избранной им жертве.

Жертве, которую он не должен убивать, и против которой он может использовать лишь свою скорость, да пустотные щиты. И, разумеется, смертельную инъекцию в виде воинов Астартес.

Убойный круизер за время схватки успел оторваться от «Вердикта», что было странно, ведь он вполне мог развернуться и броситься на раненого эскортниками противника. Мульцебар даже удивился, что флагман орков не поступил именно так — должно было произойти нечто совершенно экстраординарное, чтобы орки стремились избежать хорошей драки, или хотя бы проигнорировали ее. Инстинкт, интуиция, извращенная причуда судьбы — что-то уводило зеленокожих от сражения, и капитан задумался, что же за секрет должны были выведать Саламандры. Знали ли на самом деле орки, что именно усиливало их войска на планете? Вряд ли — но это было неважно, если само существование такого феномена влекло ксеносов к себе.

«Вердикт» сокращал дистанцию с флагманом, пусть и мучительно медленно. Скорости двух кораблей практически совпадали — и лишь ярость да важность возложенной на крейсер задачи позволяли ему догонять добычу. С каждым мигмом орочье чудовище улетало все дальше вглубь системы, и временное окно миссии Саламандр неумолимо сокращалось.

Внезапно Мульцебар заметил, как круизер меняет курс, отклоняясь вправо.

— Наконец-то мы привлекли твое внимание. — пробормотал он.

Вражеский корабль собирался встретить их тяжелейшими орудиями и самыми крепкими щитами.

— Рулевой, давай дадим зеленокожим то, чего они так хотят! Синхронизируй наши вектора.

Отдав приказ рулевому, капитан открыл канал связи с торпедной палубой.

— Абордажная команда, приготовиться к запуску.

«Вердикт», аналогично орочьему флагману, начал разворачиваться вправо, по диагонали к своему прежнему курсу. Неповоротливый круизер тем временем уже закончил свой разворот — уродливый левиафан с клыками, похожими на крюки, он рванулся вперед, чтобы встретить соперника, и два хищника пошли на сближение. Один желал пожрать своего врага, другой — выжечь противника изнутри. Когда орудия круизера начали обстрел, Мульцебар едва удержался от того, чтобы не ответить ксеносам взаимностью.

— Начать маневры уклонения! Рулевой, подведи нас в зону поражения орудий. Батареям — открывать огонь строго по турелям!

Фейнс развернул корабль вправо и вниз — против обычного атакующего судна этот маневр был бы бесполезен, но в сравнении с махиной типа орочьего круизера, ловкость «Вердикта» была ошеломительной. Некоторые из выстрелов орков задели крейсер, но большинство ушло в молоко, и пустотные щиты остались целы. Орочьи турели завращались, тщетно пытаясь поймать Саламандр в прицел — и в этот момент батареи самого «Вердикта» открыли ответный огонь. Проявление крейсером своей огневой мощи было воистину впечатляющим — но не более опасным, чем пиротехническое шоу, ведь стрелки «Вердикта» сосредоточили свое внимание на самых крепких участках щитов и орудийных турелях круизера. Некоторые из пушек орков замолкли — к сожалению, на круизере их хватало с избытком, и когда Саламандры приблизились, орки просто не могли промахнуться. Плотный обстрел забарабанил по пустотным щитам «Вердикта».

— Торпедная палуба, доложите! — отдал команду Мульцебар.

— Мы готовы к запуску. — донесся до него голос сержанта Ба'бирин.

Корабли наконец-то приблизились друг к другу на достаточно малое расстояние и Мульцебар повернулся к Фейнсу.

— Сделай это.

Рулевой выровнял курс «Вердикта». Две громадины теперь скользили по пустоте бок о бок, обрушивая друг на друга жесточайшие удары. «Вердикт наковальни» принял на себя не один залп орудий — вот только большая часть попаданий пришлось на уже пораженную зону, полностью отгороженную Ха'гареном от остальной части корабля, и пара лишних дыр в обшивке не имела теперь никакого значения.

Орудия же ударного крейсера все еще вели огонь с потрясающим результатом — причиняя крузеру лишь незначительный урон, но ослепляя его непрекращающимся потоком лазерных и плазменных вспышек.

Когда же пушки наконец-то замолкли, пока корабли, подобно древним, трехмачтовым суденышкам, скользили друг напротив друга сквозь пустоту, из «Вердикта» вылетели абордажные торпеды.

Мульцебар следил за ходом их продвижения, пока Фейнс уводил «Вердикт наковальни» из зоны поражения крузера. Тот пытался развернуться, чтобы настигнуть отступающего хищника, но когда маневр левиафана завершится, Саламандр будет уже не догнать.

Торпеды практически достигли своей цели, когда подал голос один из сервиторов.

— Есть контакт.

Мульцебар поднял взгляд на свои экраны, но не увидел никаких других кораблей.

— Подтверждение контакта? — спросил он.

Офицер подбежала к терминалу авгура, за которым следил киборг, и взглянула на экран, после чего повернулась к капитану.

— Ничего. Должно быть, просто аномалия, вызванная полученным уроном.

Мульцебар, не удовлетворенный ответом, нахмурился.

— Продолжай следить за ситуацией. И предупреди абордажную команду.

Небольшие вспышки взрывов расцвели на боку крузера — казалось бы, не более чем два близко посаженных булабочных укола на махине орочьего корабля. Но на самом деле они были искрами от кузнечного молота самого Вулкана, бьющего по наковальне, и они перенесли бой на орочью территорию.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Абордажная торпеда — грубое орудие, способы применения которого, впрочем, были в равной степени разнообразными и изощренными.

Пускай она и являлась пилотируемой, а также имела достаточно мощные двигатели и запас топлива для ограниченных маневров на коротких дистанциях, действие торпеды все еще можно было описать одним из самых базовых понятий, связанных с войной. Она была снарядом, объектом, запускаемым с целью поразить другие объекты с максимальной силой. Откуда же проистекала ее изощренность, так это из факта, что в отличие от всех других снарядов, торпеда наносила больше всего ущерба уже после попадания — когда живое оружие внутри нее штурмовало коридоры цели. Подобная уникальность порождала и гибкость применения. Будут ли удары сконцентрированы вокруг одной точки входа или рассредоточены, чтобы втянуть врага в сражения на нескольких фронтах? Будет ли это точный выпад копья в один из бортов корабля или же противник окажется зажат в керамитовом кулаке, когда космические десантники проникнут на судно с обоих флангов? Известна ли конструкция судна и можно ли рассчитывать на это знание при подготовке к миссии? Состоит ли цель миссии в полном уничтожении противника или перед воинами стоит более утонченная задача?

Ответ всегда зависел от конкретного корабля и конкретного задания. Судно, которое предстояло штурмовать Саламандрам, однако, было неизвестной переменной, являясь творением рук вида, чей подход к технологии всегда был смесью грубости и энтузиазма — да и миссию космических десантников можно было назвать ничем иным, как образцом абсурда.

Тем не менее, у них была миссия, а значит, была и стратегия. Воинам предстояла поисково-спасательная операция на враждебной, чужацкой территории. Избранная же ими стратегия диктовала использование сконцентрированной и мобильной силы, поэтому абордажные торпеды

вместе вонзились в центр левого борта орочьего крузера.

Для Ха'гарена граница между машиной и плотью была, в лучшем случае, размытой, а иногда он вообще не видел между ними разницы. Разве есть какие-то кардинальные отличия между механическими имплантами, протезами и органами, которые превратили его в космического десантника? Ха'гарену так не казалось. Руки Механикус кружили над всеми этими творениями, и все они точно не были чем-то естественным. Что, кроме используемых материалов, различало глаза, которые позволяли Ха'гарену видеть излучение вне улавливаемого обычными людьми диапазона, от нейроглоттиса, разбивающего любой вкус и запах на компоненты, которые можно было распознать? Ничто. Плоть и металл, кость и керамика — все это было не более чем физическим аспектом его жизни. Тело есть тело.

Так что когда вулканические буры абордажных торпед рвали металл, для Ха'гарена они рвали плоть. Торпеды были клинками, погружающимися в тело еще живого врага и прижигаящими за собой раны в его шкуре. Впрочем, в подобном исцелении не было никакого милосердия — напротив, такой ход лишь позволял Саламандрам внутри торпед впоследствии нанести судну более глубокие и опасные раны.

В атаке абордажными торпедами Ха'гарен наблюдал даже своего рода эстетичность — то был идеальный сплав органики и механизмов, как по форме, так и по функции, — и это приносило ему определенное удовольствие. Сам факт ведения войны именно таким способом был подношением Омниссии, а точность фигурального удара молотом — данью уважения Вулкану. Война же в целом являлась вотчиной самого Императора. Одна только манера проникновения отделений Саламандр на орочий корабль отдавала дань уважения всей святой троице — и было чудом то, что такая простая истина могла скрыться от чьих-то глаз. И все же технадесантнику не нужно было видеть лик Ба'бирина, скрытый за шлемом, чтобы понять — этот урок им не усвоен. Ха'гарен замечал недоверие, сквозящее в едва заметных изменениях осанки Ба'бирина, когда названные братья попадали в поле зрения друг друга.

И в Ба'бирине копилось не только недоверие, но и глубоко спрятанная злоба. Сержант все еще не осознавал необходимость действий Ха'гарена на борту «Вердикта», считая, что его товарищ ни на миг не задумался о людских жизнях в стремлении спасти подотчетную ему машину. Он ошибался — суждение Ха'гарена было лишено изъяна.

«Ты уверен? Что ты вообще такое?»

Саламандры высадились в просторном грузовом отсеке с высоким потолком, как на «Вердикте». Правда, в отличие от него, крузеру не хватало имперского величия. Здесь стены не вздымались к ребристым сводам,

притягивающим восхищенные людские взоры. Нет, внутренности орочьего корабля были погружены в хаос, оскорбляющий чувства технодесантника. Все сооружения должны подчиняться определенным принципам — но зеленокожие ксеносы явно этого не понимали. Стены даже в пределах одного помещения имели разную высоту, с разбросом вплоть до метра. В некоторых местах потолок провисал, как железный тент. Но что было хуже всего — Ха'гарен не мог отделаться от ощущения, что орки просто импровизировали. Предназначение помещения не закладывалось в него при сооружении — просто оно оказалось большим, а потому и стало грузовым отсеком, совершенно случайно.

Технодесантник ощутил отвращение — в том смысле, что все получаемые им данные показывали, что окружающее его пространство было осквернено, но не силами Хаоса, а некомпетентностью. Ха'гарена это не удивляло — уже по одному только взгляду на обшивку корабля во время приближения к нему торпеды, ему стало ясно, чего стоит ожидать внутри. Пускай круизер и обладал производящей впечатление массивностью, в его дизайне не наблюдалось какого-то четкого плана. Даже сама форма корабля, напоминающая удлинённый череп орка, не была плодом точных расчетов, но всего лишь неизбежно убогим детищем множества грубых рук, направляемых всепоглощающей агрессией. Зеленокожие просто не могли удержаться от того, чтобы не создать машинное воплощение самих себя — жестокое, тупое, невероятно опасное и не желающее умирать. В результате их трудов не было никакой системы или логики — один лишь инстинкт.

Саламандры поняли, что окружены образцами техники в различных степенях боеготовности и комплектности, а над какими-то из них будто и вовсе проводили опыты. Некоторые машины выглядели вполне целыми, только и ждущими сигнала к бою, другие же будто бы вскрыл пьяный и слепой мясник. Колеса, гусеницы, орудийные турели и неопознаваемые куски мусора усеивали пол — кое-где грудями даже выше самой техники. Из каких-то машин и вовсе достали двигатели, растащив их на запчасти, безо всяких соображений по поводу того, чем же их потом заменить. Все это зрелище было бы позором, если бы за ним стоял любой адекватный инженер. Тем не менее, весь валяющийся мусор, нагромождения деталей и как попало расставленные байки, транспортники и танки не могли скрыть за собой серьезность орочьей угрозы. Да, зеленокожие вели войну неумело и им, казалось, было чуждо любое представление о стратегии, но они все равно оставались невероятно эффективной силой. На каждый полуразобранный агрегат приходился один в полностью рабочем состоянии — а за ним стоял другой, перекраиваемый во что-то еще более смертоносное. Нельзя было забывать и о численном превосходстве — в

одном лишь этом грузовом отсеке находилось достаточно транспорта и тяжелой техники для уничтожения целой роты Имперской гвардии.

Все это пространство освещалось мерцающими люмосферами, едва рассеивающими мрак светом оттенка грязной ржавчины. Танки и кучи лома отбрасывали повсюду изломанные тени — и некоторые из теней двигались.

Орки были погружены в работу, когда сквозь обшивку корабля прорвались абордажные торпеды. Несколько из них в мгновение ока оказалось размолото в кровавую кашу вулканическими бурами, но остальные смогли перегруппироваться в дальнем конце отсека и сейчас неслись вперед, ревя одновременно от злобы, вызванной тем, что на их территорию вторглись нежданные гости, и от предвкушения хорошей драки. Ксеносы наступали совершенно по-варварски, по прямой, перескакивая через препятствия, которые могли бы послужить им неплохим укрытием, в стремлении как можно скорее броситься на космических десантников и начать убивать.

Саламандры ничуть не возражали. Желания прятаться по укрытиям в них было не больше, чем в орках.

— Братья! Пусть дикие зеленокожие более не оскверняют собой всевидящий взор Императора! Да почувствуют они пламя Вулканова правосудия! — воззвал Ба'бирин.

— В пламя битвы! — прокричал в ответ Нелей.

— На наковальню войны! — хором отозвались рядовые бойцы.

Ха'гарен не отлынивал от остальных и проревел боевой клич так же громко, как и они, пускай его голосовые связки и напряглись от непривычной для них нагрузки. Он давно уже не поднимал свой голос и для достижения требуемой громкости обычно полагался на вокс-решетку шлема — как в беседах с боевыми братьями, так и во время литургий по раненым машинам. Но в этот самый момент, в миг зарождения новой битвы, он был в первую очередь космическим десантником, и страсть к войне, которая в нем разгорелась, удивила даже его самого.

Слишком долго Саламандры ждали этого сражения. Всего лишь предвкушаемое, пока другие Ордены выполняли свои собственные миссии, отложенное на время смертоносного танца космических кораблей, лишненное должной славы из-за природы порученного Огнерожденным задания, оно являлось чем-то куда большим, нежели простой военной операцией. Нет, оно было практически физической нуждой, подтверждением их благородства и чистоты намерений.

А также таранным ударом возмездия.

Саламандры двинулись в бой. Их продвижение было размеренным и

неумолимым, сравнимым с кулаком из керамики, огня и болтерных залпов. Нелей и Ба'бирин вели свои два отделения как единое целое, и два десятка Саламандр продвигались вперед подобно поршню из адаманта. Оба сержанта вооружились комби-огнеметами, благодаря которым стали острием ужасающего огненного копья, и они не жалели на ксеносов прометия. Бочки с топливом и лужи разлитых химикатов с резким свистом вспыхнули в мгновение ока, и передние ряды орков, по инерции забежавших в пламя, были тут же им поглощены, а толпа бойцов, бежавших за ними, не успела даже миновать трупы собратьев, как разбилась о недвижимую скалу в виде воинов Пятой роты. Выдержав первоначальный натиск, Саламандры возобновили свое продвижение, экономно расходуя боеприпасы. Воины знали, что патроны еще понадобятся им в глубине корабля, посреди целого моря зеленокожих. Подкрепив волну пламени залпом болтеров, они обратили орочью атаку в град из зловонных ошметков. Через этот град на Астартес уже неслась следующая волна орков, хохочущих на бегу при виде смертей своих родичей и выкрикивающих грубые ругательства в адрес десантников — но импульс их атаки уже был потерян. Ксеносы не могли больше перескакивать через стоящие на пути машины, им приходилось избегать горящих луж и раскаленных докрасна развалин, а также дергающихся в предсмертных конвульсиях собратьев и чуть более активных недобитков.

Пускай односторонняя решимость орков и заставляла их продолжать движение тогда, когда более слабый враг был бы просто истреблен, даже небольшой потери в скорости было достаточно, чтобы Саламандры получили преимущество, которое они могли использовать.

Примагничивая стрелковое оружие к бедрам, воины ринулись в ближний бой, вооружаясь гладиями, цепными мечами и кулаками. Ха'гарен замыкал строй, его серворуки с достойной метронома размеренностью вбивали в землю пытающихся зайти с флангов орков, пока сам он выпускал кишки тем, кто атаковал в лоб. От недавнего всплеска эмоций не осталось и следа — они вновь уступили место неизменной, хладнокровной сосредоточенности. Каждое его движение обладало инстинктивной скоростью, и все же было дотошно просчитано так, чтобы нанести врагу максимальный урон. Эта методичная жестокость заставила бы зевать от скуки даже наблюдательного Ха'гарена из до-марсианского прошлого, но Ха'гарен-технодесантник ничуть не скучал и не чувствовал утомления. Вместо этого, он был занят сознательным сотворением идеального убийства. Для него это было формой искусства — единственной, которую он все еще признавал.

Саламандры пробивали себе путь ко входу в грузовой отсек — и к тому

моменту, когда они добрались до поднятых ворот, орки начали заканчиваться. Воины развернулись и довершили начатое, пускай даже оставшиеся чудища и не думали сдаваться. Ксеносы боролись с тем же упорством, что и в начале схватки, и страха в них ничуть не прибавилось, но в конце концов они погибли, и на какие-то мгновения в помещении воцарилась тишина. Ну, или же нечто, настолько похожее на тишину, насколько это возможно на орочьем судне. Беспрестанный гул двигателей заставлял измазанные грязью железные стены вибрировать, как будто от всхрапов огромного зверя, а по змеящимся, скрипящим трубам до Саламандр доносились отзвуки ударов и криков. Некоторые из них могли быть взвизгами неумело забиваемых животных, но нельзя было ошибиться в том, что какие-то полные агонии вопли принадлежали сломленным рабам. Наверняка, орали еще и забиваемые рабы.

Два отделения выбрались в широкий коридор, тянущийся в обе стороны на значительное расстояние перед тем, как затеряться во мраке. Проход был достаточно широк, чтобы по нему могло идти бок о бок четверо космических десантников, и Ха'гарен во всех деталях представил себе, как огромное число чудищ носится по нему, стремясь добраться до всевозможных боковых ответвлений, которых хватало на всем протяжении коридора. Более узкие коридоры, словно рукава большой реки, расходились от главного прохода — и судя по тому немногому, что мог видеть Ха'гарен, они изгибались и переплетались друг с другом безо всякого порядка, образуя до невозможности запутанный лабиринт из железа в жестокой издевке над логически понятным стратегическим значением главной транспортной магистрали.

Саламандры тем временем выстроились в защитный полукруг, покрывающий все подходы к ним. Ба'бирин и Нелей повернулись к Ха'гарену.

— Есть идеи? — спросил второй сержант.

— Мы едва ли можем позволить себе прогулки по кораблю, — подчеркнул Ба'бирин холодным, обвинительным тоном, как будто Ха'гарен и был лунатиком, который мог такое предложить. Впрочем, его брат был прав. Немного длиннее и шире «Вердикта наковальни», круизер по размеру был сравним с небольшим городом, все население которого, исчисляющееся десятками тысяч душ, было бы повернуто на мысли об уничтожении чужаков, едва факт их присутствия станет общеизвестным. Осознание того, что десантники не могли своими силами зачистить весь корабль никак нельзя было назвать ересью или признаком слабых характеристик — напротив, было бы безумием считать иначе.

Прошлые столкновения имперцев с орочьими судами, увы, тоже никак не

могли им помочь. Корабли одного класса у зеленокожих обладали как раз достаточным сходством для того, чтобы быть выделенными в отдельную группу, но когда дело доходило до деталей, каждый из них оставался единственным и неповторимым уродом, чье строение подчинялось причудам капитана и безумным экспериментам мекбоев. Полагаться на данные о планировке встреченных в прошлом кораблей было опасно и безрассудно — и пусть даже Ха'гарен и мог высказать свои догадки, если бы целью Саламандр был мостик или машинное отделение, Огнерожденные должны были отыскать в этом хаосе одного-единственного пленника.

Ха'гарен шагнул обратно в грузовой отсек, заметив на стене слева от ворот большой металлический щиток, чье местонахождение выглядело многообещающе — равно как и исходящий из него шум искр да гул, достойный целого роя разозленных шершней. Технодесантник открыл его. Если бы из-под рук какого-нибудь имперского инженера вышло нечто подобное этой массе проводов, схем и розеток, его бы непременно расстреляли — не умри он раньше от удара током. Щиток выглядел смертельной ловушкой, но никак не источником энергии для орков, работающих над техникой в отсеке. От проводов, лишенных и намека на изоляцию, то и дело отлетали искры, и через респиратор шлема Ха'гарен улавливал сильную вонь озона. Это не обеспокоило его. Специалист давно принял тот факт, что орочьи приبلуды работали вопреки здравому смыслу, и поэтому спокойно потянул мехадендриты к этому змеиному гнезду, задержавшись на миг лишь для того, чтобы выковать для своего разума должную защиту из молитв Омниссии. Пускай он произнес слова вслух, сила ритуала заключалась не в них, но в церемониальной связи плоти и машины, разума и духа, в единении с тем потайным уголком его души, где после синтеза Саламандры и холодной стали продолжала свою эволюцию личность Ха'гарена.

То, что он намеревался сейчас совершить, было опасно. Технодесантник не слышал о прецедентах подобной связи в прошлом, равно как и не знал позицию своей религии касательно нее. Несмотря на то, что он раздумывал об этом с того самого момента, как Мульцебар поручил ему отправиться на абордажную миссию, Ха'гарен так и не сумел придумать альтернативных способов добычи информации. Мысленно он вернулся к моменту брифинга, вспоминая, как отсалютовал своему командиру, ударив перекрещенными руками по нагруднику, и о том, как капитан посмотрел на него напоследок. Мульцебар не обладал излишне выразительным лицом, и стоическое выражение на нем не изменилось и в тот момент, но Ха'гарену еще тогда показалось — а теперь он был в этом убежден, — что он заметил в глазах капитана намек на подавляемое сожаление. Он знал. Мульцебар осознавал,

на что придется пойти ему подчиненному, но он не мог позволить сочувствию поставить под угрозу всю миссию, да и с отвращением, которое вызывала у него сама природа задания, ему оставалось лишь смириться.

Долг стоит превыше собственных желаний. И все, чем ты являешься, должно быть использовано для исполнения долга. Все было именно так просто.

Настолько же простым было уравнение, с которым столкнулся сейчас Ха'гарен. Персональный риск был неважен. От их задания зависело выживание кое-чего куда большего, чем этой звездной системы. Эльдарский колдун должен быть найден. Только один Саламандра сейчас мог его обнаружить, и лишь одним путем. Решив эту задачку, Ха'гарен развеял все свои сомнения как миражи, коими они и являлись. Укрепивший свою решимость и благословенный единением с чистотой Бога-Машины, Ха'гарен подключился к электросети убойного крузера.

Для него это было подобно погружению в бурную реку из отходов. Никакое иное машинное измерение не было более отвратительным для Ха'гарена, за исключением сетей, оскверненных самим Хаосом — но в те воды он ни за что не рискнул бы нырнуть, — настолько был высок риск заражения. Технодесантник обрек бы себя, свое задание и всех, кого он пытался спасти — но сейчас, имея дело с зеленокожими, он лишь укрепил свои ментальные заслоны, а затем наконец-то обратил свой взор на весь масштаб техноереси, пронизывающей корабль.

Крузер предстал в его разуме в виде пульсирующей объемной схемы, создаваемой током, бегущим по кабелям, протянутым по судну. Участки с высоким уровнем энергопотребления сияли ярче, вырисовывающие их линии были толще прочих. Машинное отделение, мостик и орудийные батареи сверкали подобно солнцам. Ха'гарен разглядывал трехмерную проекцию крузера, совершенно нематериальную, но не становящуюся от этого иллюзорной. Напротив, энергетическое воплощение корабля выглядело таким же свирепым, как и физическая его ипостась. Мерцающий зверь из света был хищником, обозленным на всю вселенную, и ни на миг не прекращающим свою вечную охоту. Само воплощение ярости, крузер не мог говорить — но это не значило, что он был непознаваем.

Эльдар, которого искали Саламандры, мог быть в одном из трех состояний. Он мог быть уже мертв — но грозовой пророк уверил братьев, что это не так. Это значило, что ксенос либо был занят рабским трудом — и при этом мог находиться практически где угодно, — либо же сидел в камере. И даже если плеть зеленокожего надсмотрщика проходила по спине заключенного, рано или поздно он все равно вернется в свою клетку. Значит, именно ее и нужно было отыскать Ха'гарену.

Очевидно, что рабским загонам оставались лишь малейшие крохи энергии. Орки, будучи теми, кто они есть, едва ли озаботились бы чем-то большим, чем обширное пространство, куда можно было зашвырнуть пленников. Вероятно, оно располагалось на нижних палубах.

«*Нашел!*» Ха'гарен обнаружил зону с минимальной активностью, окружающую черную дыру в нижней центральной части корабля. Лишь отдельные случайные вспышки электричества проскальзывали по ее периметру, и рядом не располагалось ни грузовых отсеков, ни оружейных батарей. Что бы там ни находилось, орки явно не придавали этому большой важности, но зона казалась обширной, спорить с этим фактом было нельзя. Там могли находиться тысячи рабов. Технодесантник сузил зону поисков, но, увы, пока еще недостаточно.

Ха'гарен чуть сильнее раскрылся кораблю, его сознание сфокусировалось на пустоте в электросети. Едва заметные потоки энергии, невидимые при взгляде на весь корабль в целом, стали яснее, когда он выделил для себя этот конкретный участок.

«*Найди одного пленника. Узри, что говорят тебе эти электрические потроха, и найди его*», — сказал технодесантник про себя. Просканировав всю зону несколько раз, он наконец-то выявил кое-что странное. В нижней части темной зоны, ближе к носу корабля, он разглядел небольшую, но постоянную пульсацию. Кто-то был подключен к электросети. Кто-то, кто сам не был рабом.

«Охрана», — сделал вывод Ха'гарен. Орков там явно было немного, да и позиция для поста охраны выбрана достаточно странная — не на самом периметре рабского загона, куда даже зеленокожие догадались бы отрядить охранников. И действительно, стоило Саламандре на миг отдалить изображение, как он заметил сияние, означающее скорее всего не что иное, как главный пост охраны. Другие же, меньшие, посты находились внутри темной зоны. Дополнительная охрана для особых пленников.

И эльдарского провидца нельзя было назвать никак иначе.

Орки — чрезвычайно суеверная раса, и противник, который знал о каждом их шаге еще до того, как они его совершат, непременно окажется знатным уловом. Разумеется, зеленокожие будут опасаться эльдара из-за того, на что тот может быть способен, но все же не смогут не испытывать гордости за то, что сумели захватить его в плен. Провидец будет трофеем, вызывающим известную долю нервозности, а потому тот командир, который поймал его, не пожалеет сил, чтобы сохранить эльдару жизнь, но оставить его взаперти и совершенно беспомощным.

Ха'гарен отсоединился от электросети орков и покинул грузовой отсек, чувствуя угасающее послевкусие своего контакта с круизером —

прерывистую вибрацию, отдающуюся в глубинах его души и разума, а также осыпающийся оскверненный пепел. Чистота его связи с Омниссией была нарушена, и Ха'гарен не знал, сможет ли вернуть ее.

Технодесантник воссоединился со своим отделением. Несмотря на то, что его сознание покинуло физический мир менее чем на десять секунд, даже за такой короткий срок ситуация уже успела измениться. Фоновый шум круизера нарастал — это значило, что воздаяние за вторжение Саламандр было уже на подходе.

— Ну? — поинтересовался Ба'бирин.

— Я знаю местонахождение пленника, — ответил ему Ха'гарен, а затем ввел товарищей в курс дела.

— Отличная работа, брат, — похвалил его Нелей.

Ба'бирин не выказал такого же энтузиазма.

— Ты можешь гарантировать свою правоту? Или это всего лишь предположение?

— Да, это лишь догадка, — признался Ха'гарен безо всякого стыда за подтверждение очевидного факта.

Ба'бирин кивнул в сторону железной пучины ветвящихся коридоров.

— Сейчас ты вынуждаешь меня и брата-сержанта Нелея поставить судьбы наших отделений на кон ради догадки, которая заключается в том, что наша цель находится где-то «по центру», «внизу» и «в передней части» корабля. Уж извини, но я ожидал чего-то более конкретного.

— Не ерничай, брат, — встрял в разговор Нелей. — Технодесантник Ха'гарен хорошо потрудился. Он не просто сузил район поисков, а дал нам настоящую цель.

— А что насчет дороги к ней?

— Пройдем по телам орков, — отрезал Ха'гарен.

Нелей рассмеялся и хлопнул Ба'бирину по плечу.

— Вот они, слова настоящего брата, разве нет? Ну что, на войну!

— На войну, — повторил Ба'бирин без капли веселья в голосе. Напротив, его ответ был полон одной лишь решимости. Неважно, насколько он не доверял Ха'гарену, он все же воспользуется предоставленной информацией и завершит их миссию.

Ха'гарен не о чем большем и не просил — и все же, где-то в глубинах его разума, подобно тихому голосу, растворяющемуся в гуле толпы, Огнерожденного позвало тихое эхо сожаления. Впрочем, у сожаления не было цели, так что Ха'гарен проигнорировал его.

К Саламандрам со всех сторон приближались источники ужасной

какофонии, вызывающей мысли о попавших под оползень свиньях.

— Они рвутся отбить нашу атаку, братья! — прогремел Ба'бирин. — Они считают, что мы являемся для них угрозой! Давайте покажем зеленокожим, насколько же они правы, и на собственных условиях обрушим на них свой гнев! Построиться! — Сержант прошагал к ближайшему боковому коридору. — Вставай рядом со мной, Ха'гарен. Веди нас, если можешь.

Ха'гарен мог. Он заплатил за эту способность осквернением собственной души, но да, он сможет указать братьям путь.

Саламандры начали продвигаться вглубь корабля единой нераздельной силой, чей путь нельзя было остановить такими слабыми препятствиями, как плоть и кость. Орков, все же, от попытки это не удержало. Первую волну защитников отделения встретили около третьего поворота, как раз возле перекрестка, ведущего в более широкий проход. Огнерожденные не остановились — и два состава столкнулись в этом тесном пространстве. Один из них состоял из керамики и веры, другой же — из мышц и чистой ярости. Шум давки этого множества тел был настолько громким, что почти заглушал вой орков, раздираемых на куски гладиями и цепными мечами. Клинки вонзались в мясо, отрубая руки и головы. Движки мечей ревели от своей ненависти, выпуская внутренности зеленокожих наружу. Коридор превратился в адскую скотобойню, замаранную кровавым месивом. Пуская передний ряд космодесантников и принял на себя основную силу удара, продвижение Саламандр и давление со стороны множества орков позволило некоторым из них протиснуться мимо сержантов. В ответ на это сыны Ноктюрна теснее сомкнули ряды, превратив свое построение в сжатый кулак, где едва хватало места для того, чтобы взмахнуть клинком — и все же, работы хватало для всех, — кроме болтеров. Бой шел лицом к лицу, становясь личным делом каждого.

Серворуки Ха'гарена возделись над его головой, чтобы опуститься вниз с сокрушающей черепа силой, пока сам он, орудуя боевым клинком, вонзил это оружие промеж сочленений брони прямо в брюхо орка — а затем выпотрошил зверя глубоким вертикальным разрезом. Пока тот оседал на пол, Ха'гарен немедля прикончил еще одного орка хлестким ударом кулака, познакомившим нос ксеноса прямо с его мозгом. Несмотря на то, что зеленокожий уже умер, его тело все равно сделало свой последний взмах топором, пришедшийся на наплечник технодесантника. Упав, ксенос освободил немного пространства, и Ха'гарен сумел сделать еще один шаг вперед. Саламандры продирались сквозь зеленую трясиину, и скорость их продвижения была до мучительного низкой.

Саламандры добрались до перекрестка. Здесь места было больше, и у них появилась возможность хотя бы рубить своими клинками. Большая часть

орков надвигалась на них слева, тогда как правый путь оказался практически пуст. Отделения воспользовались этим и рванулись вправо, растапывая немногочисленных орков в кровавый фарш.

— *Двигайтесь!* — выдохнул Ба'бирин, но Саламандр не нужно было упрашивать лишней раз. Бойцы форсированным маршем ринулись вглубь прохода, пока брат Ко'бин и аптекарий Н'крумор, замыкающие строй, выстраивали временную баррикаду из трупов орков, бросающихся прямо под залп их огнеметов. Дым заполнил коридор, ослепляя и лишая орков воздуха, но не причиняя никакого вреда Саламандрам с их дыхательными масками. Натиск зеленокожих ослаб, и Саламандры отвоевали себе небольшую передышку.

Всегда трудно избавляться от старых привычек — Ха'гарену пришлось напомнить себе, что Саламандры не отступали. Они не убежали от орков, но всего лишь вонзали свои клинки глубже во внутренности корабля.

— Этого мало, нам нужно поднапрячься, — сказал Ба'бирин.

Ха'гарен знал, что его брат прав. Им удалось набрать скорость, и в принципе они двигались в верном направлении, но нельзя было назвать стратегией случайное метание по коридорам в надежде на то, что Огнерожденным улыбнется удача, да и время не было на их стороне. Технодесантник задрал голову. Потолок над десантниками являлся не чем иным, как чистой идиотией — смесь труб, из которых вырывался пар, дым или отбросы, оголенные провода, перепутанные кабели... Ха'гарен обратился к блоку памяти, в котором сохранилась схема проводки круизера, и наметил путь от своей текущей позиции до цели, а потом указал товарищам на один из кабелей.

— Пока что будем идти по этому кабелю. Нам предстоит три поворота и спуск на одну палубу. Затем найдем другой.

— Еще одна догадка? — съязвил Ба'бирин.

— Карта, — ответил специалист, все еще держа в уме схему корабля.

Сержант в ответ лишь кивнул. Что бы Ба'бирин ни думал о верности или суждениях Ха'гарена, он перестал сомневаться в его навыках.

— Веди нас.

Ха'гарен так и поступил. Продвижение Саламандр начало набирать скорость. Внимание технодесантника во главе ударной группы перескакивало с одного кабеля на другой без малейших заминок. Саламандра выбрал себе путь, и теперь тот был для него кристально ясен. Ха'гарен не знал наверняка, ждет ли их в конце пути заветная цель, но он был *уверен*, что сможет провести по этому пути своих братьев. Огнерожденные узнают, окупилась ли рассуждения их брата — и узнают об

этом скоро.

Быстрее. Продвижение превратилось в отчаянный рывок. Космические десантники натыкались на небольшие группы орков и проносились прямо сквозь них с силой маглева, не оставляя за собой ничего, что можно было бы впоследствии опознать. Вопли орков далеко за их спинами все множились, но ксеносам было ни за что не угнаться за Саламандрами. Следуя по пути, указанному ему электропроводкой корабля, читая язык чистой энергии, Ха'гарен познал корабль лучше, чем сами орки. Воины постоянно меняли направление движения во всех трех измерениях, бросаясь из одного коридора в другой, налево и направо безо всякой системы, поднимаясь на палубу выше только для того, чтобы через минуту спуститься еще на три. Их путь нельзя было предугадать, и Ха'гарен знал, что пускай преследующих их ксеносов и становилось больше, они ничуть не приблизились к Саламандрам, потеряв их след.

Саламандры погружались все глубже в лабиринт, называемый кораблем, все глубже в произведенную ксеносами мерзость, пол и стены которой не было даже видно под слоем промышленных и органических отходов. Лампы горели неравномерно, большую часть времени мерцая и отключаясь — пока им не приходила пора вспыхнуть ярче прежнего. Архитектура по сравнению со внешними слоями корабля оставалась такой же примитивной — ничем иным, как мешаниной из листов металла, беспорядочно наваренных друг на друга так же плотно, насколько же тесны ряды самих ее создателей. Некоторые участки судна казались незавершенными, другие явно были повреждены, а где-то и просто было не протолкнуться из-за наваленных тут и там груд металлолома. Куски железа — неважно, в виде мусора, обломков или дизайнерских причуд орков, — торчали из стен и пола иззубренными клыками, от которых отвлекали внимание граффити, намалеванные чужаками совершенно повсюду. Грубые, огрызающиеся морды, сжатые кулаки и окровавленные топоры были наиболее часто встречающимися изображениями, и их сопровождали криво выведенные слоганы, многие из которых были написаны кровью. Ха'гарен не мог разобрать, что говорили орочьи письма — но по крайней мере они не истязали глаза, разум и душу в той же манере, что и символы почитателей Хаоса. Эти знаки оказались простым перенесением чистой агрессии в текст.

Ниже. Глубже.

— Брат Ха'гарен... — начал Нелей. — Тебе придется постараться не умереть, иначе мы никогда не найдем дороги назад.

— В таком случае нам просто придется убить эту развалину, — пробурчал Ба'бирин.

По прикидкам технодесантника, Саламандрам оставалось пройти еще

несколько сотен метров и спуститься на три палубы вниз. Вскоре им предстоит пройти по помосту, с которого можно будет опуститься на уровень ниже, а затем войти в еще один коридор, проходящий через большой открытый участок. Ха'гарена бесило то, что он не знал больше о натуре отсеков, через которые пролегал путь Саламандр. Идти к известной цели, но не знать, что ожидает тебя по пути, казалось безрассудным — но его догадки ничего иного не позволяли. И сейчас очередная догадка Ха'гарена заключалась в том, что его товарищи приближаются к своего рода сборочному цеху.

Грохот, исходящий с той стороны, явно это допускал. Даже со значительного расстояния, и частично заглушаемая эхом от воплей орков позади, какофония все равно была оглушительной. Саламандры остановились. Шум спереди явно отдавал нотками той же ярости, что и крики их преследователей. Вероятно, десантников зажимали в тиски. Впрочем, когда ухо Лимана технодесантника разбило этот пандемониум на составляющие, Ха'гарен понял, что спереди к ним не приближалась еще одна свора орков. Напротив, хаос, бездумный рев и пальба безошибочно указывали на идущее там сражение.

— Ну? — спросил Ба'бирин.

— Да, именно туда нам и нужно, — указал Ха'гарен.

— Чувствую себя позабытым, — пожаловался как бы невзначай Нелей, на что Ба'бирин рассмеялся — впервые с момента брифинга с Мульцебаром, и сам Ха'гарен почувствовал, как дернулись его губы, отвыкшие от выражения эмоций.

— Наковальня зовет, братья, — подытожил Ба'бирин и ступил на помост.

«И правда, зовет...» — подумал про себя Ха'гарен, следуя за братом. Война и была тем, для чего создавали как их, так и всех остальных космических десантников. Некоторые из его братьев принимали эту истину с большим фанатизмом, чем другие, а кто-то считал войну всего лишь прискорбной необходимостью — но в конце концов она определяла все их жизни. Астартес *были* войной, и когда битва затянула свою сладкую песнь, выполнение их миссии требовало, чтобы десантники ответили на призыв.

Вниз по помосту. Через перила. Вперед по коридору. Сапоги силовой брони, как молот Вулкана, выбивали свой ритм, приближая бойцов к сражению впереди. Последний проход оканчивался большими двустворчатыми воротами. Ба'бирин и Нелей врезались в них со всей силы, сорвав двери с петель — и Саламандры наконец-то оказались в просторном зале. Зале, охваченном войной. Войной орков и эльдар.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Эльдар были закованы в алую броню, оттеняемую извивающейся белой руной, при виде которой Ха'гарен тут же вспомнил должное обозначение: Сайм-Ханн, та же группировка, которую встретили Белые Шрамы и Гвардия Ворона. Технодесантник перевел взгляд на оружие чужаков. Как и Саламандры до них, ксеносы экономили боеприпасы, в основном используя оружие, чтобы крушить орочьи черепа... И все же, когда они открывали огонь, зеленокожие перед ними просто испарялись. Эльдар пользовались мелта-оружием, понял Ха'гарен. Саламандрам повстречалось отделение Огненных Драконов, двое из которых уже пали, но восемь других бойцов продолжали сражаться. Один из них, в более вычурной броне, вооружился своего рода тяжелым огнеметом, и несколько более охотно открывал огонь, тогда как девятый член их отряда носил робу поверх доспехов и орудовал клинком, чья элегантность и смертоносность буквально вопили о колдовской природе оружия.

Эльдар боролись с сотнями орков. Изыщные ксеносы двигались с ловкостью, просто недопустимой для облаченных в доспехи воинов — можно было подумать, что вместо брони они были обряжены в кроваво-красный свет, да и сами являлись чем-то не более реальным, чем мысль. В движениях чужаков наблюдалась невероятная слаженность, как и у самих Саламандр, но слаженность эта была совсем другой природы. Огнерожденные сражались бок о бок, с точностью и синхронностью хорошо отлаженной машины разрушения — за что Ха'гарен был им безмерно благодарен. Технодесантник знал очень мало о любых видах искусства, кроме войны и ее монументальных выражений, но он знал, что они существуют — возможно, где-нибудь в Ультрамаре, где люди не находились каждый день на грани вымирания, — и движения эльдар, как подсказывала Ха'гарену интуиция, как раз относились к чему-то вроде тех, иных, разновидностей искусств. Их ритмы не вызывали мысли о неизменном биении машинного сердца. Вместо этого, эльдар двигались в синкопированной, сложной, непредсказуемой манере. Манере, настолько же

непознаваемой, как и вся их раса. Чуждой. Ха'гарен осознавал, что смотрит на прекрасный во всех отношениях способ ведения войны — и он ему не нравился.

Тем не менее, эльдар действительно впечатляли. И все же, несмотря на то, что они истребляли десятки орков, этого было недостаточно. Огненные Драконы были обречены.

Пространство, в котором бушевало сражение, оказалось ареной. Концентрические круги из сидений круто спускались к площадке не шире десяти метров в диаметре. Сами Саламандры сейчас находились позади крайнего ряда сидений, а их целью был закрытый тоннель в другом конце арены. Логика пути, избранного Ха'гареном, наконец стала ему полностью ясна. Арена использовалась для боев между рабами. Поверхность центральной площадки была практически не видна за мешаниной из целых (и не очень) тел — как человеческих, так и нет, — в разных степенях разложения. Судя по всему, рабов вели сюда из дальнего тоннеля, дабы те сражались друг с другом до смерти. Ха'гарен не знал, давали ли им хоть какое-то оружие, но подозревал, что нет.

Впрочем, варварство чужаков сейчас было неважно для него, и Ха'гарен выбросил мысли о нем из головы. Что имело значение, так это то, что тоннель выведет Саламандр к загонам для рабов — а значит, и к их цели.

Практически целая секунда ушла на размышления о дальнейшем курсе действий. Саламандры наблюдали за битвой двух своих врагов, один из которых был бедствием для всей галактики, а другой — персональным проклятием Ноктюрна, так что вопрос заключался не в том, вступать ли с ними в конфликт, и не в том, какую из сторон атаковать. Напротив, размышлять было не о чем, кроме того, не истребить ли обе вражеские группировки во время марш-броска ко входу в тоннель.

Эльдар сгрудились вместе где-то в трех четвертях пути ко дну арены. Судя по всему, они тоже пытались добраться до тоннеля, но по дороге к нему завязли в орочьих телах. В ближнем бою Огненные Драконы были по-настоящему грозной силой, но здесь, на открытом пространстве, они стали уязвимы — и орки обрушились на них, как настоящий потоп. С высоты Ха'гарен мог даже различить течения и завихрения этой зеленой волны.

Секунда — и сейчас уже *полная* секунда, — наконец-то прошла. Орки на верхних уровнях арены повернулись, чтобы встретить Саламандр с распростертыми объятьями — и тяжелыми рубилами, на что у Ба'биринна нашлось, что ответить.

— Истребить зеленокожих. Эльдар не атаковать, — отрезал он.

Это решение было вполне разумным, легко увязывающимся с целями их

задания. И точно так же, как и цели этого проклятого задания, оно раздражало сверх меры. Иначе и быть не могло — слишком уж длинная история связывала Саламандр и эльдар, и часто — в худшем смысле слова. Но Саламандры приняли новый вызов, и с готовностью принялись вымещать свой гнев на орках.

Какими бы бесчисленными твари ни были, на арене хватало места для того, чтобы безбоязненно открывать огонь и свободно размахивать оружием. Ба'бирин и Нелей бросились в бой первыми, вновь показывая пример братьям и выжигая план атаки на плоти врага. Струи прометия из их огнеметов омыли очищающим огнем ближайших орков, отчего те мигом обратились в воюющие, мечущиеся живые факелы. В отчаянии кидаясь к сородичам, они смогли лишь разделить с ними свою боль, распространяющуюся сияющей рябью по болоту из зеленой грязи.

Так, Саламандры расчистили для себя прямой путь через груды обгорелых тел — и они не замедлили воспользоваться им. Ха'гарен набирал темп, шагая промеж двух сержантов. Его серворуки метнулись вперед, ломая грудные клетки и хребты, а наплечный огнемет испепелил тех, кто попытался преградить Огнерожденным путь. Больше тел, еще больше сопутствующего ущерба — и все равно, все новые и новые зеленокожие бросались в бой, на смену своим сожженным товарищам. По прикидкам Ха'гарена, во всей галактике не было ни одной такой же расы — за исключением тиранид, — которая настолько бы не боялась смерти. Страхи орков были куда более иррациональными, и чтобы привести зеленокожих в ужас, нужно было совершить нечто куда большее, чем просто вырезать орду их сотоварищей.

Он покажет оркам, насколько же те ошибались в своем бесстрашии.

Сделав еще два шага вперед, технодесантник завел свой цепной топор. Ха'гарен стоял выше орков, так что он воспользовался этим и бросился на ярус вниз, делая широкий горизонтальный взмах своим топором, рычащим будто бы от злобы. Оружие прорубилось прямо через грудь ведущего орка, пытавшегося взобраться повыше — и через миг верхняя половина ксеноса завалилась назад, пока нижняя еще какое-то время продолжала стоять. Этим же взмахом Ха'гарен отбросил двух чужаков, стоявших по обе стороны от своего лидера — и их места заняли Ба'бирин с Нелеем, врубающиеся в ряды ксеносов своими цепными мечами. Из-за спин сержантов остальные воины открыли прикрывающий огонь, обращая зеленокожих в кровавую кашу.

Саламандры спускались ко дну арены, как лава опускается к подножию горы Смертельного Огня. Они были подобны пламени и камням, обжигая орков и размазывая их прямо по палубе собственного корабля. Бойцы сэкономили боеприпасы, не давая волю огнеметам и открывая огонь из

болтеров лишь для того, чтобы заставить орков попятиться, после чего продолжали врубаться в толпу ксеносов. В их смертельном марше не было ни секундной заминки, ни малейшего промедления.

Сами орки не ограничивали себя одними лишь клинками, однако угроза от их огня была минимальной. Неточные и лишенные намека на дисциплинированность, их стрелки по большей части лишь убивали собственных сотоварищей, старавшихся поскорее добраться до Саламандр. Шальные пули отскакивали от брони Ха'гарена — но он игнорировал их.

Саламандры продолжали продвижение, пробиваясь через зеленую волну — и эльдар не замедлили воспользоваться переменой в ходе боя. Огненные Драконы переключились на новую цель. Вместо того, чтобы добраться до дна арены, они начали возвращаться обратно к верхним ее ярусам. Ксеносы собирались встретиться с Саламандрами, зажав беснующуюся толпу орков между двумя дисциплинированными отрядами. Эльдар, работающие совместно с Саламандрами...

Ха'гарен взглянул на Ба'бирину. Действие это было совершенно непрошеным, автоматическим, плодом привычки, выработавшейся в ходе проведенных вместе десятилетий и внезапно вновь давшей о себе знать. Не более чем рудиментарный рефлекс, который давно уже не означал объединявшей их боевой циничности. И все же... Та часть Ха'гарена, которая после его визита на Марс стала отвечать за постоянный, непрекращающийся анализ, отметила эту реакцию и записала ее для подробного изучения в будущем. А еще она заметила, что и Ба'бирин тоже смотрел на технодесантника.

Предварительный анализ: бывшие союзы укрепляются\возрождаются перед лицом новых, экстраординарных обстоятельств.

Интересно, но едва ли актуально. Сейчас для Ха'гарена было куда важнее выбрать наиболее эффективный способ избавиться от орков перед собой. Его огнемет присоединился к ревущему оружию двух сержантов — и ксеносы рухнули наземь.

Саламандры уже прошли полпути к подножью арены, постепенно приближаясь к позиции эльдар, как тут промеж изящных ксеносов и космических десантников взорвалось несколько ракет. Прямое попадание пришлось по оркам, но металл палубы и скамей, ставший иззубренными клинками шрапнели, вкупе с чужацкими конечностями и кусками зеленой плоти, убийственным дождем окатил Огнерожденных. Четырех внезапных детонаций было достаточно для того, чтобы дезориентировать даже Астарес — и Ха'гарен, в ушах которого стоял резкий звон, замешкался.

Продвижение Саламандр приостановилось.

Сквозь дым, Ха'гарен увидел, что и эльдар были застигнуты врасплох, а затем задрал голову. Технодесантник увидел массивных, закованных в броню орков, рассредоточенных по периферии верхнего яруса арены. Ксеносы были заняты тем, что избавлялись от того, что выглядело, как большие, дымящиеся с одного конца палки — не что иное, как простые, одноразовые ракетные установки.

«*Какие они примитивные...*» — подумал про себя Ха'гарен. Эффективность такого оружия казалась ему оскорбительной. Он не знал, попали ли зеленокожие туда, куда целились, но так или иначе, их залп нарушил стратегическое равновесие. Обе группировки атакующих оказались подавлены, тогда как орки, избежавшие взрывов, уже неслись им наперерез.

Мелкие, пресмыкающиеся сородичи орков уже подавали новые ракетницы своим повелителям.

Ха'гарен выстрелил из плазменного резака, закрепленного по левую сторону своей сервосбруи, и лишил одного из гигантских орков руки. Ксенос взвыл от досады, а затем с выражением тупого удивления уставился на пол — и миг спустя его оружие взорвалось, размазав орка и его свиту по покрытым копотью стенам. Тем временем, Огненные Драконы пришли в себя и вскинули фузионные ружья. Мелта-лучи, вызвавшие у Ха'гарена неподдельную зависть, ударили в остальных орков-ракетчиков, отчего те исчезли во вспышке ошеломительно чистого света.

Болты и языки пламени, выпущенные Саламандрами, вновь отогнали от них орков, но лишь ненадолго. Еще один ракетный залп — и воинам придет конец. Космические десантники и эльдар были как на ладони. Доспехи не делали их неуязвимыми.

Атака была разумным ходом со стороны орков, их сопротивление становилось организованным. Тут и там звучали приказы, указывающие на какое-никакое, но понимание стратегии. Через входы на арену хлынула новая волна орков — все они были вооружены тяжелым оружием. Слишком много и слишком далеко, чтобы успеть избавиться от них вовремя. Ха'гарен предвидел собственную скорую гибель. У этой гибели даже был вполне конкретный облик, в виде силуэта гигантского орка, возвышающегося надо всей своей братией. Ксенос казался слишком большим, чтобы иметь возможность хотя бы пролезть в проход на арену, и все же эта темная гора мускулов была здесь. Срок жизни всего, находившегося на арене, теперь исчислялся в секундах.

Саламандры использовали эти секунды. Не растерялись и эльдар. Огнеметы и фузионные ружья взвыли, их владельцы наплевали на былые заботы о сохранении боеприпасов. Два войска повернулись как одно и

выплеснули убийственное пламя на самое дно арены, а затем кинулись вслед за ним, опаливая собственную броню. Поток огня не ослабевал ни на миг. Канистры с топливом опустели, обращая пятиметровый строй орков в угли и тлеющие кости, и космические десантники вместе с эльдар проломились сквозь немногочисленных выживших подобно тарану с острым наконечником. Еще один мелта-луч расплавил ворота. Эльдар, находившиеся ниже Саламандр, первыми ворвались в тоннель, но Огнерожденные следовали за ними по пятам. Ха'гарен уже было пронесся по арене, хрустя следами тысячи жалких смертей, как вдруг почувствовал, будто само пространство над его головой затаило дыхание. Нечто ужасное проревело приказ. Технодесантник поскорее нырнул в сомнительную безопасность тоннеля — и тут сам воздух арены обратился огнем.

Последующая орочья бомбардировка была самым воплощением тотальности и не удерживаемой здравым смыслом воли — никто, кроме орков, не стал бы использовать снаряды такого калибра и в таком количестве внутри космического корабля. Позади Ба'бирин на секунду словно вспыхнуло новое солнце, и взрывная волна, подобно огромному кулаку, вогнала сильнейший воздушный поток внутрь тоннеля, повалив каждую живую душу на землю. Падая, сержант успел заметить, как один из Огненных Драконов с силой врезался в стену как раз там, где тоннель сворачивал в сторону, и рухнул наземь подобно изломанной кукле со слишком большим числом суставов. За ударной волной последовала ревущая волна огня. Ба'бирин, даже защищенный ребризером шлема, ощутил, как воздух обжигает его легкие изнутри. Задержав дыхание, Саламандра постарался перетерпеть, пока бушующая стихия немного не утихнет, что и произошло, когда большая часть кислорода в тоннеле выгорела. Его место, впрочем, тут же занял удушающий дым, полный токсичных примесей и пепла органического происхождения. Апокалиптический грохот взрывов уступил место хору потрескивающих кострищ и стонущего от деформации металла.

— Пересчитаться! — прокричал Нелей. Один за другим, все Саламандры ответили ему, выкрикивая свои имена.

Все, кроме брата Ко'бина.

Ба'бирин вернулся назад ко входу в тоннель, следуя за Нелеем. Именно там они нашли Ко'бина, застигнутого обстрелом. Керамит его силовой брони обратился в шлак — не от нестерпимого жара, но непосредственно от предшествующих ему взрывов, а тело боевого брата оказалось пронзено во множестве мест различными металлическими обломками. Неважно, были ли они частью палубы, стен, сидений, или же всего этого сразу — теперь они

стали смертельными снарядами. Ко'бин и окружающий его мусор превратились в абстрактную скульптуру, посвященную мучительной агонии.

— Посмотри... Посмотри, что он сделал... — наконец, тихо произнес Нелей.

Сначала Ба'бирин не понял, что имел в виду его товарищ, но спустя миг мрачное зрелище распятого трупа Ко'бина приобрело для него новый смысл. Распростертые руки и ноги погибшего не были случайностью — Ко'бин сделал все, что мог, чтобы закрыть своим телом вход в тоннель, принимая огонь на себя. Он преградил путь худшим эксцессам орочьего обстрела, и своей жертвой спас братьев от гибели.

— Спасибо тебе, брат, — выдохнул Ба'бирин, осознавая горечь потери. Саламандры не просто лишились одного воина — прогеноидные железы Ко'бина погибли вместе с ним, и Орден навсегда лишился генетического кода собрата. Круг Огня — цикл перерождений, о котором учило Прометеево кредо, — был прерван.

Сержанты воссоединились с Ха'гареном во главе строя из уцелевших. Технодесантник не двигался — лишь плазменный резак, закрепленный на его сервосбруе, гулял из стороны в сторону, словно сканируя стоявших перед Саламандрами ксеносов. Эльдар тоже успели перегруппироваться, и сейчас обе группы с осторожностью взирали друг на друга, готовые пустить в ход оружие — хотя оно и не было нацелено на вероятного противника. Воины достаточно хорошо понимали, что обстоятельства, в которых все они оказались, не располагают к агрессии.

— И что теперь? — спросил Нелей.

— Да уж, озарение нам бы не помешало, — вздохнул Ба'бирин.

Со стороны разрушенной арены до них начали доноситься звуки, свидетельствующие о том, что зеленокожие стали спускаться вниз, дабы взглянуть на дело своих рук. Был слышен зычный голос вожака, выкрикивающего приказы. Скоро орки доберутся и сюда.

Облаченный в мантию эльдар вышел вперед. Ксенос бросил взгляд на лидера Драконов, вооруженного огнеметом, и получил в ответ кивок. Меч в руках эльдара был извлечен из ножен, но тот не вскидывал его в попытке нанести удар. Вместо этого казалось, что клинок является частью тела самого эльдара, словно еще одна рука, и его движения — лишь часть самовыражения ксеноса. От него несло ведьмовством. Когда же колдун заговорил, — пусть и с заметным акцентом, — оказалось, что его готик подчеркнуто безупречен, словно ксенос решил преподать Саламандрам урок во владении их же собственным языком.

— Воины человеческого Императора, я приветствую вас. Имя мое — Кадериал, и уверен я, что прибыли мы на это судно с одной целью.

— И что из этого следует? — спросил Ба'бирин.

— Что всем нам остро надобен союз, и так же остро стоит перед нами нужда избегать конфликта. — После этих слов колдун убрал меч в ножны. Движение это было настолько экономным, что со стороны могло показаться, будто простота стала для ксеноса одновременно роскошью и формой искусства.

Шум, сопровождающий приближение орков, становился все громче.

— Согласен, — просто ответил Ба'бирин.

— Приятно я все же удивлен... — с кивком произнес Кадериал.

Замечание раздражало, но сержант решил пропустить его мимо ушей.

— Нам пора идти.

— Соглашусь и я. Мы возглавим шествие? — спросил Кадериал, но не дожидаясь ответа, двинулся вперед вместе со своими воинами.

Ба'бирин сделал Саламандрам знак следовать за ксеносами, и сам двинулся во главе строя.

— Брат-сержант... Мы и в самом деле делаем это? — поинтересовался Н'крумор по ротному воксу.

— Да. Или ты против того, чтобы мы присматривали за врагом, преследующим ту же цель, что и мы? — спросил у аптекаря сержант.

— Разумный подход, — встрял в разговор Ха'гарен.

— Спасибо, — ответил Ба'бирин, внезапно поняв, что его недоверие к технодесантнику ослабло. Да, измененная логика брата была чужда ему. Да, сержант боялся, что и суждению Ха'гарена нельзя доверять, но, по крайней мере, изначально он был человеком — как бы далеко тот не зашел по своему пути. Общение же с колдуном эльдар лишь сбивало с толку.

Нельзя было просто пообщаться с орками — они и между собой переговаривались лишь едва-едва, — и единственным видом взаимодействия с этой расой была война, в чем сержант находил комфортную простоту. Орки жили лишь в одном состоянии — в постоянной готовности атаковать. Они были предсказуемы.

Эльдар же являлись доводящей до белого каления загадкой. То, что с некоторыми из них можно было вести диалог, лишь усугубляло их отвратительную чуждость, а эта группа в особенности раздражала Ба'бирину. Предпочтительное использование огня в качестве оружия, драконы в символикe... Знакомые мотивы делали чужаков еще более неприятными взору.

Ха'гарен шагал вперед, его сервосбруя превращала специалиста в многорукого паука из металла. Эльдар, тем временем, двигались с неземной грацией, а их броня была настолько гибкой, что казалась одеждой, а не чем-то, дающим реальную защиту. Они целиком и полностью олицетворяли собой органическую сторону мира, тогда как технодесантник, по мнению Ба'бирин, слишком далеко зашел по пути машин и постепенно растворялся среди них. Каждый свой шаг Ха'гарен делал с идеальной точностью, его серворуки извивались и цеплялись, предоставляя владельцу дополнительную опору, а установленное на горбу оружие металось от цели к цели, пусть цепной топор в руках технодесантника и был дипломатично опущен. В тяжелой поступи аугментированного специалиста не было и намека на теплоту живой плоти — и все же, в присутствии настоящих чужаков, для Ба'бирин он был самым настоящим человеком.

Эльдар и Саламандры все продолжали идти по тоннелю. Тот тянулся вперед на несколько сотен метров и не имел ни одного ответвления. Проход был сработан так грубо, что казалось, будто на самом деле это пещера, вырытая в железной горе, но, по крайней мере, он был достаточно широк для того, чтобы двое космодесантников могли идти в нем бок о бок. Ба'бирин подозревал, что порой через этот коридор звери выгоняли рабов на арену, о чем красноречиво свидетельствовали многочисленные гниющие части тел. Люди лишались здесь конечностей, тут и там на стенах виднелись следы когтей.

Нелей вызвал брата-сержанта по воксу.

— Они повернули к нам свои спины... Как они намереваются следить за нами?

— Ты полагаешь, что они вообще этим озаботились.

— Они же не могут просто оставить нас без внимания.

Ба'бирин кивнул.

— Тот, что заговорил с нами, был своего рода ведьмой.

— Послали ведьму, чтобы найти ведьму... Да, это имеет смысл.

— У тебя есть какие-то идеи насчет того, что нам делать, когда пленник будет найден?

— Кроме той, что мы должны убить их раньше, чем они — нас? — Не нужно было видеть лицо Нелея, чтобы догадаться, что он широко улыбается.

— То есть, мы оба согласны, что именно таким должен быть наш план?

Мигом спустя из голоса Нелея пропал любой намек на веселье.

— Естественно, по-другому и быть не может.

— Братья-сержанты... — прервал их разговор новый голос. То был Беренгий, отвечавший за вокс дальнего действия. — Я получил срочное сообщение от капитана Мульцебара.

— Уверен, это хорошие новости, — съязвил Нелей.

— Задание Гвардии Ворона на планете было успешно завершено...

— Я поздравляю наших братьев, но мы уже знали это, так что тактическое значение этой информации... — прервал радиста Ба'бирин.

— Завершено, увенчавшись полным истреблением наземных войск эльдар, — закончил говоривший.

— Спасибо, брат, — только и смог сказать сержант. — Будь добр, предупреди всех остальных.

Ба'бирин покрепче сжал огнемёт и слегка задрал его сопло, готовясь в любой момент залить проход смертоносной огнесмесью.

— Думаешь, они уже знают? — спросил его Нелей.

— Должны.

— С самого момента нашей встречи не было зафиксировано никаких других вокс-передач, — проинформировал товарищей Ха'гарен.

— Это ничего не значит, — ответил Ба'бирин. — Эльдар — известные мастера общаться с помощью колдовства.

— Тогда почему они не атакуют? — никак не унимался Нелей.

— По той же причине, что и мы...

— Миссия превыше всего, — закончил мысль брата технодесантник.

Тоннель оканчивался длинным залом, сверху донизу заполненным тесными клетками в полтора метра шириной. К верхним ярусам не вели никакие платформы или дорожки, лишь горстка веревочных лестниц. Некоторые из клеток были пустыми, но в большей их части находились участники боев на арене. Ба'бирин сумел разглядеть среди пленных людей, эльдар, крутов и членов нескольких других рас. В клетях даже сидело несколько орков. Ужасный зверинец стирал все различия между видами — в том смысле, что каждый пленник давно одичал и превратился в охваченное страхом и яростью животное. В какофонии их голосов не было и намёка на членораздельную речь — лишь жалобное хныканье и угрожающее животное рычание.

Здесь некого было спасать. Сожжение заживо было бы для этих существ лишь милосердной эвтаназией.

— Наша цель здесь? — спросил сержант Ха'гарена, с осторожностью наблюдая за продвижением эльдар.

— Рядом, но он не является частью этого сборища. Это не рабы. Больше

не рабы, — покачал головой Саламандра.

— Тогда где же он?

Технодесантник не ответил — и миг спустя Ба'бирин почувствовал, как сознание его брата растворяется в механистическом трансе, будто тот был всего лишь ходячим когитатором. Прошла еще одна секунда — и Ха'гарен вернулся в реальность.

— Нам нужно спуститься еще на ярус вниз, а там мы уже займемся поисками. — ответил он.

Пока Саламандры обсуждали план действий, эльдар впереди них остановились и образовали грубое подобие круга вокруг одной из секций палубы. Кадериал жестом подозвал Ба'бирину к себе.

— Обстоятельства пробуждают во мне радость, — начал он. — Ясновидец Элисат, чьим горестям приходит конец, находится практически прямо под нами.

Ба'бирин посмотрел на палубу, а затем на ксеноса.

— Ты предлагаешь пробиться к нему напрямую.

— Так меня побуждает наша стратегия, да.

— И все же, похоже на то, что у вас для этого нет подходящих инструментов, — заметил Нелей.

Та же мысль проскользнула и в разуме Ба'бирину, пока тот осматривал арсенал эльдар. Он, конечно, не знал, что могли припрятать ксеносы, но было похоже на то, что они имели при себе лишь свое оружие. Фузионные ружья с легкостью бы прожгли путь через железо палубы, но такого спасения не пережил бы сам пленник.

Кадериал лишь развел руками.

— Пристыжены мы превратностями судьбы.

Его изукрашенный конический шлем повернулся в сторону Ха'гарена.

— Вы, тем временем, как следует вооружены.

Ба'бирин метнул взгляд в сторону плазменного резака своего брата.

— И ты согласен пустить нас в его камеру вперед себя?

Кадериал отошел немного в сторону и сделал рукой жест, охватывающий и палубу, и всех Саламандр.

— Таково наше желание.

— Брат-сержант... — произнес по воксу Ха'гарен.

— В жизни не видел такой бессовестно откровенной западни, — раздался там же голос Нелея.

— Они могут позволить себе быть откровенными. Отказаться мы все

равно не можем.

— Мы даже не знаем, через что именно Ха'гарен будет прожигать дорогу.

— Взрывчатых веществ под палубой быть не должно, иначе и ксеносов убьет взрывом. Они слишком близко, — рассудил Ба'бирин.

Нелей все не успокаивался.

— Я не думаю, что мы спустимся прямо к цели.

Когда Ха'гарен заговорил снова, по его голосу было ясно, что он смирился с неизбежным.

— Выбора у нас нет. Кроме того, высока вероятность, что мы хотя бы окажемся в непосредственной близости к цели. Так что...

Технодесантник замолк и вышел вперед.

— Благодарим вас, магистр кузни, — произнес Кадериал.

Ха'гарен тут же остановился. Ба'бирин отметил про себя, что, похоже, его брата все еще можно было задеть.

— Не называй меня так. Есть лишь один магистр кузни, и его имя — Аргос. Своими словами ты сейчас оскорбляешь и меня, и его.

Кадериал склонил голову.

— Возможно. С вашего позволения, я приношу свои извинения.

Казалось, что замечание Ха'гарена его позабавило.

— И все же, идя по своему пути, вы добились исключительной степени единения с машиной.

На этот комментарий Ха'гарен ничего не ответил, а просто опустил серворуку с резаком к полу. Плазменный луч принялся разрезать металл, как скальпель режет плоть, и специалист принялся вырезать из палубы прямоугольник куда больше того, который потребовался бы для простого спуска вниз. Ба'бирин догадался, что его брат держит в уме возможные маневры целого отделения, с упором на скорость и силу атаки. Эльдар же молча разошлись в стороны, не протестуя против действий технодесантника.

Подозрения Ба'бирина обострились.

— Слишком уж они спешат нам угодить, — произнес Нелей, вторя мыслям сержанта. Ба'бирин, впрочем, промолчал, вместо этого воздев огнемет, когда Ха'гарен закончил прорезать палубу. Он направил оружие в пол, готовый испепелить всякого, кто дерзнул бы вырваться с нижнего яруса — кроме того, так ему ничего бы не стоило направить оружие на Огненных Драконов, в случае чего.

Манипуляторы двух серворук Ха'гарена опустились вниз и крепко вонзились в железо палубы. Сделанный им разрез все еще был раскален

докрасна. Технодесантник как следует дернул — и лист металла трех метров в длину и двух в ширину оказался у него в манипуляторах. Эльдар, судя по всему, не собирались бросаться вниз, так что Ба'бирин осторожно шагнул вперед, чтобы узнать, что поджидало его внизу.

Внизу же его ожидало то же самое, что сержант уже видел ранее — еще один тускло освещенный коридор, усеянный по обе стороны камерами для узников. Впрочем, это помещение не было таким же обширным, как то, где сейчас находились воины, и прыгать было невысоко. До ушей Ба'бирина через прорез в полу доносились стоны и плач пленников. На этот раз, пускай беспрестанный поток стенаний и заглушал отдельные голоса, сержант все еще мог различить отдельные слова и фразы. Те, кто находился внизу, все еще сохраняли подобие рассудка. По мнению Саламандры, это было куда более жестокой судьбой — такие пленники все еще были способны надеяться на спасение, и все еще могли отчаяться, когда окажется, что их надежды тщетны.

— Где он? — спросил Ба'бирин.

— По моим расчетам, по левому борту, в сторону кормы. Нужно пройти еще немного, — сказал Кадериал, а затем сделал рукой изощренный в своей небрежности жест, который мог значить как извинение, так и отмашку. — Если бы мы прорезались через палубу прямо над ним, то это, по моему разумению, было бы смертельно для нашего потерянного родича.

— В самом деле... — протянул Ба'бирин. Они с Нелеем уставились друг на друга в бессловесном споре. Разделиться или же спускаться вместе? Или, может быть, атаковать эльдар сразу же, предвосхищая неизбежное предательство?

Сержант в конце концов отверг идею превентивного удара. В этом не было чести, и пускай Саламандра понимал, что колдун расставил для него ловушку, у него не было формальных доказательств вины, которые успокоили бы его совесть. Его братство уже обожгло пламя жесточайшего предательства на рассвете Ереси, и Ба'бирину было противно даже помышлять о действии, хотя бы напоминавшем тот грех, что отягчал души древних еретиков. Эльдар являлись расой, которую сержант ненавидел всеми фибрами души, но поведение этих конкретных воинов несло на себе печать чести, пускай она и не могла на самом деле руководить их действиями.

— Спускаемся вместе, — наконец поставил точку в данном вопросе Нелей.

— Да, — согласился с ним Ба'бирин. Саламандры останутся едины. Сержант подозвал к дыре в палубе остальных десантников, а затем спрыгнул вниз.

— Если судить по шуму, орки уже недалеко. Не медлите, — произнес ему вслед Кадериал.

Ба'бирин едва удержался от того, чтобы огрызнуться. Он и так слышал, как нарастал шум со стороны зеленокожих. Должно быть, они обнаружили, что их залп не нанес столько потерь, сколько они ожидали.

— Корма и левый борт... — вспомнил про себя слова колдуна сержант. В десяти метрах от дыры, Саламандры обнаружили нужную им камеру. Эльдарский провидец и в самом деле скрючился внутри нее. Несмотря на то, что ксенос был истощен и покрыт грязью, в его взгляде читалась ясность рассудка — он лишь показался удивленным, когда Ха'гарен сорвал с петель дверь в его камеру.

— Ты понимаешь меня? — спросил Ба'бирин.

Ксенос не ответил, поэтому космический десантник просто ткнул пальцем за спину, и пленник, пошатываясь, выбрался из своей темницы. Саламандры сгрудились вокруг провидца. Дальше по коридору, группа орочьих надсмотрщиков заорала друг на друга и в сторону Огнерожденных. Двое орков убежали вглубь корабля, тогда как остальные бросились на Саламандр — и были тут же скошены огнем Беренгия.

— Куда теперь? — спросил Ба'бирин у технадесантника. Тот взглянул на протянутые кабели.

— Назад. С этой палубы до торпед можно добраться более прямым путем.

Ба'бирин не стал спорить с братом, понимая, что скоро их ждет сражение за обладание ценным пленником. Он все еще не мог представить, какое преимущество рассчитывали получить эльдар, позволяя Саламандрам первыми добраться до провидца.

Астартес двинулись назад, и на полпути услышали голос Кадериала.

— Дело сделано?

— Да, — просто ответил Ба'бирин, готовясь к схватке. Впереди пролегало открытое пространство, и в тошнотворном свете орочьих люменов сержант уже видел силуэты Огненных Драконов.

— Ему не пришлось слишком долго страдать в ваших руках?

Ба'бирин замер. Все его расчеты и планы обратились в прах. «Что?» Эльдар изображали заботу о благополучии пленника и думали, что Саламандры тоже только притворяются? «Что?!»

— Ах... — вздохнул колдун. — Это место, в своей извращенности, туманит мой взор. Но теперь я вижу...

Силуэты эльдар пришли в движение. Фузионные ружья и «Дыхание

дракона» ожили в их руках.

Все сущее превратилось в огонь.

Безумие...

Уничтожение...

ПЯТАЯ ГЛАВА

Падая сквозь испаряющееся вокруг него пространство, ослепнув от ярчайшей вспышки громогласного залпа фузионных ружей, Элисат отправил свой разум в странствие по пряже. Само время, казалось, растянулось, пока провидец летел к невероятно спутанному узлу из нитей своих возможных судеб, а затем песчинки, осыпавшиеся в колоссальных часах, и вовсе приостановили свой бег.

Когда упадет следующая из них, его тело столкнется с чем-то неподатливым и безжалостным. Если удар выйдет достаточно сильным, узел будет разрублен — судьбы Элисата оборвутся все до единой. Но окажется столкновение не смертельным, он запутается еще сильнее. Псайкер все еще не мог видеть достаточно далеко — к дезориентирующей энергетике и непредсказуемости орков добавилась масштабная невероятность, которую сам Элисат и помог создать.

Песчинка хотела упасть. Тело эльдара скоро приземлится. Он метался туда и обратно по лишь ему видимым путям, пытаясь украсть у судьбы еще немного времени. Утрата путеводного камня раковой опухолью укоренилась в его душе. Если падение еще одной песчинки будет означать его смерть, то прямо сейчас Элисат переживал свои последние осознанные мгновения перед тем, как стать жертвой Той-что-жаждет. Ему ничего не оставалось, кроме как использовать все то время, что у него осталось.

Провидец поразмыслил над иронией происходящего.

(Его тело вращалось в воздухе. Решающий момент неминуемо наступает. Время замедлилось, но оно безжалостно, и постепенно настигает его.)

За Элисатом охотились его собственные сородичи, так что он выбрал единственный открытый перед ним путь. Он отдал себя на милость Саламандрам. Пророческий дар Элисата был изувечен, но нить, протянутая Огненными Драконами, все же виднелась достаточно ясно. Они думали, что убийство провидца сохранит секрет осколка. Идиоты. Разве они не знали, на чем корабле находятся? Не понимали, куда тот направляется?

Неужели они не знали, что за орк здесь всем заправлял?!

Затуманить взор Кадериалу было проще простого. Каким бы слабым Элисаг не оставался, колдун ему и в подметки не годился. Все, что потребовалось провидцу, так это перенаправить внимание псайкера на нить, в которой Саламандры явились, чтобы убить Элисата. Именно в этом заключалась ирония, которую сейчас смаковал провидец — самым невероятным исходом событий оказался тот, который любой обладатель здравого смысла объявил бы неизбежным.

Песчинка наконец-то упала. Время и хрупкость вышвырнули Элисата обратно в реальность, в его тело, и в объятья всепожирающей боли, сопровождавшей его спасение.

Внутри крузера вспыхнуло новое солнце, порожденное тяжелым огнем и фузионными ружьями. По сравнению с реальной звездой, это был лишь небольшой огонек, хнычущий младенец — но для тех, кто находился в коридоре корабля, он таковым совсем не казался.

Ха'гарен понимал принцип работы фузионного ружья. Он знал, что оно сходно с мелта-оружием Империи, и был в курсе того, что такое оружие могло сделать с оборонительными укреплениями, броней и живой плотью. Увы, у технодесантника не было времени рассуждать о своих теоретических познаниях насчет эльдарских технологий — он был слишком занят, пытаясь пережить практический опыт знакомства с ними в самом сердце выпущенной из огнемета струи. На какую-то долю секунды весь мир Ха'гарена ограничился вспышкой обжигающего глаза света, пока не закрылись линзы шлема, погружая его в спасающую зрение тьму. Впрочем, у этого жгучего света еще оставались зубы в виде всепожирающего жара. Жар сомкнул свои челюсти на Ха'гарене, и тот ощутил несусветную боль, подобную которой раньше и представить себе не мог. Она одновременно жалила и накатывала волнами, пыталась пробиться к нему снаружи и атаковала изнутри, проглатывая любой намек на ощущения, инстинкты и осознанные мысли. Она стала для Ха'гарена всем его миром.

И все же, на самом деле она им не являлась. Таким же абсолютом, как этот свет, как этот огонь, было само ядро его сущности, которому придал форму Прометеев Култ. Оно ликующе воскликнуло, принимая на себя убийственный удар, как еще один удар по заготовке на наковальне, как испытание, посланное самим Вулканом своим сыновьям. Быть уроженцем Ноктюрна, быть Саламандрой, означало всегда встречать испытания лицом к лицу — и выдерживать встречу с ними, становясь тем самым только сильнее.

(От Омниссии снизошел до нас дар умерщвления плоти. То, что слабо,

будет заменено. То, что сильно, преобразуется.)

В своих верованиях, Ха'гарен нашел силу пережить первое мгновение в челюстях пламени. Второй такой миг, тем не менее, убил бы его — но палуба расплавилась раньше, чем это случилось. Коридор потерял свою форму. Саламандры рухнули вниз. Еще одна палуба под ними растаяла в тот самый момент, когда они ударились об нее — и пучина внутренностей круизера распахнула свою пасть.

Шоры шлема Ха'гарена раскрылись, пока он летел во тьму. Технодесантник ударился обо что-то на лету, отскочил, врезался в нечто металлическое... Раз за разом, он бился о предметы неопределенной формы, постепенно замедляя свой полет — и его глаза приспособились к темноте как раз перед падением на самое дно.

Специалист осмотрелся и заодно оценил серьезность полученных ран. Его броня оказалась серьезно опалена, как и тело, пострадавшее не от прямого контакта с огнем, но от нестерпимого жара. Впрочем, какими бы обширными не были ожоги, они оказались лишь поверхностными, и процесс исцеления уже начался. Силовая броня также сохранила работоспособность, пусть один из манипуляторов и обратился в шлак, а сочленения и швы доспехов деформировались, делая каждое движение неуклюжим. Ха'гарен сделал неловкий шаг, приспособившись к изменениям, которые претерпела броня и выясняя, какие компенсационные усилия ему придется приложить, чтобы сохранить былую скорость реакции.

Сержант Нелей напряженным голосом призвал выживших провести переключку, и технодесантник машинально отозвался, не отвлекаясь от изучения новых обстоятельств и имеющихся у Саламандр вариантов действий.

Помещение, в котором они оказались, было огромно — самое большое, где им довелось побывать на этом корабле. Насколько мог судить Ха'гарен, оно протянулось по всей длине корабля, а расстояние между полом и потолком составляло более тридцати метров. Падение Саламандр было смягчено двумя высоченными грудями металлолома. Космические десантники в итоге оказались в расщелине между этих двух уродливых гор, и подняв головы, Саламандры все еще могли видеть, как огонь облизывал края дыры, через которую они провалились. Впрочем, его сияние угасало, новорожденная звезда умерла.

Тем временем, пересчет был завершен. Огнерожденные не обошлись без потерь. От залпа эльдарского оружия погибло пять боевых братьев. Трупы трех из них находились здесь же, их доспехи расплавились до неузнаваемости, превратившись в бесформенные саркофаги. Другие двое — братья Джер'ван и Ка'гис, получили прямые попадания и испарились

бесследно. Среди выживших не обошлось без раненых, и некоторые их увечья оказались серьезными. Нелей лишился левой руки. Все, что от нее осталось — это уродливый, сочащийся сукровицей черный обрубок, всего на ширину ладони отступающий от плечевого сустава. Н'крумор уже занимался обработкой раны, накладывая на нее слой стерилизующей пасты с помощью своего нартециума.

Ба'бирин возвышался над эльдаром. Элишат стоял на своих двух ногах, побитый, окровавленный, но все же более или менее невредимый. Ха'гарен попытался прикинуть про себя вероятность выживания ничем не защищенного, истощенного пленника в жуткой огненной буре и последовавшем за ней падении. Каким-то чудом между ним и Драконами оказалось достаточно Саламандр, чтобы они приняли на себя большую часть урона, и ничто, с чем столкнулся Элишат потом, не оказалось достаточно острым, чтобы выпустить ему кишки. Невозможно было не усмотреть руку судьбы в его выживании.

Ба'бирин повернулся к Ха'гарену.

— Где мы? — спросил он, используя вокс, ибо помещение было заполнено ужасным грохотом от работы механизмов, заглушавшим все прочие звуки.

«В аду», — подумалось технодесантнику, и он чуть было не произнес эти слова вслух. С точки зрения Культа Механикус эта мысль была чистой правдой. Зал, где находились Саламандры, освещался беспорядочно разбросанными люмосферами, факелами на шестах, вспышками горючего газа, и выбросами из грязных движков. В глазах технодесантника это зрелище, простирающееся во все стороны на тысячи метров, являлось настоящим извращением машинной чистоты. Холм же из пластали, о который Саламандры замедлили свое падение, оказался не просто горой отбросов. Нет, он был собранием созданных орками деталей — неважно, насколько грубо они были обработаны и обрабатывались ли вообще. Все это помещение было хранилищем — бесконечным, до невозможности запутанным сборищем недоделок, простого хлама и результатов безумных опытов.

Огромные металлические каркасы наваливались друг на друга. Тут и там, подобно сорнякам, вверх тянулись серворуки. Некоторые из них не двигались, застыв подобно молельщикам, но многие оказались активны, за чем наблюдать адепту Бога-Машины было куда болезненней — ведь занимались они совершенно бесполезным трудом. Один манипулятор складывал разные объекты в кучу, пока другой разбирал ее. Несколько серворук, соединенных в идиотскую пародию на арахнида, тянули конструкцию, частью которой являлись, в разные стороны. Другие

устройства и вовсе не поддавались идентификации, являясь ничем иным, как жужжащим, грохочущим результатом полета орочьей фантазии, собранным лишь потому, что его можно было представить и воплотить в жизнь. Некоторые из изобретений ксеносов не должны были работать в принципе, однако они двигались, гремели и ревели, взбираясь на груды своих менее оживленных собратьев, а затем падая с них обратно на палубу.

По части размера в них тоже не наблюдалось какого-то стандарта — так, возле ног Ха'гарена только что проскочило нечто не больше его кулака. Судя по всему, это был брошенный кем-то прототип самоходного взрывного устройства, представлявший из себя не что иное, как гранату на небольших гусеницах. Другие же творения орков были просто гигантскими. Одно из них, находившееся в нескольких сотнях метров от Саламандр, практически доставало до потолка, и Ха'гарен изначально принял его за очередную кучу мусора. Имеющее форму грубого конуса, оно состояло из груды колец уменьшающегося по приближению к вершине диаметра, каждое из которых крутилось в своем направлении. Более того, с виду казалось, что кольца этого изобретения соединены подвижными сочленениями, из-за чего оно раскачивалось из стороны в сторону — словно ужасный танцор, или пьяная гора.

И везде, абсолютно повсюду, машины надрывались, чтобы это безумие продолжалось. Надоедливо гудящие машины... Машины, не представляющие из себя ничего иного, как огромные челюсти... Машины, жадно пожирающие топливо, что скармливали им бесчисленные гретчины и закованные в цепи рабы... Эти мелкие вредители и крысы, шныряющие по кошмарной свалке, были так поглощены своим бесконечным трудом, что ближайšie из гротов только-только начали замечать присутствие среди них космических десантников.

Куда бы Ха'гарен не посмотрел, везде он видел лишь то, как обесцениваются точность и предназначение машин, но в этом не было влияния Хаоса. Нет, то была работа орков — само воплощение их извращенной логики. Саламандры находились на игровой площадке сумасшедших орочьих ученых — и все же за этим крылось кое-что еще. Ха'гарена посетило ужасное озарение, и он наконец-то полностью осознал, куда же попал. Вместе с экспериментами — позабытыми и все еще незавершенными, — здесь находились запчасти.

В конце концов, технодесантник повернулся к сержанту.

— Орки оставили здесь все лишнее.

— Лишнее?

— Части, оставшиеся у них на руках после постройки корабля. Детали, которые никуда не подошли. Компоненты, которые зеленокожим было

жалко выбрасывать из-за мыслей о том, что те еще могут им пригодиться.

— Мне жаль, брат. — В голосе Ба'бирин прозвучало неподдельное сочувствие.

Пораженный тем, что все еще может испытывать отвращение, Ха'гарен чуть было не упустил из виду первое настоящее проявление теплоты со стороны своего брата, чего тот не допускал с самой осады Гелиосы.

— Спасибо, — ответил технодесантник, зная, что именно так и следовало ответить. На уме же у Ха'гарена были рассуждения о том, не следует ли ему быть обеспокоенным тем фактом, что реакцией на участливость со стороны Ба'бирин была не благодарность и не облегчение, а всего лишь интерес.

Что ты такое?

— Мы сможем добраться до абордажных торпед отсюда? — спросил Нелей, наблюдая за тем, как гретчины разбегаются по углам, выкрикивая предупреждения.

Ха'гарен в очередной раз вспомнил схему электропроводки на корабле. На участке, где сейчас находились Саламандры, она оказалась обрывочной и трудночитаемой, но технодесантник все же увидел несколько стабильных узлов, которые могли находиться у входов в этот отсек.

— Возможно, — сказал Ха'гарен, отмечая про себя вспышку энергии, что намекала на самый многообещающий путь отсюда. Логика — или же, возможно, простая надежда — предлагала двигаться к корме и в сторону левого борта.

Ба'бирин кивнул. Саламандры выстроились «черепашей» вокруг Элисата и отправились в путь.

С момента предательства эльдар не прошло и минуты, но после падения отделения уже успели перегруппироваться. Саламандры не ставили во главу угла скорость, как это делали Белые Шрамы, предпочитая размеренное, неумолимое продвижение — и все же это ничуть не замедляло скорость их реакции. К тому же, у стремления к максимальной боеготовности была причина — враг всегда мог оказаться быстрее тебя. Ключом к победе, таким образом, далеко не всегда становилась способность нанести первый удар. Часто было важнее выстоять перед всем тем, что на тебя мог бросить враг, а уже потом нанести ему решающий удар.

Движение над нами и по сторонам...

— Позвольте наковальне сделать вас сильнее, братья... — начал Ба'бирин. — А затем сокрушите о нее наших врагов.

Эльдар и орки наперегонки рвались навстречу гибели.

Огненные Драконы спустились вниз через созданную ими пробоину и карабкались вниз по горе металла. Они двигались быстро, но не могли как

следует прицелиться в силу того, что топография отсека постоянно изменялась. Груды мусора то и дело передвигались с места на место, вращались, рушились после столкновений друг с другом и вновь вырастали — и Саламандры использовали это, пригибаясь и маневрируя промеж железных холмов, из-за чего их маршрут становился таким же непредсказуемым, как и все остальное в этом помещении.

— Сколько же топлива вмещают их мелта-ружья? — поинтересовался Ба'бирин.

— Подозреваю, что оно в них все же не бесконечно, — съязвил Нелей. Из его голоса улетучилась всякая напряженность. Космический десантник был на войне, и негоже ему было все еще обращать внимание на надоедливую боль.

— Их оружие работает лишь на небольших дистанциях, — отметил технодесантник. — Им придется подобраться поближе, к тому же они не могут забывать и о сопутствующей опасности. Сейчас мы находимся очень близко к обшивке корабля. Еще одна атака, подобная прошлой — и все в этом отсеке вылетит в пустоту.

— Не думаю, что они так стремятся умереть, — сказал в ответ на это Нелей.

— Это зависит от того, насколько для них важна их миссия, — не согласился с товарищем Ба'бирин, а затем повернул голову к Элисату. — И все-таки почему они хотят тебя убить?

Эльдар не ответил, и даже по его лицу нельзя было прочитать, что заботит ксеноса. Для Ха'гарена он казался до безнадежности хрупким созданием, вязанкой кристального хвороста — и все же Элисат ничуть не отставал от космических десантников, а в его походке наблюдалась исключительная уверенность.

Ха'гарен бросил взгляд за спину. Огненные Драконы все еще преследовали Саламандр, но сейчас им приходилось отвлекаться на заботы о собственном выживании, ведь в промежутки между двумя силами излилась отвратительная волна зеленокожих, рвущихся в бой из каждой двери или люка. Кроме того, обладая растущей по экспоненте численностью, они моментально образовали кордон по периметру всего отсека и начали сужать его. За время, которое потребовалось Саламандрам, чтобы продвинуться на сотню метров к цели, орков стало так много, что их скандирование и дикие вопли заглушили собой беспрестанный грохот машинерии. Это была уже не ударная группа, посланная на перехват нападающих, но целая армия. Армия, которой предстоит сразиться на открытом пространстве, без коридоров, мешающих ей использовать численное превосходство. С тем же успехом Саламандры могли бы

находиться в чистом поле на поверхности планеты. Ха'гарену даже не нужно было высчитывать шансы менее чем двадцати Астартес против тысяч орков — он и так знал, какими те были. В практическом выражении, численность врагов можно было считать бесконечной.

И все же, это не имело никакого значения. Важна была только их миссия и их долг. Саламандры пробьются через ряды орков с помощью одной лишь силы воли, если придется.

Волна обрушилась на Огнерожденных, и первыми на гребне этой волны были гретчины. Роящиеся, орудие существа в глазах Ха'гарена не были чем-то большим, нежели вредители с крючковатыми носами — и все же они наступали, перескакивая через обломки, размахивая самодельными клинками и топорами, и стреляя из пушек, кажущихся еще более примитивными, чем их владельцы. Технодесантник заметил, как несколько пистолетов даже взорвались в руках мелких зеленокожих, убивая их на месте и вызывая смех со стороны соседей. Из-за спин гротов, однако, возникли и более крупные оркоиды, выкрикивающие ругательства и тычущие в отстающих электрическими погонялами.

Гретчины никоим образом не являлись угрозой для Саламандр, но они все же были препятствием. Роясь у ног десантников, не желая убежать так же сильно, как они не хотели отправляться в бой, гроты стали досадной помехой, зеленой трясиной. Ха'гарен отмахнулся от них своими серворуками, с пренебрежительной легкостью кроша мелких тварей в фарш, а затем возглавил строй, чтобы расчистить путь для сержантов. Треск костей и незначительное сопротивление раздавливаемых внутренностей отзывались по всей длине его рук. Ха'гарену казалось, словно он жнет зеленую пшеницу.

Саламандры наконец-то открыли огонь — но не по бесчисленным гретчинам, а по черепам их надзирателей. Головы орков взрывались подобно перезрелым фруктам, тела падали в толпу. Гретчины запаниковали и заерзали, подобно загнанным в угол крысам — но бежать было уже некуда, ведь сзади их поджимала основная масса орочьей орды. Зеленокожие выставили перед собой заслон из огня крупнокалиберного оружия, отчего их мелкие сородичи превратились в кровавый туман, но Саламандры продолжали движение, лишь теснее сомкнув свои ряды, принимая удар на себя, чтобы защитить эльдара в центре построения.

— Меня чуть ли не мутит от такой иронии... — пробормотал Нелей.

Самый прямой путь к цели заставлял Саламандр вонзиться в самое сердце орочьего воинства. Размышляя над решением этой проблемы, Ха'гарен краем глаза заметил возвышавшиеся над орками силуэты и, подгоняемый внезапным озарением, хлопнул Ба'бирина по плечу. Сержант,

взглянув туда, куда указывал ему технадесантник, без вопросов сменил направление движения. Теперь Саламандры пробирались через небольшие груды мусора напрямую к скоплению громадных осей и поршней. Конструкции из пласта вибрировали и дрожали во время вращения, а их «листьями», как оказалось при более близком рассмотрении, были лезвия и шестерни диаметром в несколько метров. Тем не менее, они безопасно вращались где-то под потолком, не разрубая ничего, кроме воздуха.

Всего лишь несколько секунд осталось до столкновения с основной массой орды. Ха'гарен почувствовал приток адреналина, погрузивший его в состояние экстатической ярости. Все прошлые схватки были лишь прологом к этому сражению.

— В пламя битвы! — проревел Нелей, и клич этот был не просто словами, а выражением духа всего ордена, облеченным в звук.

— На наковальню войны! — вернулся от остальных бойцов традиционный ответ, воплощение их воли. Алхимическое сочетание праведности, неумолимой решительности и ярости, этот раскатистый рев был подобен удару молота самого Вулкана. Он жестоко ударил по ушам орков, и передние их шеренги оступились, опасаясь следующего за ним гнева.

Саламандры и орки столкнулись в тени сумасшедшего леса, и столкновение их было подобно удару крепкого горящего кулака по безумной толпе. Огнерожденные дали волю своим болтерам и огнеметам, разрывая и сжигая зеленокожих. К характерной вони ксеносов добавился тяжелый запах пролитой крови и запах горелого мяса. Натиск орков замедлился не только из-за утрашения, но и из-за нужды карабкаться по телам мертвецов — и Ха'гарен успел заметить, как далеко не один чужак, споткнувшись, оказался затоптан своей разъяренной братией. На следующие шеренги Саламандры бросились с цепными клинками наголо. Сам Ха'гарен присоединился к ним, взмахом цепного топора срезая с головы очередного орка все, что было выше носа, а затем кинулся вперед, как механический паук с пятью руками, каждая из которых превращала его противников в сочащиеся кровью мешки, набитые сломанными костями. Он парировал удары, направленные в голову, и просто игнорировал те, что приходились на тело. Инерция и неожиданная ярость его натиска позволили ему на добрый десяток метров вонзиться в строй орков — и этого оказалось достаточно.

Теперь он находился как раз промеж вращающихся цилиндров, что позволило ему наконец-то пустить в дело плазменный резак. Его первой целью стала ось в тридцать метров высотой, у которой где-то с середины длины начинался ряд зубчатых колес, в диаметре варьирующихся от двух до

четырёх метров. Колеса эти совсем чуть-чуть не доставали своих соседей на других валах — впрочем, было очевидно, что они никогда и не должны были соприкасаться с другими шестернями. У этих металлических чудищ было лишь одно предназначение — рвать и кромсать.

Ха'гарен даст им попировать всласть...

Технодесантник вырезал участок цилиндра и заглянул внутрь созданного им отверстия, пока оно не отвернулось от него. К работающему вхолостую механизму не шло никаких силовых кабелей — судя по всему, ось имела внутри свой собственный источник питания, как будто инженер, создававший ее, не видел ее как часть чего-то большего, но лишь как самостоятельный механизм, который должен работать, несмотря ни на что.

Ха'гарен перестал размышлять об орочьей логике и начал плавить основание оси под углом, дабы та упала именно туда, куда нужно. Остальные Саламандры тем временем перегруппировались вокруг специалиста, убивая орков, которые решились преследовать их в этом жужжащем, вращающемся лесу. Они образовали периметр в десять метров шириной, давая технодесантнику возможность спокойно работать. Элисат тоже пригнулся в центре тонкого заслона. В строю осталось едва ли больше дюжины десантников — и все же они держались, несмотря на ярость зеленокожих, все существование которых было посвящено лишь войне. Саламандры держались, потому что в этом заключался их долг.

Ха'гарен двигался от ствола к стволу, врубаясь в них, пока каждый цилиндр не был готов упасть, и не останавливался, пока не подготовил таким образом целую дюжину механизмов, образующих собой грубый круг.

Когда он закончил работать с последним железным деревом, остальные Саламандры сузили свой кордон, войдя внутрь ловушки Ха'гарена. Все движения Огнерожденных, от секунды, когда технодесантник указал сержанту на это место, до текущего момента, были произведены без единого слова — каждый Астартес осознал нераскрытый потенциал орочьих изобретений, и знал, что от него требуется.

«Бессловесная эффективность — хвалебный гимн Омниссии», — подумал про себя Ха'гарен. Когда органика действовала в унисон с машинной точностью, в этом можно было усмотреть моральную силу и эстетичность. Более того, это было своего рода искусство — искусство, которое Ха'гарен все еще признавал. Механика, война и мастерство, объединенные в одно целое, в воплощение божественности.

Внезапно, технодесантник почувствовал что-то в своей груди. На какую-то долю секунды он замешкался, не понимая, что с ним случилось, но потом понял — он чувствовал радость.

Закончив все подготовительные пропилы, десантник вернулся в центр построения, и воздел серворуку с резаком высоко над головой, направив его сопло вниз, и его товарищи прекратили огонь, давая оркам приблизиться.

Зеленокожие были только рады этому, предвкушая скорую резню. Их гортанный рев сливался с перестукиванием и скрипом безумных машин.

Про себя Ха'гарен отметил, что сейчас орки почти не использовали стрелкового оружия и тяжелых орудий. Еще больше данных для последующего анализа... Сейчас же, технодесантник не ощущал ничего, кроме совершенно человеческой эмоции — презрения. Смотря на то, как бесчисленные орки наперегонки рвутся вперед, пробираясь через свою жуткую игровую площадку, он не видел ничего, кроме отвратительного, непростительного попрания истины и порядка, которые были даром машины всему живому.

Ха'гарен запалил свой плазменный резак, а затем провернул серворуку вокруг своей оси и завершил надрезы.

Пора преподать тварям жестокий урок.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Столбы переломились в метре от верхней кромки слоя металлолома, в который были воткнуты, и рухнули, не прекращая вращаться. Шестерни и лезвия вертелись, как бешеные, придавая рухнувшему металлическому «деревьям» облик отвратительных одноногих гигантов, впавших в панику в последние мгновения перед неизбежной смертью. Сотрясаясь от вызванных центробежной силой припадков, они бились в корчах вокруг Саламандр, став, в переносном смысле, длинными, цепкими пальцами Ха'гарена. Он единолично выковал для себя оружие с охватом в десятки метров — и оно его не подвело. Оси раздавили орков, на которых упали, а иззубренные колеса вонзились глубоко в плоть воющей армии зеленокожих, не замедляя свой бег — а когда они поймали сцепление, то принялись радостно пережевывать орков в фарш, разбрасывая во все стороны окровавленные ошметки тел и обломки перебитых костей. Они подскакивали и снова приземлялись на головы ксеносов, постепенно разъезжаясь в стороны и оставляя за собой просеки, усеянные зеленой плотью, обломками брони и костей. Оркам ничего не оставалось, кроме как убежать от разбушевавшихся мясорубок — и хотя громкость их выкриков ничуть не уменьшилась, более высокая их частота ясно указывала на замешательство и страх. Ряды армии, вышедшей остановить Саламандр, заметно проредились. Задние ее ряды все продолжали ломиться вперед, понукаемые чем-то более страшным, чем безумные пилы, но когда они столкнулись с отступающими товарищами, во всем воинстве воцарился беспорядок.

Путь вперед был практически свободен, Саламандрам оставалось пройти лишь несколько сотен метров до выхода из грузового отсека. Десантники не замедлили использовать представившуюся им возможность и нырнули в вызванный техnodесантником хаос, кулаками и клинками внося в него свою лепту. Сохраняя все то же защитное построение, что и раньше, Огнерожденные ударили по толпе, как облаченный в железо шипастый кулак. Силовые и цепные клинки разили зеленокожих, не давая им шанса прийти в себя.

По прикидкам Ха'гарена, он подарил своим братьям пятнадцать-двадцать секунд — примерно столько времени потребуется ксеносам, чтобы перегруппироваться. Возможно, чуть больше — несколько осей все еще носились по отсеку в непредсказуемой манере.

Ба'бирин одобрительно кивнул специалисту, пока они пробивались вперед.

— Ловко сработано, брат.

— Спасибо, — ответил ему Ха'гарен нейтральным тоном.

То, что война разрушила, она же и восстановила.

Технодесантник отметил эту идею с умеренным интересом, а этот самый, всего лишь *умеренный* интерес уже вызвал у него тревогу. Неужели эволюция его конфигурации не оставила никакой возможности для братских уз?

Что ты такое?

На этот вопрос ему придется найти ответ попозже, ведь прямо сейчас в сторону Саламандр по воздуху летел какой-то небольшой предмет, тускло поблескивающий в слабом освещении отсека.

— Граната! — прокричал Нелей. Необычайно метко брошенная, она приземлилась в самом центре построения десантников. Ба'бирин, не мешкая, схватил Элисата и кинулся в сторону. Ха'гарен рванулся за ними — и мелта-бомба взорвалась, испарив без следа целую грудку деталей, ноющий двигатель и нижнюю половину тела брата Баттария, которых рухнул наземь подобно расколотовой статуе.

Урон, полученный его телом, был катастрофическим, у Саламандры не было ни малейшего шанса на исцеление, но воин, не выпускавший из рук тяжелый болтер, все еще оставался в сознании. Из недр его шлема раздался бессловесный рев, полный агонии, на ходу преобразующейся в чистейшую ярость.

К счастью, обшивка орочьего судна выдержала этот взрыв, и атмосфера не покинула отсек. Хоть какое-то везение...

Огненные Драконы перескакивали из укрытия в укрытие, двигаясь со скоростью и грацией лазерных разрядов. Устроенный Ха'гареном переполох и им подарил возможность оторваться от орочьих сил, что зажали их в тылу. Саламандры открыли ответный огонь, используя большую эффективную дальность своих болтеров, чтобы сбить эльдар с ритма и не дать им метнуть еще одну гранату.

Хриплый рев Баттария превратился в одно-единственное слово.

— *Бегите!*

Н'крумор уже склонился над товарищем, приставив к его темени карнифекс, и готовясь даровать тому Милосердие Императора.

— Брат... Ты принесешь в жертву... — начал было он.

— *БЕГИТЕ!* — В этот раз в голосе изувеченного десантника не было ни малейшего намека на человечность. Его устами теперь говорила чистая, яростная воля, пытающаяся продержатъ умирающее тело в живых хотя бы еще на несколько мгновений, чтобы в последний раз покарать своих врагов. Баттарий вскинул тяжелый болтер руками, которые вообще не должны были шевелиться.

— Да направит тебя Вулкан, брат, — напоследок сказал ему Ба'бирин.

Саламандры бросили раненого Огнерожденного — слишком уж важна была их миссия, чтобы они могли позволить себе отвлечься на милосердие и спасение прогеноидных желез товарища.

Спустя какое-то время, Ба'бирин услышал грохот тяжелого болтера, смертоносным градом заставившего Огненных Драконов найти себе укрытие, на время позабыв о погоне. Несколько разрывных болтов, однако, все же нашли слабое место в баррикаде и обратили аспектного воина позади нее в розовый туман.

Саламандры продвинулись еще на десяток метров. Их путь стал извилистым и пошел под откос, превращаясь в своего рода окоп, пролегающий промеж груд металла. Многие из этих груд при этом двигались, ползая из стороны в сторону на грубо сработанных гусеницах и выполняя несуществующие задачи, тем самым меняя геометрию окопа. Орки, тем временем, успели прийти в себя и преисполнились желания отомстить Огнерожденным. Лишь теснота избранного десантниками пути мешала зеленокожим сокрушить их одной лишь массой своих тел.

Тяжелый болтер умолк, и через секунду рядом с Саламандрами разорвалась еще одна мелта-бомба, звездным жаром стирая группу орков и окружающий их металлолом с лица земли.

Ха'гарен бросил взгляд в ту сторону, откуда прилетела граната, но не увидел эльдар — слишком уж много орков ежесекундно спрыгивало в окоп. Его цепной топор обрушился на череп одного из этих животных и разрубил ксеноса пополам, а затем технодесантник воздел одну из серворук вверх и вслепую открыл огонь из плазменного резака. Ему не нужно было целиться — он и так знал, что убивает зеленокожих, ведь по ним сейчас просто невозможно было промахнуться. Что же до эльдар... Он мог надеяться лишь на то, что по крайней мере заставляя их не поднимать головы.

Пронзительный свист... И последовавшее за ним извержение... Огонь и дым, дрожь металла, дождь из тел и шрапнели... Весь этот хаос

сконцентрировался в том месте, где Ха'гарен в последний раз видел эльдар — а сейчас там был виден ливень ракет и гранат, совершенно бездумно запускаемых орками без оглядки на потери среди товарищей, если это означало, что и эльдар досталось бы.

Ни один из взрывов не прогремел хоть в какой-то близости к Саламандрам.

— И что же случилось? — потребовал объяснений Нелей, вонзая цепной меч в лоб очередного орка, который тупо раззявил пасть, словно удивленный собственной смертью. — Я не желаю даже представлять, что только что нас прикрыли огнем зеленокожие!

— Однако именно на это все и указывает. — подчеркнул Ха'гарен.

Напор орков, тем не менее, не ослабевал ни на миг, зеленокожих обуяла яростная жажда крови Астартес.

— Чуть ранее я ошибся... — хмыкнул Нелей. — Меня просто *тошнит* от иронии.

— Почему они не стреляют? — между делом поинтересовался Н'крумор.

Эта деталь вновь обратила на себя внимание Ха'гарена, на сей раз требуя объяснения — и ответ не замедлил себя ждать. Массивный орк в шипастой броне, вооруженный силовой клешней и цепным топором, выскочил из-за следующего поворота и врезался в Ба'бирину. Зеленокожий ростом ничуть не уступал сержанту, и сила удара заставила Саламандру отступить на шаг. Орк воздел оружие над головой, чтобы вбить космического десантника в палубу, но сержант успел вскинуть огнемет. Оружие окатило череп крупного ксеноса струей горящего прометия и не упустило из виду еще троих его собратьев, следовавших за ним по пятам. Тем не менее, из-за спины вожака тут же выскочил более мелкий зеленокожий — но, как ни странно, он даже не попытался ударить сержанта. Вместо этого, он проскочил мимо Ба'бирина, явно намереваясь схватить Элисата. Ха'гарен ответил на эту дерзость ударом оставшегося манипулятора, переломив ксеносу позвоночник, а затем изо всех сил сжал в клешне серворуки череп зеленокожего.

Технодесантник обратил внимание на то, что руки орка оказались пусты, а клинок находился в ножнах на поясе. *В ножнах*. Ха'гарену никогда ранее не доводилось видеть чего-то настолько же невероятного — но через мгновение он понял, в чем дело.

— Они хотят вернуть пленника. И он нужен им живым!

На несколько мгновений в воксе воцарилось молчание. Слишком уж были все заняты убийством орков и обдумыванием слов своего товарища, чтобы тратить время на слова, но факт оставался фактом: орки хотели

отбить Элисата живьем так сильно, что могли отказаться от применения смертельной силы.

Вывод: зеленокожих ведет лидер, способный мыслить за рамками одной лишь кровожадности. Лидер настолько *могущественный*, что он может *заставить* других орков проявить самообладание. Стратегии, которые наблюдали Белые Шрамы и Гвардия Ворона, сами по себе доказывали, что этот орк обладает влиянием и недюжинными способностями к тактике, но гибкость поведения орков в текущем сражении говорила прямо-таки кричала о таланте по части оперативного анализа ситуации.

Тот огромный орк на арене...

Верховный Изверг где-то рядом...

— Если ему так охота вернуть свой трофей... — начал Ба'бирин, выпотрошив еще пару орков и перешагнув через их еще дергающиеся тела. — Пускай сам за ним и явится.

— А ты уже ждешь не дождешься? — поинтересовался Нелей таким тоном, как будто сам уже предвкушал встречу с зеленокожим.

— Это был бы весьма удовлетворительный последний штрих к нашей миссии, — донеслось от Ха'гарена.

— Постарайся померить свой пыл, брат, — усмехнулся Ба'бирин.

— Я попытаюсь, — ответил технодесантник, заставляя Нелея рассмеяться. (Рассмеяться, а затем оскалиться на сжигаемых и забиваемых им орков.)

Саламандры постепенно приближались к выходу, но, увы, слишком медленно. Несмотря на все их усилия, орков меньше не становилось, они все прибывали и прибывали. Если бы Огнерожденным удалось добраться до тесных коридоров, у них бы появился шанс с боем пробиться до абордажных торпед — но увы, после очередного поворота на безумной свалке, по совместительству являвшейся трюмом корабля, дорога поднималась и последний отрезок пути Саламандрам предстояло пересечь по открытой местности.

В реве орочьей орды появились триумфальные нотки, когда ксеносы понеслись вперед, чтобы завершить начатое, а в центре их воинства на этот раз возвышалось нечто лязгающее и огромное.

Крузер приближался к решающей точке своего пути. Когда он выйдет на орбиту планеты, у Мульцебара окажутся связаны руки. Он не мог допустить высадки орочьего войска на поверхность этого мира — только не тогда, когда там находилось нечто, что могло настолько усилить их. Поступить так — означало бы предать народ, населяющий планету, и плюнуть на усилия

его соратников из Гвардии Ворона. Наступал тот момент, когда ему просто придется признать предпринятую Саламандрами миссию проваленной и открыть огонь по крузеру. Капитан мрачно молился о том, что если ему и придется так поступить, то лишь потому, что его люди уже были мертвы. Мульцебар понимал стратегическую императиву такого решения, и знал, что оно может оказаться необходимым, но это не означало, что он только и ждал шанса обагрить руки в крови своих воинов.

«Вердикт наковальни» преследовал крузер с того самого момента, как им были запущены абордажные торпеды. Мульцебар приказал рулевому держать ударный крейсер в отдалении, чтобы тот представлял из себя менее привлекательную цель, а ремонтные команды могли исцелить хоть какие-то из ран «Вердикта». Интенсивность орочьего огня снизилась, когда абордажная команда проникла на корабль и, согласно оперативным данным, отвлекла на себя внимание зеленокожих.

Сейчас же Мульцебар заставил свой корабль пойти на сближение. Вокс-сообщение с воинами на борту корабля ксеносов становилось все более спорадичным. Капитан знал, что им удалось захватить пленника, а также что сражение, в котором увязли Саламандры, было таким яростным, что очень вероятным был такой его исход, при котором они никогда не смогут добраться до абордажных торпед.

— Носовые батареи, и расчет нова-орудия — мне нужны ваши огневые решения, — сказал капитан. Приказ был исполнен без малейшей заминки, и все же на какой-то миг вокруг Мульцебара воцарилось молчание, пока «Вердикт наковальни» готовился к уничтожению своих товарищей.

— Множественные контакты. Орочьи корабли, — пронудел отвечающий за авгуры сервитор, а затем одно за одним начал произносить обозначения каждого судна.

Мульцебар приказал вывести показания на экран тактикариума. В систему перемещался не просто еще один эскадрон, а целая флотилия. Капитан понял, что вариантов действий у него стало еще меньше, и как бы он ни поступил, удовлетворительного исхода можно было и не ждать. Но вместе с тем он понял, что сделать выбор ему будет очень легко — если только удастся получить ответ на один простой вопрос. Он открыл канал связи с абордажной группой.

— Брат Беренгий, соедини меня со своими сержантами.

Шум помех... Всполохи белого шума вперемешку с лязгом и хрипением... А еще единственное «Брат-капитан», произнесенное в промежутке между смертельными ударами. Мульцебар узнал голос Ба'биринна.

— Вы все еще можете победить? — безо всяких предисловий спросил капитан, ожидая честного ответа.

Ответ Ба'бирин был практически потерян в серии рыков и звоне металла, вырвавшемся из динамика. «Наковальня» — таким оказалось единственное слово, которое в итоге дошло до Мульцебара. Всего несколько слогов — но произнесены они были с верой и решительностью.

Итак, капитана все же лишили простого выбора — да и выбора вообще.

— Рулевой! — обратился капитан к Фейнсу. — Нам нужен новый курс. Мы встретим флот зеленокожих лицом к лицу.

Команда снова замолкла, но на этот раз молчание было вызвано рвением.

«Вердикт» развернулся. Раненый хищник бросился в зубы роя, пока Мульцебар просматривал реестр нападающих, высветившийся на экранах.

++ОБОЗНАЧЕНИЕ: «НАТИСК»++

++ОБОЗНАЧЕНИЕ: «ГУБИТЕЛЬ»++

++ОБОЗНАЧЕНИЕ: «ДИКИЙ»++

++ОБОЗНАЧЕНИЕ: «СВИРЕПЫЙ»++

Снова и снова, список пополнялся наименованиями известных угроз — но кроме них, там появлялось и другое сообщение, повторяющееся подобно раскатам дикарских боевых барабанов:

++ОБОЗНАЧЕНИЕ: НЕИЗВЕСТНО++

++ОБОЗНАЧЕНИЕ: НЕИЗВЕСТНО++

++ОБОЗНАЧЕНИЕ: НЕИЗВЕСТНО++

К и без того огромной группе атакующих кораблей добавилось целое воинство из странностей и уродцев. Многие из этих кораблей изначально ходили под флагами Имперума, но были убиты, выпотрошены и воскрешены в виде одержимых ксеносами марионеток. Другие же, чем бы они первоначально не являлись, превратились в опаснейшие громадины из мусора, получившие способность летать. Среди этого хаоса находились и транспортники — летучие ульи, выпускавшие из себя облака бомбардировщиков и истребителей.

Все эти корабли вообще никогда не должны были выйти из варпа, но все же они добрались до нового поля боя, как подумалось Мульцебару, на одной лишь силе собственного невежества — пусть даже при этом не обошлось и без потерь в виде нескольких горящих и взрывающихся развалин, чьи обломки на огромной скорости пронзали соседей.

И все же их было достаточно. Нет, даже слишком много. Сейчас Мульцебар взирал на целую орду зеленокожих, запертую на своих кораблях, на что у него находился лишь один подходящий ответ: огонь.

— Нова-орудие готово, — доложил Фейнс.

«Вердикт наковальни» все еще находился слишком далеко от орочьего флота, чтобы огонь меньших орудий и торпеды обеих сторон возымели хоть какой-то серьезный эффект, но для нова-орудия дальность поражения не являлась проблемой. Оно было драконьим пламенем Саламандр, и слишком уж долго ему не давали воли.

— Дай мне цель, — сказал Мульцебар. — Выбери что-нибудь в центре их построения с массой не менее, чем у ударного корабля.

Нова не была слишком точным видом оружия — но этого от нее и не требовалось, ведь она воплощала собой принцип «и так пойдет». Мульцебар всего лишь хотел увидеть точку, в районе которой взорвется снаряд.

— Найден объект с большой массой! — отозвался орудийный офицер. — Больше, чем у гранд-крейсера.

— Стреляй по нему. Огонь! — произнес капитан.

Нова-орудие было самым настоящим чудом военных технологий, заслуживающим самых искренних молитв Механикус, но по сути своей оно все равно являлось самой простотой. Оно было орудием — орудием колоссального размера, разумеется, но все равно лишь орудием. Длина его ствола равнялась большей части длины ударного крейсера, а снаряды, имевшие в диаметре добрые полсотни метров, запускались с соответствующей невероятным масштабам орудия скоростью. Когда Мульцебар приказал открыть огонь, Нова-орудие использовало столько энергии, сколько требовалось на то, чтобы запитать весь остальной корабль. Выстрел из орудия вызвал автоматическую реакцию со стороны двигателей, сделавших мощный рывок для компенсации отдачи. Магнитные поля, принцип работы которых граничил с колдовством, разогнали снаряд практически до скорости света — и само пространство искривилось, когда боеголовка вырвалась из-под носа «Вердикта». Она пронеслась над столичным миром системы Лепид и на крыльях гнева ворвалась прямо в штормовую тучу орочьих кораблей.

Перед тем, как снаряд достиг точки детонации, он насквозь прошел два орочьих корабля, что, тем не менее, почти не повлияло на его курс. Каким бы громадным не был снаряд, он и рядом не стоял с «Губителем» и еще одной развалиной, что оказались у него на пути — однако его кинетическая энергия была практически бесконечной. Кораблям ценой своих жизней удалось лишь едва-едва замедлить боеголовку. Энергия, переданная им вследствие столкновения, разорвала оба судна на части — вплоть до последней балки и заклепки, что словно в ужасе разлетелись во все стороны. И пускай какую-то долю секунды суда сохраняли свою форму и даже продолжали по инерции двигаться вперед, спустя еще миг они вздулись и

обратились в ничто, оставив после себя лишь огненные шары, что бросились вдогонку за металлическими обломками.

Прошло очередное мгновение — и огоньки их смертей померкли на фоне яркого рассвета, вызванного взрывом снаряда «Новы».

Детонация остановила дальнейший полет снаряда, кинетическая энергия превратилась в свет и жар словно прямиком из преисподней. На несколько ужасных секунд система обрела второе солнце, не замедлившее возопить всю о своем рождении — и последующей гибели, — в самом центре орочьей флотилии. Ближайшим к эпицентру взрыва оказался транспортный корабль. Когда-то он был массконвейером типа «Вселенский», и назывался «Бенедикционис Этерна». Перед своей первой смертью, эта громада длиной в двенадцать километров была домом для сообщества пустотников, чья уникальная культура имела тысячелетнюю историю. Народ этого корабля создавал витражи, подобным которых не встречалось вне обшивки судна — в самом деле, их красота была таковой, что могла заставить расплакаться даже самого жестокосердного священника Министорума. Теперь же внутри транспортника нашли себе пристанище полмиллиона орков — по крайней мере, до тех пор, пока нова-орудие не пробило в задней части судна дыру размером в треть корабля. Уничтоженные плазменные двигатели завывали в унисон с новорожденной звездой. «Бенедикционис» раскололся, его нос ухнул вниз, словно в знак покаяния за невольное предательство, а затем корабль исчез с лица Галактики, забрав с собой в небытие свои последние витражи. Тем не менее, крылатая статуя кардинала Марата в пятьсот метров высотой пережила взрыв — пускай и лишь для того, чтобы залететь в погрузочный отсек транспорта для бомбардировщиков, в один миг лишая неудачливое судно всех запасов кислорода.

Урон, причиненный взрывом, сериями меньших детонаций расходился во все стороны от эпицентра. Когда же вновь наступила ночь, выяснилось, что один-единственный выстрел покалечил или вовсе уничтожил добрые полдюжины кораблей. «Вердикт наковальни» нанес удар, о котором можно было слагать легенды.

Так или иначе, этого было недостаточно. Орки нарушили строй, рассеянные взрывом, и весь флот лишился сплоченности — но сама орда от этого никуда не делась. И она продолжила двигаться вперед.

На своем грубом языке орки называли это смертодредом, но для Ха'гарена данный агрегат являлся лишь очередным оскорблением. Он почувствовал, как от гнева желчь подступила к горлу, но его измененный мозг немедленно подавил ненужную эмоцию, угрожающую рациональной оценке ситуации. Вместо этого, ненависть нашла выход в виде энергии,

придавшей специалисту силы и скорости.

Орочье творение было ни чем иным, как кощунственной пародией на дредноут, с телом в виде здорового металлического ящика, высотой лишь едва превышавшего свою ширину. Внизу ящика были наварены шипы, напоминающие собой клыки, а с обеих сторон корпуса смертодреда крепилось по массивному орудию. Уродливый шагатель раскачивался из стороны в сторону во время ходьбы на ногах, напоминавших дизель-молоты, но за видимостью неуклюжести на самом деле скрывалась недюжинная скорость. Пар и масло вырывались из сочленений дреда, пока тот размахивал манипуляторами вдвое больше серворук Ха'гарена. Нижний коготь на его правой руке был заменен циркулярной пилой, что не делало особого смысла с точки зрения практичности, но служило очередным подтверждением того, что гений орков скрывался в причинении страданий — стоит только пилоту что-нибудь схватить, как пила автоматически придет в движение.

Смертодред с грохотом ворвался на поле боя и зашел к Саламандрам с фланга. Р'алум не замедлил ответить на его появление огнем из болтера — но пускай разрывные снаряды оставляли на броне шагателя вмятины, они ничуть не замедлили чудище. Намалеванная на корпусе дреда злобная рожа, казалось, засмеялась, когда Р'алум попался в лапы орка, а циркулярная пила начала, тупя зубы, вгрызаться в керамику его силовой брони. Во все стороны полетели обломки металла и доспехов. Жуткий инструмент уже начал было работать над тем, чтобы лишить Р'алума руки, когда пилот смертодреда передумал и подбросил Огнерожденного в воздух. Из установленных на шагателе динамиков раздался искаженный помехами хохот ксеноса — и одновременно с этим он открыл огонь. Через мгновение, Р'алума настиг град крупнокалиберных пуль — и когда десантник рухнул на палубу, от него осталась лишь грудка кровоточащей плоти.

Ха'гарен пробивался через ряды орков, стоявших между ним и смертодредом. Механическое чудище все еще стояло к нему спиной, но стоило технодесантнику приблизиться, как оно начало разворачиваться. Смертодред с легкостью мог дотянуться до Ха'гарена, но тот вовремя бросился наземь, когда манипуляторы шагателя попытались его схватить. Сопло огнемета технодесантника ожило, залив корпус дреда горящим прометием. Орк, заточенный внутри машины, ничуть не пострадал, но ослепленный вспышкой пламени, он пришел в замешательство и принялся дико размахивать руками своей машины, попутно паля во все стороны из орудий. Не поднимаясь, но и не давая огню угаснуть, Ха'гарен нацелил плазменный резак на узкую горизонтальную прорезь в корпусе шагателя — именно на том уровне, по его прикидкам, должна была находиться голова

пилота, — а затем открыл огонь. Последовавший за этим дикий вопль оборвался в ту же секунду, и смертодред, ведомый рефlekсами остатков нервной системы орка, бесцельно побрел вперед, размахивая руками, словно синкопированными маятниками. В итоге он вломился прямо в строй орков, оставив за собой груды изувеченных тел. Уцелевшие зеленокожие взвыли, предупреждая друг друга о новой угрозе, и поспешили убраться в пути ходячего саркофага.

Ха'гарен, тем временем, разглядел в происходящем драгоценный шанс, который так был нужен Саламандрам. У них наконец-то появилась потенциальная возможность преодолеть последние несколько десятков метров, отделявших их от выхода из этого металлического безумия, называемого трюмом, и выбраться в узкие коридоры. Путь Астартес не был лишен помех, но ряды орков проредились как раз настолько, чтобы короткого, дружного марш-броска от одной слабой точки во вражеском построении до другой, оказалось достаточно для достижения цели. Выкованный десятилетиями сражений инстинкт, о котором напомнил свет, горящий в кузне войны, заставил Ха'гарена окликнуть Ба'бирину.

— Вижу! — ответил Ба'бирин, не дав технодесантнику заговорить. У него сработал тот же инстинкт.

«Нет, не тот же...» — понял Ха'гарен, пока секундное окно возможностей растягивалось в его сознании. Их инстинкты не были одинаковы. По крайней мере, изменился инстинкт Ха'гарена. То, о чем раньше не приходилось даже задумываться, теперь неизменно оказывалось продуктом анализа. Поле боя в его глазах являлось всего лишь упражнением в правильном применении силы, а действия более не подчинялись простой интуиции. Природа отчуждения Ха'гарена от боевых братьев стала еще более явной. Пускай их решения и могли совпадать, но происходили они теперь из разных источников. Ха'гарен всю жизнь проведет среди братьев, но никогда снова не станет частью братства.

Технодесантник обдумал все это и добрался до неутешительного вывода за то время, которое понадобилось Ба'бирину на ответ — и именно столько времени продержалась уже упущенная Саламандрами возможность. Она погибла в буре — под градом мелта-бомб и под порывами огненного ветра.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Ударную группу эльдар знатно потрепало. Ее численность упала до половины от изначального состава, и гибель эльдар стала лишь вопросом времени — однако это не волновало воинов, ведь выполнение задачи стало краеугольным камнем их жизней. Огненные Драконы ударили с яростным отчаянием смертельно раненого зверя. Экономия топлива перестала их волновать — Саламандр требовалось остановить здесь и сейчас, в этом кошмарном месте, пока они не исчезнут в лабиринте узких коридоров. Кроме этого свершения, аспектным воинам больше не на что было надеяться.

В будущем у Ха'гарена найдется несколько лишних секунд, чтобы вспомнить этот момент и понять причину отчаянного рвения эльдар, но в настоящем все, что ему удалось познать — это ужасный жар и алхимическое чудо, что превращало металл в жидкость и облачка газа, а боевых братьев — в бесформенные туши, а то и вовсе в ничто.

Огненные Драконы неслись вперед, не прекращая вести огонь из своих фузионных ружей. Группа орков, стоявших у них на пути, испарилась бесследно, а затем и несколько Саламандр последовали их примеру, оставив после себя лишь считанные молекулы.

(Запомните их имена, и добавьте их в списки потерянных и благочестивых: Вер и Гатерис, Тихей, Си'пакс и Об'ианг. Они стали стеной между Огненными Драконами и Элисатом. Космические десантники, принесшие себя в жертву ради эльдара. Воины чистейшей веры, с непоколебимым чувством долга.)

Не существовало построения, надежно защищающего от оружия, способного плавить танки и бункеры.

Несколько секунд Саламандр находились под натиском со стороны врагов с радикально противоположными взглядами на войну. Противостоять одному из них сейчас означало стать уязвимым к атаке другого, но когда эльдар сожгли орков, бросавшихся на космический десант, у Астартес

появились хоть какая-то свобода выбора.

Саламандры бросились врассыпную, снижая эффективность фузионных ружей. Как ни странно, гранаты эльдар больше не применяли — Ха'гарен рассудил, что этого оружия можно было больше не опасаться. Если бы у аспектных воинов еще оставались мелта-бомбы, они бы уже пустили их в ход и окончательно добились потрепанные отделения, но вместо этого эльдар быстро приближались к Астартес, стреляя из своего оружия, пока их лидер окутывал землю перед собой — и всех, кому не повезло стоять на ней, — пламенем из своего мощного огнемета.

Ха'гарен схватил Элисата двумя серворуками и швырнул его подальше от одного из эльдарских воинов, успевших подобраться поближе. Его настоящие руки тем временем взмахнули цепным топором. Эльдар бросился влево, чтобы проскочить мимо технодесантника и достичь провидца, но искалеченная серворука Ха'гарена, от которой пользы было не больше, чем от дубины, была использована именно в этой манере, лишив воина равновесия. Миг спустя, цепной топор настиг эльдара, раздробив его шлем и скрывавшееся за ним лицо.

Завершая удар, Ха'гарен заметил, как какое-то размытое пятно кинулось прямо на него, после чего новый противник взмахнул мечом, намереваясь перерезать ему горло. Ха'гарен, пошатнувшись, отступил назад, и ведьмовскому клинку не хватило считанных сантиметров, чтобы вонзиться в промежуток между шлемом и горжетом силовой брони.

Ха'гарен уперся пятками в пол и парировал удар взмахом топора, вскидывая оружие вверх. Цепной топор зарычал, впустую молотя своими зубами по воздуху — вместо этого ему хотелось вонзиться в чужацкую плоть.

Кадериал шагнул в сторону — и это движение было выверено так точно, что казалось невозможным. Когда удар Ха'гарена ушел в пустоту, технодесантник понял, что колдун увернулся еще до того, как Ха'гарен нанес контрудар — а теперь ведьмовской клинок нацелился ему прямо в грудь. Ха'гарен повернулся, чтобы отразить атаку, но оказался настолько же медлительным, насколько Кадериал — молниеносно быстрым. Технодесантнику удалось лишить атаку полной силы, но меч все равно без проблем прошел силовой доспех и проскользнул промеж ребер, отчего Саламандра почувствовал в своей груди что-то холодное и безжалостное — зловещее напоминание о смертности. Огнерожденный поднял огнемет, но Кадериал уже зашел ему за спину. Ха'гарен снова развернулся, размахивая топором перед собой в надежде использовать больший радиус поражения своего оружия, чтобы отогнать от себя колдуна и перехватить инициативу.

И вновь Кадериал был на шаг впереди. Эльдар пригнулся, пропуская

топор над собой, а его меч тем временем взмыл вверх, чтобы выпустить Саламандре кишки. Броня Ха'гарена выстояла, но колдовской клинок прорубил глубокую борозду на его набрюшнике. Технодесантник отскочил, блокируя второй удар поврежденной серворукой. Меч перерубил ее чуть ниже первого сустава, оставляя Ха'гарена лишь с жалким, подергивающимся обрубок. Конечно, серворука и без того уже была практически бесполезна, и не являлась частью его тела, но нервная система Саламандры все равно ощутила потерю так же остро, как если бы ему ампутировали настоящую конечность.

Кадериал прыгнул вперед, закрепляя полученное преимущество. Ха'гарен же сменил тактику, решив, что лучшая защита — это нападение, и стал предпринимать попытки загнать колдуна в угол, лишить его места для маневра. Их дуэль превратилась в жестокий танец из ударов и контрударов, но увы, в этом танце Ха'гарен всегда отставал на шаг и никак не мог попасть в ритм. Схватку можно было сравнить с партией в регицид, где один из игроков обязывался раскрыть все свои ходы сопернику еще до начала игры. Как бы Ха'гарен не блокировал удары Кадериала, он лишь открывал эльдару другое слабое место. Каждый контрудар становился приглашением для новой атаки, а самому технодесантнику не удалось ни разу попасть по сопернику. Кадериал был неуловимым, как тень, текучим, словно ртуть — и он был волен атаковать технодесантника, как ему только вздумается. В его движениях была ясно видно надменное изящество, как будто эльдар был оскорблен тем, что против него выставили такого грубого и неуклюжего соперника. Когда же ксенос обезглавливал орков, что пытались использовать сосредоточенность дуэлянтов друг на друге, эти убийства казались фиоритурами в мелодии об идеальном балансе и гармонии.

Единственным успехом Ха'гарена было то, что он еще оставался в живых. Он страдал от тысячи ран, которые ему лишь чудом удалось превратить в незначительные порезы, перенаправляя или отбивая колдовской клинок. Трансчеловеческая природа Ха'гарена помогала ему не умереть, заживляя раны почти так же быстро, как он получал новые, но затягивая бой с Кадериалом, он не мог надеяться на настоящую победу.

Так что, пока Саламандра сражался, отбивал новые удары и истекал кровью, он продолжал анализировать происходящее. Эльдар был быстрее и ловчей его, и на каждое движение Ха'гарена он отвечал так, как не могло позволить простое умение читать своего соперника. Колдун знал о намерениях технодесантника раньше его самого, что говорило только об одном — у Кадериала был талант к предвидению.

Вопрос: как победить противника, который видит будущее?

Решение: обрати обстоятельства ситуации так, что это не будет иметь

никакого значения.

Ха'гарен увидел, как ему поступить — как и Кадериал.

Колдун отскочил от Ха'гарена и одновременно с этим выставил вперед левую руку ладонью вперед, словно швырнув что-то в Саламандру — что-то бесформенное, но бесспорно осязаемое. Это что-то жестоко врезалось в Ха'гарена, подобно невидимому приливу. Волна ненависти и презрения ударила технодесантника, сокрушая его волю и утягивая на дно. Она затопила его осознанием того, что человечество было самой отвратительной абберрацией, которую когда-либо порождала эта галактика. Она «намекала», что простое вымирание было слишком милосердной судьбой для вида настолько извращенного, отвратительного и злобного. Вида, не заслуживающего ни единого шанса на искупление.

Давление такой презрительности было невероятным, а ключевой аспект силы атаки Кадериала заключался в деперсонализации ненависти. Когда она ударила по Ха'гарену, она не выражала чувства лишь одной сущности, но словно бы становилась гневным осуждением со стороны самой вселенной. Эта ненависть изливалась в мельчайшие трещинки его души, как потоп обрушивается на песок, чтобы в итоге разорвать Саламандру на части.

Ха'гарен не ведал страха, а с момента своего посвящения в ряды Культа Омниссии и вовсе практически перестал испытывать эмоции любого рода, но в нем все еще оставались следы человека, которым он некогда являлся, так что Ха'гарен мог испытывать сомнения. Не в Императоре. Не в Боге-Машине, и даже не в своем ордене...

Что ты такое?

Но в самом себе...

Семена сомнений проросли под ливнем обжигающей ярости и вылезли на поверхность, подобно ядовитым пустынным цветкам. Их усики обвились вокруг воли Ха'гарена, пытаясь прикончить его самосознание. Они душили его, скрывая за собой все, и становясь всем. У них была своя собственная злая воля, которая хотела заставить его в отчаянии упасть на колени. Черная порча выбралась за пределы одной лишь его души, когда сама физиология Астартес среагировала на атаку извне. Ха'гарен перестал различать цвета, его конечности обмякли. Сам воздух, казалось, превратился в густую грязь, которая сковывала движения. Осознание того, что к нему из-за спины приближаются орки, или того, что Кадериал вскидывает над головой свой клинок — да и вообще чего угодно, кроме темного цветения сомнений, — отошло на задний план.

Ха'гарен сопротивлялся как мог. Он атаковал свои сомнения всем оружием, что у него оставалось — незыблемыми истинами в лице

Императора, Омниссии и ордена. Они являлись непоколебимой основой его существа, ядром, без которого он не мог бы существовать — а он, безо всякого сомнения, существовал. И пока он продолжал существовать, у него оставался долг. Долг, в котором тоже нельзя было усомниться. Долгом было действие — и если Ха'гарен не будет действовать, то не исполнит свой долг. Предаст Императора, Омниссию и орден.

Ярость, направленная на само понятие предательства, чистая и священная, выжгла скрывающую все вокруг листву сомнений. Яд все еще тек по его венам, но он находился внутри Ха'гарена задолго до нападения Кадериала — и он останется там даже тогда, когда эльдар будет недвижно лежать у его ног.

Зрение Ха'гарена прояснилось, наступающая тьма рассеялась. Кадериал все еще не опустил свой меч — более того, он все еще стоял с ладонью, выставленной вперед. Война внутри Ха'гарена окончилась, не успел он и глазом моргнуть. *Все еще недопустимо долго.* Разозленный, Саламандра рванулся вперед, вскинув ревуший от жажды крови топор. Три уцелевшие серворуки метнулись в сторону Кадериала, чтобы схватить его, изрезать его, обжечь его. Ха'гарен намеревался ошеломить колдуна — и именно этого пытался избежать эльдар. От такой атаки его не спасло бы никакое предвидение. Его ожидала *неминуемая смерть.*

Ха'гарен врезался в Кадериала, заключая ксеноса в ужасной буре, коей была его хватка. Он окружил колдуна аватарой своей ярости. Плазменный луч, струи прометия и цепной топор со всех сторон неслись к плоти эльдара. Теперь ксеносу некуда было бежать. Кадериал даже не попытался уклониться — он осознавал безнадежность этого действия. Вместо этого, он постарался убить космического десантника, полностью поглощенного праведным гневом. Понимая, что отступать некуда, он решил встретить угрозу лицом к лицу. Их силы были явно неравны — сейчас эльдар был не более чем стеблем тростника на пути обезумевшего завротура. И все же у этого стебля нашлась и колючка, которую Кадериал вонзил глубоко в грудь Ха'гарена.

Технодесантник не отбил вовремя этот последний удар, но его яростный натиск сбил прицел Кадериала, так что меч не вонзился туда, куда метил эльдар. Вместо этого, колдовское лезвие вонзилось ему в бок. Рана оказалась глубокой, кровотечение — обильным... Но он исцелится. Спустя несколько мгновений кровь свернется. Зато теперь оружие колдуна принадлежало ему. Ха'гарен прижал руку к раненому боку, заклинивая меч в своей плоти. Кадериал тщетно пытался вырвать оружие, но ему не хватало для этого сил — а технодесантник тем временем замыкал обжигающую, сокрушающую смертоносную западню вокруг эльдара.

— Своим невежеством... — захрипел ксенос. — Ты уничтожишь...

В конце концов, голос подвел Кадериала, и Ха'гарен едва сумел разобрать даже то, что колдун все же успел произнести до того, как был полностью обездвижен, изломан, изрублен на части и сожжен. Саламандра превратил ксеноса в угли и кровавое месиво.

Когда от эльдара не осталось ничего, что можно было опознать, как колдуна Кадериала, Ха'гарен поднял взгляд, ища Элисата. Провидец оказался недалеко. Он все еще был укрыт за поредевшими рядами Саламандр.

Старик пригнулся за большим металлическим ящиком, из которого торчало множество гибких стеблей. С этих стеблей свисали куски железа, нарезанные в бессмысленном многообразии форм. Ха'гарен не имел никакого представления, какое применение могло найтись этому объекту — впрочем, то же самое он мог сказать и про самого Элисата. Так или иначе, он осознавал свой долг.

Ха'гарен побежал к провидцу. Прямо за ящиком он увидел кратер, образованный в металлоломе после детонации мелта-бомбы и почти достающий до основания палубы. Он мог похвастаться крутыми откосами и чем-то наподобие спинного плавника в пять метров высотой, в дальнем от Саламандры конце кратера. Эта яма выглядела почти пригодной в качестве оборонительной позиции. Ха'гарен швырнул эльдара туда.

Пока его боевые братья добивали Огненных Драконов и одновременно с этим перегруппировывались вокруг технодесантника, он повернулся к следующей по серьезности угрозе жизни провидца — командиру отряда эльдар. Экзарх размеренно и неумолимо продвигался позади стены пламени, которую сам же и возводил своим огнеметом, отчего Ха'гарен подумал, что тот больше напоминает ему еще одну Саламандру, нежели презренного чужака. Впрочем, помимо размеренности и неумолимости, этот воин, судя по всему, еще и не ценил собственную жизнь. Лишившийся почти всех своих бойцов, облаченный в легкую броню, окруженный многими тысячами врагов, ксенос не мог и надеяться пережить следующие несколько секунд — и все же был готов попытаться спалить своим пламенем достаточно врагов, чтобы успеть зацепить и единственную представляющую важность цель. Ха'гарен прекрасно понимал подобную целеустремленность, и все же он приготовился помешать чужаку.

Внезапно, Саламандра услышал раскаты грома — а бросив взгляд за спину командира эльдар, увидел и орков, которые из-за стены огня представляли его взору лишь в качестве темных силуэтов. Они были огромны — куда крупнее всех тех, кого до сих пор довелось встретить ударной группе Саламандр, — а вело их самое настоящее чудовище. Ха'гарен узнал

гигантский силуэт, вспомнив стычку на арене. Этот ксенос был крупнее любого орка из всех, кого за свой век повидал технодесантник — казалось, что от его предвещающих гибель шагов дрожит весь трюм корабля.

— Братья... — только и мог промолвить Ха'гарен. — Он здесь.

Верховный Изверг нависал над командиром Огненных Драконов. Эльдар не мог не понимать, что его ждет. Одна лишь энергетика, сопровождавшая появление орка, ошеломляла и подавляла, но чужак не оглядывался назад, не изменял курса, а продолжал шагать в сторону Ха'гарена и провидца.

Таким был *его* долг — таким же был и его конец.

Изверг бросился на Огненного Дракона, и потянулся к нему своим здоровенным бронированным кулаком, однако, прежде чем орк схватил эльдара, случилось *нечто*... И горящие повсюду огни адским сиянием осветили ужасное чудо.

Убойный круизер наконец-то вышел на низкую орбиту Лепид-Прим. Пройдя сквозь ионосферу и нависнув над планетой на высоте менее чем в сотню километров, корабль заскользил по верхней кромке мезосферы, подобно хищной птице, высматривающей в воде рыбу. Судно было видно даже с поверхности — в виде гротескной, раздутой тени, пролетевшей перед солнцем. У планеты появилась новая луна, и ее восход не предвещал ничего хорошего. Он стал знаком того, что всякое сопротивление не имело смысла, а в мечтаниях местных проку было и того меньше. Он был смертью надежды. Концом всего.

Верховный Изверг явился — а с ним и зеленая орда, готовая затопить собой целый мир.

На поверхности, жители города Рекламация взирали на новую луну, пролетающую над их головами, и их сердца наполняло отчаяние, пока Гвардейцы Ворона, мрачные реалисты, набирались решимости перед новым испытанием.

Существо, воплощающее собой чистейшую агрессию, преодолело эфемерную границу планеты и космоса — и под поверхностью этого мира ему ответил фрагмент расколотого божества. Подле него не было ни одного из почитателей, способных успокоить и перенаправить ту хаотичную жажду войны, которую воплощал собой осколок — зато относительно рядом находилась целая орда существ, которые не только не сопротивлялись желаниям осколка, но и алкали его даров, даже сами этого не осознавая. Они были чисты. Они были агрессией и войной — и ничем иным. Они уже накормили обломок актами насилия, и тот с готовностью отплатил им способностью учинять еще большие разрушения.

Осколок потянулся всем своим естеством к кораблю на орбите и нежно

приласкал его. Его влекло внутрь корабля, где находилось преисполненное нереализованным потенциалом существо, которому подчинялось все судно. Существо было найдено — и неразумная энергия испытала своего рода экстаз, излившись в орков, — а в особенности, в чудище, чья склонность к насилию была поистине неизмеримой.

Во тьме своего храма, осколок вспыхнул и задрожал. Он звал монстра. Он подкармливал его и обещал еще больше силы — силы тех масштабов, какие орк видел лишь в своих наполненных яростью снах.

Новая луна, бывшая дурным знамением, вошла не просто над одной планетой. Она вошла надо всей галактикой.

Что-то проникло в корабль. Ха'гарен почувствовал это на атавистическом уровне, как появление чего-то чуждого и одновременно божественного, но не более того — но орки среагировали на феномен куда сильнее. Они бросили все, чем были заняты до этого, остановились и заревели. Этот животный вой заглушил собой даже грохот от работы грубых механизмов. В нем ясно угадывались триумфальные нотки, ликование — и вместе с тем беспредельная ярость. Именно так целый вид сообщал об ожидающем его апофеозе. На какой-то миг даже показалось, будто орки засияли. От них не исходило реального света, но они излучали практически осязаемую энергию. А еще они росли. Ха'гарен мог поклясться, что вот это было фактом, а не простой иллюзией восприятия. Лямки и ремешки брони зеленокожих закрипели от натуги, когда грудь каждого из них разошлась вширь, а конечности вздулись от наполнившей их силы. Обычные пехотинцы, которые в представлении космического десанта были всего лишь пушечным мясом, внезапно обрели облик и свирепость элитных отделений. Офицеры обратились в настоящих чудовищ. А сам же Верховный Изверг...

Ха'гарен не хотел использовать это слово по отношению к тому, чем становился лидер зеленокожих, но оно само собой возникло у него в голове.

«Бог».

Изверг воздел руки вверх, словно желая сокрушить всю вселенную, а последовавший за этим рев затмил собой вопли всей остальной орды. Он уже был вдвое выше обычного человека, и все равно продолжал расти.

На обоих наплечниках орка красовалось по черепу термаганта, а сама броня, казалось, была собрана из частей расчлененного танка «Леман Русс». Массивные стальные пластины закрывали торс и конечности, а нижняя часть его морды была защищена выдающейся вперед металлической челюстью. Все сочленения громадного доспеха соединялись между собой поршнями, облегчая нагрузку на владельца, но все же Ха'гарен мог с уверенностью сказать, что сходство брони с танком было не только лишь

внешним — она была и адски тяжелой. С тем же успехом чужак мог тащить «Леман Русс» на себе.

А теперь Изверг еще и разрастался во все стороны. На какой-то миг, техnodесантник осмелился надеяться, что броня орка раздавит его — но вместо этого, плоть и мускулы одержали верх над металлом. Поршни вылетели со своих мест, хотя крепления отдельных пластин оказались достаточно гибкими, чтобы выдержать возросшее давление. Без поддержки сервоприводов, чудовище должно было рухнуть наземь под весом брони — и все же орк с легкостью выдерживал ее тяжесть. Теперь он был в полтора раза выше и шире, чем несколько минут назад, а его родная челюсть сравнялась размером со стальным горжетом брони. Многоствольная пушка в правой руке орка теперь казалась не более чем пистолетом, а левая рука чудища ничуть не уступала силовым клешням, которые использовали его лейтенанты.

Эльдар почувствовал, как к нему из-за спины тянется орочья лапа, и в самый последний момент развернулся — но когда он увидел своими глазами, с чем столкнулся, его миссия тут же лишилась былой важности. Он не отпуская гашетку огнемета, ни на миг. Пламя его огнемета и болты, выпущенные Саламандрами, однако, стали лишь ритуальным сопровождением к трансформации зеленокожего. Болты отрывали куски от его доспехов, но не более того, а жаркое пламя лишь омывало кожу орка. Нечто невероятное избрало этого ксеноса — и оно не желало, чтобы этот знаменательный момент был испорчен.

Так или иначе, момент — жалкая секунда на хронометре (но целая эпоха по меркам реальности войны), — прошел. Получив свое благословение, орки загорелись нечистой энергией, а сам Изверг ринулся вперед со скоростью, совершенно недопустимой для существа, несущего на себе столько металла. Его рука сомкнулась на торсе Огненного Дракона, а затем орк поднял эльдара с такой легкостью, словно тот был лишь куклой. Зеленокожий сжал руку в кулак. Руническая броня раскололась, раздался громкий треск ломаемых одна за другой костей. Умиравший ксенос задержался в муках, будто схватив оголенные провода — а затем изнутри шлема ему на плечи хлынула кровь. Изверг, наигравшись со сломанной игрушкой, бросил ее наземь и двинулся в сторону Саламандр.

От Огненных Драконов не осталось и следа. Саламандрам ничего не оставалось, кроме как сомкнуть ряды вокруг провидца, который внезапно заговорил на идеальном Готике, но со слышимым отчаянием в голосе.

— Вы должны сказать своему командиру, чтобы он уничтожил этот корабль!

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

— Если ты знаешь, что только что произошло, то говори. — Ба'бирин сказал Элисату. — Ну же!

Саламандрам осталось всего несколько метров до выхода из отсека, но бегство больше не было оптимальным вариантом. Бесконечный поток орков только что хлынул через эти ворота, так что отступить было некуда.

— На этой планете находится фрагмент Каэла Менша Кхаина, нашего бога войны. Орки ответили на его призыв, а он — на их. Если существо столь же сильное, как этот вожак, вступит в прямой контакт с осколком, оно станет неуязвимо.

— Он уже сейчас как раз таким и кажется. — прокомментировал заявление провидца сержант Нелей, глядя на то, как Изверг просто игнорирует выстрелы из болтеров. Ему оставалось сделать еще несколько шагов, чтобы добраться до Саламандр.

— Осколок еще далеко. Сейчас орк является лишь тенью того, чем он может стать.

— Он живет, а это значит, что он может и погибнуть. — нетерпеливо заявил Н'крумор. После этого аптекарий активировал свой цепной меч и бросился в ряды орков, чтобы встретить Изверга лицом к лицу. Вслед за ним отправились Г'ова и Элигий.

Внезапная атака застала орков врасплох — они даже немного отступили назад перед столкновением, но если ранее идущие на таран Саламандры неизменно сбивали с ног любого зеленокожего, оказавшегося у них на пути, то сейчас эти существа, коснувшись алчной до крови божественности, даже не пошатнулись. Невезучее трио все же сумело подобраться к Верховному Извергу, но тот лишь вырвал из стоящего неподалеку мотора выхлопную трубу и использовал ее в качестве массивной дубины. Удар этот оказался такой силы, что труба погнулась, а сам Н'крумор, пусть и не погиб, но отлетел в самое сердце орды, где на него с топорами и мечами бросились меньшие зеленокожие.

Элигий, тем временем, попытался ударить цепным мечом по незащищенному сочленению на бедре Изверга — но и его ожидала неудача. Из обоих стволов пушки вожака извергло пламя — и пули, не уступающие орудийным снарядам, разорвали космического десантника на части, пробив насквозь силовую броню и заодно раздробив ему череп. Г'ове же удалось пустить Извергу кровь, вонзив клинок промеж пластин брони на руке орка, но тот в ответ лишь зарычал и ударил Саламандру головой. Для него это было словно попасть под окованный железом булыжник — удар раздробил правый бок силовой брони, сломал Г'ове руку и раскрошил панцирь, коим были его сросшиеся ребра. Ставшая бесполезной конечность выронила цепной меч, но воин, отказываясь сдаваться, лишь отступил на шаг, взвел уцелевшей рукой болтер и открыл огонь. Град масс-реактивных снарядов на этот раз все-таки вызвал у Изверга реакцию — только вот ей был лишь еще более сильный приступ бешенства. Орк повалил Г'ову на землю ударом стрелялы, а затем с размаху опустил на его грудь ногу. У Саламандры не было ни единого шанса. Удар с силой в несколько тонн пробил доспехи и кость, а затем превратил в кровавую кашу оба сердца воина.

Прикрывающий огонь от остальных Саламандр тоже не возымел никакого серьезного эффекта. У орка одно за другим рвались сухожилия — казалось, что в следующий миг он попросту взорвется от переполняющей его энергии, — и все же Изверг лишь становился крупней. Впрочем, его миньоны подобной неуязвимостью не отличались, так что половина отделения Саламандр перевела огонь в ту точку, где за телами орков исчез Н'крумор. Как бы алчно они не испивали от поданного чужацким божеством потира, их все равно разрывало на куски. Н'крумор поднялся из-за кровоточащей горы зеленого мяса. С него сорвали шлем, из десятков пробоин на его броне текла кровь, а левая нога волочилась по палубе, пока аптекарий тащился по неровной поверхности. Извергу ничего не стоило, сделав шаг, настичь Саламандру, или же просто выстрелить ему в спину из крупнокалиберной пушки, но вместо этого чудовище пробежало мимо, не отрывая глаз от Элисата. Н'крумор удостоился лишь того, чтобы его оттолкнули в сторону — придав скорость летящей торпеды. Саламандра вновь погрузился в море ликующих зеленокожих.

Ба'бирин бросился лекарю на выручку, выжигая орков щедрыми залпами прометия и стараясь обойти Изверга стороной. Нелей кричал, чтобы связист установил контакт с «Вердиктом наковальни», но Беренгий ответил, что ударный крейсер был связан боем с орочьим флотом.

Сейчас кончалось последнее мгновение, когда Изверг не являлся наиважнейшим фактором в текущем конфликте. Время замедлило свой бег,

пока Ха'гарен хладнокровно анализировал поле боя. Он защищал стены Гелиосы, а затем спас «Вердикт», каждый раз сталкиваясь с неизбежным и находя наименее катастрофическое решение. В текущих же обстоятельствах ему можно было ожидать лишь полного уничтожения ударного отряда Саламандр и потери пленника.

Обстоятельства нужно было изменить.

Ха'гарен увидел то, что ему было для этого нужно — вверх по пологому склону, в нескольких сотнях метров от выхода, в самой глубине трюма, откуда пытались выбраться Огнерожденные. Добраться туда было невозможно — и все же это было необходимо. Ха'гарен, которым стал Саламандра, одобрил единственную доступную стратегию — а эхо Ха'гарена, каким он некогда был, упивалось безумием избранного курса действий.

Технодесантник схватил Элисата уцелевшим манипулятором, а затем выскочил из укрытия и взобрался на металлический ящик, заставив торчащие из него гибкие трубки по-идиотски закивать — Извергу, тем временем, оставалось сделать лишь один шаг, чтобы вернуть себе ценный трофей. Еще один прыжок — и Ха'гарен уже взбирался по металлическому «плавнику», который заприметил ранее. Конструкция оказалась настолько узкой, что на ней едва хватало места для ступней Ха'гарена.

Изверг догнал беглецов, превратившись в настоящего гиганта, преисполненного гневом, в гору из железа, клыков, бивней и кулаков. Он одним движением отбросил Нелея в сторону и потянулся за Ха'гареном — но его когти ухватили лишь воздух, ведь технодесантник успел в очередной раз прыгнуть. Пускай его движениям не доставало эльдарской грации, в них были мощь и тяжесть, которые и нужны были Огнерожденному.

Бросившись вниз с самой верхушки «плавника», технодесантник перескочил через головы ближайших орков и приземлился в самой середине груды брошенных кем-то запчастей. Цилиндры и металлические многогранники посыпались вниз по склону, как старые кости. Ха'гарен взобрался на самый верх этого искусственного холма и скатился по откосу, а затем побежал дальше, тяжело топая по обшивке палубы, дабы не поскользнуться на путающемся под ногами мусоре.

Со всех сторон на него бросились орки, но серворука с огнеметом, воздетая над головой Саламандры, тут же возвела вокруг него огненную стену, не дающую орде приблизиться, а цепной топор разрубал всякого зеленокожего, который оказался достаточно медлителен или глуп, чтобы оказаться у него на пути.

Позади него, рев Изверга продолжал достигать все новых и новых высот безумия. Великан несся следом за Саламандрой, от топота его железных

сапог дрожала вся палуба.

— Источником силы Изверга является близость к осколку... — сказал Ха'гарен Элисату.

— Так и есть. — согласился провидец, стараясь не выпускать серворуку технодесантника из слабеющих рук.

— Значит, корабль должен покинуть орбиту Лепид-Прайм.

Из уст Элисата вылетел звук, который мог обозначать как согласие, так и недоумение.

— Ха'гарен! Именем Вулкана, что ты делаешь? — донесся до технодесантника по воксу голос Ба'бирин, напряженный от безумия схватки, в которой увязли Саламандры.

— Действую согласно новой догадке. — сказал Ха'гарен. — Но мне нужно время.

— И как я тебе его дам?!

— Огнем и сталью. — цель Ха'гарена уже виднелась впереди.

— Ответ, достойный Огнерожденного... — ответил Ба'бирин.

Ха'гарен отметил похвалу, но отложил ее анализ на потом, занятый первоочередной задачей.

Шансом Саламандр на выживание стала огромная доменная печь, из решетки в основании которой вырывалось пламя.

Печь примостилась прямо возле горы лома, которая едва не доставала до потолка отсека. С конвейерной ленты в пасть домны непрерывно сыпался всяческий мусор, а от основания печи расплавленный металл по специальным каналам добирался до сборища самых разных пресс-форм десятком метров далее, где ему придавали желаемую форму и обрабатывали операторы этой экспериментальной станции. Впрочем, в разгар боя у зеленокожих не было желания торчать за станками, поэтому верстаки, окруженные бракованными поделиями и недоделанными устройствами, сейчас пустовали.

Полет безумной орочьей фантазии поддерживался электростанцией в добрый десяток метров высотой — группой искрящихся пилонов и генераторов, между которыми пробегали дуги электрических разрядов. За всем валяющимся на полу мусором едва можно было разглядеть самые верхушки приборных панелей, что намекало на то, что генераторы были закреплены на самой палубе.

В мозгу Ха'гарена вновь всплыла схема электропроводки на корабле — и она говорила о том, что электростанция эта была крупным силовым узлом.

Технодесантник двигался быстро, однако Изверг, как следует

разогнавшийся, был быстрее. Палуба от его шагов дрожала все сильнее. Он приближался.

Хорошо...

Ха'гарен, пробегая мимо доменной печи, активировал плазменный резак и моментально вскрыл ее снизу доверху, вплоть до середины дымохода. Скопившиеся внутри газы вырвались на свободу, а воздух поспешил занять освободившееся место, после чего реакция в один миг перестала быть стабильной. Печь взорвалась. Обломки ее каркаса разлетелись по всему трюму, разрывая неудачливых орков на части, а преследующим Ха'гарена ксеносам досталось еще и от волны обжигающего металла. Технодесантник рискнул оглянуться, и увидел, как разъяренный Верховный Изверг споткнулся, неспособный просто проигнорировать ожоги, от которых его не могла уберечь броня. До смерти ему было очень и очень далеко, и все же зверя удалось остановить — и, вдобавок, именно там, где его хотел видеть Ха'гарен.

Спустя мгновение, взорвалось и само основание печи, а гора из мусора, находившаяся неподалеку, зашаталась и обрушилась. Тысячи тонн металла с непредставимым грохотом полетели на палубу, похоронив под собой Изверга.

Когда жуткий скрежет и грохот обваливающегося металлолома немного поутихли, Ха'гарен услышал, как чудовище изо всех сил пыталось вырваться из своей железной гробницы. Так или иначе, он выиграл себе небольшую фору.

Саламандра добрался до генераторов и наконец-то отпустил Элисата, который тут же рухнул возле одного из верстаков. Видящий был обожжен и изранен, но все еще оставался жив. Ха'гарен подошел к ближайшему генератору и сорвал с него панель управления. Взглянув в образовавшуюся дыру, он увидел чудовищно примитивную, как и всегда, электропроводку. Орки протянули провода с опасной степенью импровизации, но все же генератор каким-то чудом работал.

— Отлично сработано, брат! — сказал Ба'бирин. — Скоро мы к тебе присоединимся.

— Я буду неподвижен, и весьма занят. — пояснил брату Ха'гарен. — Если вы сможете сделать так, что меня не потревожат, возможно, мне удастся претворить свою догадку в жизнь.

Наступила краткая заминка — возможно, сержант размышлял, почему Ха'гарен не признался прямо о том, что он замыслил. Но миг спустя его голос вновь раздался в воксе.

— Принято.

Возможно, Ба'бирин угадал, чего хочет добиться технодесантник — а возможно, он просто понял, с каким риском связана идея его товарища.

— Да направит тебя Вулкан, брат.

Прощание... И слова примирения.

— Спасибо, брат. — этих слов можно было ожидать. Они были тем, что и следовало сказать в данной ситуации. Но все же, даже сейчас, Ха'гарен ощущал, как сильно он отдалился от себя бывшего, и от своих дружеских связей. Не Ба'бирин отстранился от него — нет, это сделал сам Ха'гарен.

Что ты такое?

Технодесантник не мог позволить себе отвлекаться на сомнения. В Гелиосе, на «Вердикте наковальни» — везде у него был лишь один верный путь, и он неизменно шел по нему. Это было его собственное пламя битвы, его собственная наковальня, на которой он не должен был быть сломлен. Не оставалось времени даже на молитвы — Ха'гарен успел лишь бессловесно обратиться к Омниссии, перед тем как его мехадендриты вытянулись и подключились к генератору...

А через него — ко всему крузеру.

Как и раньше, энергосистема корабля предстала перед ним, как гололитовое изображение нервной системы — и точно так же, как прежде, кровь, несущаяся по венам корабля, была потоком электрических нечистот. Отличие между прошлым подключением и тем, чем был занят Ха'гарен сейчас, заключалось в том, что на этот раз он никак не защищал себя от пагубного безумия, наполнявшего чужацкий корабль. Напротив, он нырнул в него с головой. Его сознание погрузилось в кровеносную систему судна и растеклось по каждому его закоулку. Технодесантник погружался глубже и глубже — он более не изучал проводку судна с расстояния, а *стал* ей. Он отвечал за каждую связанную с электричеством функцию корабля, стал каждым из бесчисленных тысяч отдельных устройств — полезным или сломанным, жизненно важным или ничтожным, едва сопровождаемым хоть каким-то намеком на логичность или совершенно безумным. Он был извращением технологий, неумело присвоенных у иных цивилизаций — и, одновременно с этим, всеми отвратительными творениями самих орков, которые не имели права функционировать, однако все же работали.

Он был крузером.

Что ты такое?

Сейчас этот вопрос стал как никогда более актуальным — более того, жизненно важным. Чуждость корабля воспринималась Ха'гареном как яростный поток, одновременно с этим являясь глубоким океаном. Она пыталась разорвать его на части и утопить, поразив чудовищностью своих

масштабов. С самого первого контакта с судном, Ха'гарен ощущал эту чуждость пятном ржавчины на своей душе — а сейчас она поглотила его целиком. Стоит ему раствориться в ней — и он станет всего лишь очередной всеми забытой грудой металла глубоко в железном нутре корабля. Он боролся за самого себя, за свою душу.

Что ты такое?

Я — Ха'гарен. Я — технодесантник. Я — Саламандра.

Три утверждения. Три личности. А затем — откровение, достаточно яркое, чтобы даровать зрение слепцу: личностей было не три, но лишь одна. Чем более полно Ха'гарен воплощал собой один из аспектов, тем теснее он связывался и с остальными. Действие, которое он совершал прямо сейчас, было возможно лишь благодаря перерождению, которое он претерпел на Марсе, а причиной этого величайшего самопожертвования была забота о благополучии ордена.

С осознанием этого факта пришло единение Ха'гарена с самим собой, а вместе с единением пришла и сила. Он так и остался Ха'гареном во время распыления своего сознания по кораблю, и сумел одолеть напор чуждой энергии. Теперь он сам стал вирусом, и подчинил себе все — нет, он стал всем.

Он не был круизером. Это круизер был им.

И Ха'гарен был везде. Он знал о каждом движении и смерти в своем огромном новом теле. Он чувствовал, как Изверг восстает из своей железной могилы и идет к нему, чтобы довершить начатое.

Орки окружили Саламандр, сражение зашло в тупик. Н'крумор выжил, но едва мог ходить. Неприятный выбор заключался в том, чтобы бросить либо его, либо Ха'гарена, так что Ба'бирин отказался выбирать вообще.

— Дорогу вперед вы знаете, братья! — произнес он, а затем последовал примеру технодесантника, взобравшись на металлический «плавник» и перепрыгнув через ближайших зеленокожих. Еще несколько метров — и о любом полноценном сопротивлении его продвижению можно было забыть. Ха'гарен и в самом деле хорошо постарался, выкашивая ряды ксеносов.

Ба'бирин перебрался через гребень обвалившейся горы из мусора как раз вовремя, чтобы стать очевидцем того, как Верховный Изверг вырывается на свободу. После этого зверь немедленно бросился к недвижно стоящему Ха'гарену, все еще подключенному к генератору. Элисат пытался вырвать цепной топор технодесантника из его рук, но уподобившийся статуе Саламандра и не думал разжимать кулаки. Ба'бирин кинулся вниз — и не дойдя нескольких метров до основания холма, прыгнул, приземлившись прямо на спину огромного орка. Зажав шею Изверга между колен, он воздел

над головой цепной меч.

Подкрепления орков уже неслись на подмогу вожаку, но они были слишком далеко. Металлический оползень убил каждого зеленокожего в непосредственной близости к Извергу, так что у Саламандр появилось время. Достаточно времени, как поклялся про себя Ба'бирин, чтобы избавить галактику от этой мерзости.

Он с размаху опустил цепной меч вниз. Оружие пустило зеленокожему кровь, но все же ему никак не удавалось как следует зарыться в плоть ксеноса. Изверг взмахнул своим гигантским кулаком — и тот врезался в сержанта с силой шар-бабы.

Ха'гарен плохо видел внутри корабля. Случайные вспышки данных от десятков сенсоров давали ему лишь приблизительную, смутную картину того, что происходит в трюме. Впрочем, он знал, что Изверг где-то рядом — но сражается с кем-то еще, иначе Ха'гарен был бы уже мертв. Кроме этого, он мало чего понимал.

Однако снаружи корабля, абсолютно все было открыто его взору. Теперь он видел войну в пустоте во всей красоте ее беззвучного танца. Даже грубая простота орочьего штурма приобрела некое подобие грации, будучи пропущенной через фасеточные глаза судна. Информация неслась к нему вечно меняющимся потоком, каждую долю секунды перед Ха'гареном открывался изменившийся ход сражения. Война была объединением миллионов переменных и конфликтующих меж собой векторов, воплощением той идеи, что незначительные, но непредвиденные обстоятельства порой имели больший вес, чем нечто значительное и предсказуемое.

Технодесантник увидел «Вердикт наковальни». Корабль Саламандр хлестал рой орочьих кораблей лэнсами и торпедами, каждый залп которых был идеально выверен и неизменно смертоносен. Его окружало так много целей, что «Вердикт» уничтожал одно за другим без кратчайшей передышки. Пустота то и дело освещалась вспышками взрывов — предсмертных воплей орочьих кораблей, но пускай хищник и увечил свои жертвы острыми когтями, он и сам не остался невредим. «Вердикт наковальни» истекал кровью, его маневры лишились прежней ловкости, а мерцающее сияние вышедших из-под контроля пожаров облизывало обшивку. Также Ха'гарен заметил темные пятна там, где должны были расцветать дульные вспышки орудий и лэнсов. Может быть, капитан Мульцебар и купил абордажной группе бесценное время, но значительным и предсказуемым итогом этой войны будет уничтожение ударной группы Саламандр.

Если только Ха'гарен не станет этим самым непредвиденным

обстоятельством... Саламандра размял мускулы своего нового тела.

Удар отшвырнул Ба'бирин обратно в гору обломков. Он вскочил на ноги, кривясь от звона в ушах. Изверг развернулся к сержанту, заноса кулак для удара достаточно сильного, чтобы раздробить мрамор. Мгновение спустя во все стороны полетели куски железа — но сержант уже несся вперед, с клинком, направленным в морду Изверга.

Остальные Саламандры уже практически преодолели залежи металлолома. Они почти добрались до сражающихся — но все же были слишком далеко. Ба'бирин обязан был подарить Ха'гарену еще несколько секунд. Этот бой стал наковальней, на которой будет выкована его судьба — сержант позаботится о том, чтобы она оказалась достойной. Достойной чести быть Саламандрой.

Рефлексы Верховного Изверга казались поистине демоническими. Огромная рука вцепилась в Ба'бирин. Хватка орка была крепче адамантия — и хотя сержант рубанул цепным мечом по лбу отродья ксеносов, тот лишь взвыл и вбил его в грудь мусора. Сержанту показалось, что именно так себя чувствовали жертвы силовых кулаков дредноутов. Шлем Ба'бирин треснул пополам. Изверг вновь занес кулак над головой. Ба'бирин успел вовремя скатиться вниз, и удар орка пришелся лишь на обломки металла. Огнерожденный поднялся на ноги и пырнул орка промеж сочленений брони на ногах, поразив его сухожилия. На этот раз ему удалось заставить Изверга споткнуться и упасть на одно колено — однако орк все еще был чертовски быстр. Тварь таких размеров не имела никакого права быть настолько резвой. Изверг повернулся и пустил в ход свою стрелялу, паля без разбору.

Быстро. Слишком быстро.

Множество выстрелов пришлось Ба'бирину в грудь, практически в упор. Первые пули пробили и без того ослабленную броню, следующие за ними прошли навывлет. Сержант почувствовал, как крошатся его кости, как рвутся его сердца, а за этим последовала ужасная слабость, когда полученный им урон наконец-то преодолел способности сверхчеловеческого тела к исцелению. По немеющим членам Ба'бирин разлился смертельный холод, за которым последовала тьма. Саламандре показалось, что он полетел спиной вперед в бесконечный колодец, пока мир постепенно исчезал из его поля зрения.

Сержант осел на палубу, но все же сумел заставить себя не закрывать глаза. Перед тем, как наступит конец, он узнает, удалось ли ему преуспеть.

Изверг навис над сержантом, в его глазах поблескивало самодовольное смакование победы — а затем корабль содрогнулся с ужасным стоном, от которого задрожали стены трюма. Казалось, будто ото сна пробуждается огромная гора — но на самом деле корабль пришел в движение.

Ба'бирин усмехнулся в лицо Извергу.

— Мой брат одолел тебя.

Мир наконец-то окончательно померк. Ба'бирин принял холодные объятия тьмы и согласился на обещанный ей отдых.

Воля Ха'гарена подчинила себе двигатели корабля. Подчинила навигацию и орудийные батареи. Он еще сильнее слился с судном. Двигатели вспыхнули, осветив поверхность Лепид-Прайм вторым рассветом. Корпус судна занял от внезапно возросшей нагрузки, и круизер отвернулся от своей добычи, возвращаясь к собственному флоту — но не для того, чтобы возглавить его. Орудия корабля открыли огонь. Когда одно из попаданий взорвало корму одному из «Свирепых», на поле боя наступило ложное затишье, пока участники конфликта пытались разобраться в происходящем... А затем оно погрузилось в хаос.

Разъяренные команды множества кораблей обрушили всю подвластную им огневую мощь на круизер, пока другие, настолько же разозленные тем, что они восприняли за попытку мятежа, немедленно контратаковали былых союзников. Спустя несколько секунд орочья флотилия превратилась в свору перестреливающихся между собой кораблей. Пустота космоса вновь заполнилась огнем орудий и то и дело освещалась рождением небольших звезд, когда погибало очередное судно.

Из истребляющего самого себя роя на свободу сумел вырваться «Вердикт наковальни». Истекающий кислородом и охваченный языками пламени, ударный крейсер окружил себя ореолом гнева в виде вспышек орудий и разрядов лэнс-батарей.

Ха'гарен никогда не видел ничего хорошего в хаосе. Для него тот был самой настоящей анафемой — самое малое, самое незначительное его проявление, легко могло оказаться делом рук Великого Врага. Однако то, что происходило сейчас, то, как изменился курс войны в пустоте, пришлось ему по душе. Враги Императора обратились друг против друга — и это славное истребление было делом его рук. Ха'гарен — одна-единственная душа, один разум, — сумел создать эту картину абсолютного уничтожения.

Когда первые ответные залпы ударили по обшивке круизера, он почувствовал вскипающую в нем агрессию. Сама вселенная, казалось, приказывала ему крушить и сжигать все, на что падал его взор. Каждое попадание было брошенной ему перчаткой — и он был готов вырвать за это сердца своих врагов, погрузить свои клыки в их глотки, он был...

Что ты такое?

Вопрос, прозвучавший тихим, но звонким ударом железа по железу, мгновенно осадил его. Этот рефрен, повторявшийся уже такое великое

множество раз, напоминал собой слиток металла, который складывался и перековывался раз за разом до тех пор, пока у него не появилась своя собственная сила и личность. В голове Ха'гарена он прозвучал голосом Ба'биринина, как будто бы тот задавал вопрос в самый первый раз, но на этот раз он требовал ответа.

Что ты такое?

Я — технодесантник.

Я — Саламандра.

Я — Ха'гарен.

Я... Я теряю свою душу.

Ха'гарен разорвал соединение, отключившись от генератора, и рухнул в объятия реальности, обратно в пучину трюма орочьего крузера. Он пошатнулся, чувствуя себя выпотрошенным и опустошенным. Орочья скверна не желала покидать его тело. Ха'гарен повернул голову налево — и увидел, как Изверг прошел мимо изувеченного тела Ба'биринина, чтобы вернуть себе свой трофей.

Спустя мгновение, орк остановился. Выражение обеспеченного всемогуществом самодовольства на его морде сменилось на смесь паники и ярости.

Когда корабль отделился от планеты, ложась на проложенный Ха'гареном курс, хватка той силы, что наполнила собой орков, ослабла. Прямо на глазах технодесантника Верховный Изверг увядал, превращаясь из бога в обычное чудище. Трюм заполнил вой охваченных отчаянием орков. Броня Изверга, лишенная поддержки вылетевших из гнезд поршней, превратилась в переносную тюрьму. Вес тонны бесполезного железа взял свое — и орк рухнул на пол с жутким грохотом.

Несколько секунд они смотрели друг на друга — павший орочий воевода, и космический десантник, который стоял на месте лишь потому, что и не пытался сделать шаг. Изверг с ненавистью взирал на Ха'гарена, сетуя на то, как тот лишил орка славной судьбы. Технодесантник попытался поднять оружие, но даже на это действие у него сейчас не хватило сил и воли. Даже его серворуки бесполезно повисли по обе стороны от него.

Болтерный огонь забарабанил по броне Изверга, когда остальные Саламандры пришли технодесантнику на подмогу, но их прицел сбила внезапная судорога корабля, обстреливаемого орудиями собственного флота. Изверг, нашедший в отчаянии достаточно сил, сорвал с себя доспехи и поднялся на ноги. Шальной болт ударил его в плечо — но это лишь подстегнуло монстра. Зверь, все еще являвшийся монументом, посвященным насилию, но в настоящий момент совершенно бессильный,

хромая, пронесся мимо Ха'гарена и исчез во мраке отсека.

Крузер снова потрянуло — на этот раз еще сильнее. Палуба накренилась. Башни бесполезных механизмов обрушились вниз — и даже блаженно лишенный связи с кораблем, Ха'гарен почувствовал, как судно начинает умирать. Орки, только что спешившие на помощь своему лидеру, лишились и намека на дисциплину. Теперь они растворялись в тенях так же быстро, как появились на поле боя. Они бежали, напуганные уничтожением судна, на котором находились.

Ха'гарен сделал свой первый шаг, когда его окружили боевые братья.

— Ба'бирин... — начал он.

— Его наследие будет жить. — произнес Н'крумор.

Технодесантник кивнул. Значит, прогеноиды Ба'бирина удалось спасти.

Еще больше взрывов. Где-то в отдалении раздался зловещий шум ветра. Была пробита обшивка.

— Есть контакт с «Вердиктом наковальни». «Громовой ястреб» уже в пути, но ему нужны координаты. — донеслось от брата Беренгия.

Ха'гарен знал каждый болтик на борту крузера, точно так же, как знал все о «Вердикте», так что он отринул мысли о запятнавшей его скверне и заговорил.

— Рядом с нами есть ангар, одной палубой выше.

После этого он передал Беренигию координаты, которые тот сообщил «Громовому ястребу».

Окружив пленника, Саламандры бросились в шторм, коим стал умирающий корабль. У них возникло ощущение, будто бы воцарившееся в трюме безумие распространилось по всему кораблю. Целые коридоры обрушивались в огненные ямы, стены искривлялись от ужасной нагрузки и жара, дым заполонил все проходы. Освещение, сменившееся на мерцающий красный и кричаще-белый, стало еще одним предвестником конца, вдобавок к адскому хору из воющего металла и глубокой, фатальной аритмии детонаций. Ха'гарен указывал братьям дорогу. В этих железных катакомбах для него больше не было тайн, и у каждого тупика он находил альтернативный маршрут. Не было более ни сомнений, ни задержек. Он стал необходимым для этой войны оружием, и он использовал знания ксеносов, чтобы вывести своих братьев с корабля перед тем, как тот полностью отдастся в очищающие объятия пламени.

Ангар, который был целью Саламандр, тоже оказался в хватке бури. «Громовой ястреб», нареченный «Горой смертельного огня», пробил себе путь внутрь корабля, и атмосфера отсека в данный момент быстро улетучивалась в пустоту. Элишат рухнул на пол, хватая ртом воздух.

Оставшуюся часть пути до транспортника Ха'гарен тащил его на себе.

Когда «Гора смертельного огня» покинула внутренности круизера, Ха'гарен прислонился к иллюминатору, наблюдая за предсмертными судорогами орочьего судна. На данный момент по нему уже перестали вести огонь, да и его собственные орудия давно умолкли. Двигатели тоже померкли, и теперь судно дрейфовало, освещаемое лишь вспышками пламени, что вырывались из его пробитых артерий. Когда воздух, что уносился на свободу через десятки пробоин, закончится, погаснут и они. Круизер превратился в уголек, в выхолощенную скорлупку, и скоро станет лишь расколотым надгробным камнем над могилой амбиций своего хозяина.

Нелей вышел из кабины пилотов. Он уже избавился от шлема, и на его лице ясно виднелись следы измождения — не от потери руки, но от скорби по погибшим братьям.

— Капитан передает свежие вести. Орочий флот — точнее то, что от него осталось, — разбит и отступает.

— Значит, Верховный Изверг мертв? — спросил Н'крумор.

— Нет. — вмешался в разговор Ха'гарен. — Отступление означает то, что они перестали сражаться друг с другом — кто-то восстановил порядок во флоте, а значит у них все еще есть лидер.

— Круизер покинуло множество меньших кораблей. — сказал Нелей. — И все же, даже если он еще жив, его планам насчет этой системы не удалось сбыться.

Нелей повернул голову, чтобы взглянуть на спасенного ими эльдара.

— И мы уничтожим то, что звало к себе зеленокожих.

Элишат ничего не сказал на это замечание. Ха'гарен тоже взглянул на Видящего, но увидел лишь существо, которое не имело никакой выгоды от смены своих тюремщиков. Отвернувшись от элдара, технадесантник снова обратил внимание на круизер. Орочий корабль уже исчезал в ночной тьме космоса. Ха'гарен в последний раз лицезрел могилу Ба'бирин.

Он спросил себя еще раз, от имени своего брата.

Что ты такое?

На данный момент он знал ответ на этот вопрос, но вместе с тем он понимал, что ответ не останется неизменным. Ха'гарену удалось убить корабль благодаря тому, что он пожертвовал своей плотью и человечностью.

— *Помни о своей человечности.* — говорил совсем недавно Ба'бирин, и Ха'гарен не собирался перечить брату, однако он знал — то, чем ты больше не обладаешь, остается лишь вспоминать. Его судьба была ясна. Он должен

измениться. Контакт с круизером оставил раковую опухоль на его душе. Ха'гарен чувствовал, как она гложет его — и ему ничего не оставалось, кроме как выжечь из себя заразу. Технодесантник должен вернуться в кузню и стать идеальным оружием на службе своего ордена и Императора — но когда это произойдет, то, что некогда звалось Ха'гареном, будет так же мертво, как и его брат.

Но их обоих будут помнить.

ЭПИЛОГ

Под поверхностью Лепид-Прайм, под людским городом, что был возведен на руинах строений эльдар, Элисат встал перед входом в лабиринт. Наверху, внутри города и в землях на востоке, от его сородичей остались лишь обожженные, почерневшие трупы, а их джетбайки — символ подхода Сайм-Ханн к войне, — представляли из себя лишь искореженные обломки, злую насмешку над собственным былым великолепием. Позади провидца находились воины человеческого Императора — такие же чудовищные и равнодушные к мольбам, как и орки.

У него не было рун, но будущее и без того не имело больше никаких тайн. Сейчас, и во веки веков, Элисат был потерян и проклят.

— Отведи нас к нему. — приказал капитан Саламандр.

Старик мог отказаться, выбрав пытки или вечные объятья Той-что-жаждет. Или же он мог пойти вперед, выиграв время для молитв во время медленного продвижения к осколку. Молитв расколотому богу. Молитв о том, чтобы он не остался единственным живым эльдаром на этой планете. Молитв о чуде. О возмездии.

Он начал идти.